К. Валишевскій.

НАСЛѢДІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Царство женщинъ—правленіе фаворитовъ).

1725—1741 г.г.

Часть II, **Анна I**; часть III, **Два регентетва**.

Переводъ *А. Энквистъ*.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
„НАУКА и ЖИЗНЬ“.
1906.

Часть II.

АННА I.

VII. Попытка конституціоннаго образа правленія и первая русская хартія.

Ночной совѣтъ въ Лефортовскомъ дворцѣ. — Верховный совѣтъ предъявляетъ свои права на верховную власть въ государствѣ, за отсутствіемъ государя. — Избраніе Анны Ивановны. — Проектъ конституціонной реформы.—Зачатки и происхожденіе конституціоннаго начала.—Политическій идеалъ Дмитрія Голицына.—Провозглашеніе новой Императрицы.—Первая русская хартія.—Она держится въ тайнѣ.—Оппозиція.—Духовенство. — Феофанъ Прокоповичъ. — Дворянство. — Волненія. — Анна соглашается на условія, предложенныя ей.—Прибытіе Анны.—Первое нарушеніе конституціоннаго договора. — Явное содѣйствіе Остермана возстановленію абсолютизма.—Анна мечтаетъ возстановить абсолютизмъ путемъ государственнаго переворота.—Участіе гвардіи.—Сочувствіе дворянства.—День 25-го февраля. — Петиція дворянства. — Вмѣшательство герцогини Мекленбургской. — Манифестація со стороны гвардіи. — Хартія уничтожается.—Отвѣтственность и послѣдствія. — Паденіе дворянства. — Репрессіи.—Ссылка Долгорукихъ. — Въ Березовѣ.—Дознанія и казни.—Въ Новгородѣ.—Иванъ Долгорукій. — Царская Невѣста.—Наталія Долгорукая.—Ея романъ.—Ея мемуары.—Кровавая заря новаго царствованія.

I.

Теоретически, послѣ смерти Петра II, какъ и въ моментъ кончины Петра I — не было, т. е. не оставалось ничего, ни завѣщанія, ни наслѣдника, ни какого-либо указанія на порядокъ престолонаслѣдія. Существовалъ только одинъ Верховный Совѣтъ, силою обстоятельствъ державшій въ своихъ рукахъ верховную власть. Онъ состоялъ въ это время изъ пяти лицъ: канцлера Головкина, вице-канцлера барона Остермана, двухъ Долгорукихъ

(Алексѣя Григорьевича и Василія Лукича) и Дмитрія Михайловича Голицына. Апраксина уже не было въ живыхъ. Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій, прибывшій ради бракосочетанія своей племянницы изъ дальней Сибири, гдѣ онъ воеводствовалъ, также былъ допущенъ въ Верховный Совѣтъ. Въ моментъ кончины Петра II эти шесть лицъ собрались въ Лефортовскомъ дворцѣ, пригласивъ и Михаила Михаиловича Голицына; совѣщаніе ихъ происходило въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца.

Этотъ тайный совѣтъ казался весьма страннымъ всѣмъ остальнымъ „высокимъ персонамъ“ въ государствѣ, находившимся въ эту ночь въ Лефортовскомъ дворцѣ и продолжавшимъ все еще съѣзжаться сюда. Третій фельдмаршалъ, князь Иванъ Трубецкой, Ягужинскій и Дмитріевъ-Мамоновъ, морганатическій супругъ царевны Прасковіи Ивановны, не понимали, почему верховники призвали на совѣтъ именно тѣхъ, а не другихъ лицъ, и что долженъ былъ означать этотъ новый Совѣтъ, никѣмъ не утвержденный и не имѣющій никакого законнаго основанія для своего признанія. Такимъ образомъ зародился сдержанный ропотъ и недовольство какъ противъ самого Совѣта, такъ и противъ тѣхъ рѣшеній, каковы бы они не были, которыя долженъ былъ вынести этотъ Совѣтъ.

Тѣмъ временемъ совѣщающіеся не теряли даромъ драгоцѣнныхъ минутъ, сознавая, что время дорого. Долгорукіе сначала не рѣшались заговорить о завѣщаніи; Головкинъ притворялся, что лишился голоса, и объяснялся только кивками или отрицательными жестами, а потому прервалъ напряженное состояніе Дмитрій Голицынъ. „Для всѣхъ ясно,—говорилъ онъ,—что государь не оставилъ никакого наслѣдника и даже не назначилъ себѣ преемника; завѣщаніе Екатерины I-ой не могло быть принято теперь во вниманіе; она не имѣла даже права оставлять завѣщаніе, какъ вышедшая изъ ничтожества! Другое же завѣщаніе, приписываемое Петру II,—продолжалъ Голицынъ, умышленно возвышая голосъ, при чемъ Долгорукіе всѣ насторожились,—ложное!

Василій Лукичъ попытался было протестовать жестомъ, но Голицынъ съ еще большимъ удареніемъ еще разъ повторилъ: „Да, ложное! Это знаютъ всѣ!“

Никто не осмѣлился возражать. Долгорукіе потупили глаза, чувствуя, что ихъ дѣло проиграно. Голицынъ продолжалъ:

Выблядки

„В... Петра I, конечно, не могутъ идти въ счетъ въ вопросѣ престолонаслѣдія, а Евдокія Федоровна, хотя и имѣетъ, безспорно, нѣкоторыя права на царство, все же стара и едва согласится принять на себя бремя государственныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что права трехъ дочерей Ивана заслуживаютъ во всякомъ случаѣ предпочтенія. Старшую изъ нихъ слѣдовало отстранить изъ-за ея супруга...“

Дѣйствительно, мужъ Герцогини Мекленбургской былъ человѣкъ въ высшей степени непріятный, постоянно ссорившійся не только со своими близкими, своими министрами и генералами, а даже и со своими подданными, благодаря чему онъ въ концѣ концовъ былъ смѣщенъ со своего герцогства въ 1736 г. Онъ не разъ вступалъ въ пререканія даже съ самимъ Петромъ. О самой Герцогинѣ Мекленбургской иностранцы того времени были также далеко не лестнаго мнѣнія: „Это очень тучная, жирная 40-лѣтняя баба, весьма чувственная, но совершенно лишенная способности разсуждать и размышлять; очень некрасивая лицомъ, но весьма склонная къ злоупотребленію виномъ и любовью, при чемъ она никому никогда не бывала вѣрна даже на самое короткое время“.

Таковъ портретъ, который намъ даетъ Герцогъ Лиріа въ своихъ мемуарахъ.

О Прасковіи Ивановнѣ Голицынъ почему то совершенно умолчалъ, вѣроятно, по причинѣ ея морганатическаго супружества съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Очевидно, выборъ его палъ на Анну Ивановну, „женщину умную, съ характеромъ, хотя и со слабостями“, какъ онъ рекомендовалъ ее. Правда, говорили, что характеръ у нея не совсѣмъ пріятный, но „курляндцы на нее никогда не жаловались...“

Василій Лукичъ одобрилъ этотъ выборъ; онъ одинъ изъ всѣхъ собравшихся здѣсь зналъ близко Герцогиню курляндскую, во время пребыванія ея въ Митавѣ, и сохранилъ съ нею хорошія отношенія. Всетаки это была подходящая кандидатка на вакантный престолъ; это сознавали въ душѣ и другіе, и предложеніе было какъ бы безмолвно принято, при чемъ весьма удивительно что никто изъ присутствующихъ не вспомнилъ о Петрѣ-Ульрихѣ, сынѣ Герцогини голштинской, права котораго, какъ единственнаго мужескаго пола отпрыска Петра, были несомнѣнны. Но дѣло

въ томъ, что женщина, какая бы она ни была, являлась болѣе удобной, лучше соотвѣтствовала скрытымъ замысламъ и намѣреніямъ этихъ господъ, самозванныхъ избирателей, что и вылилось въ заключительныхъ словахъ Голицына: „Итакъ, всѣ мы остановились на Аннѣ Ивановнѣ; но этого мало, надо еще подумать о томъ, чтобы *„себѣ полегчить“*.

— Что вы разумѣете подъ этимъ?—спросилъ Головкинъ, къ которому вдругъ вернулся его утерянный голосъ.

— „Я разумѣю такъ, что мы должны обезпечить себѣ немного больше льготы и свободы“, сказалъ Голицынъ, считая этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы изложить свой идеалъ государственнаго строя, который, по его мнѣнію, долженъ былъ встрѣтить большее или меньшее сочувствіе со стороны большинства собравшихся здѣсь лицъ. Всѣ эти представители древней, родовитой знати считали унизительнымъ для себя гнетъ царской власти, тяготѣвшій надъ ними уже въ теченіе многихъ вѣковъ, но все еще не покорившій ихъ, и всѣ въ душѣ лелѣяли надежду рано или поздно освободиться отъ него. Уже въ предыдущемъ столѣтіи бояре вздумали было измѣнить государственный строй на основаніи особаго соглашенія между боярствомъ и верховною властью.

И это самое мы видѣли уже не разъ и раньше въ тѣ періодическіе кризисы, которые переживалъ московскій абсолютизмъ, временами изнемогавшій подъ тяжестью своего собственнаго всемогущества. При каждомъ удобномъ случаѣ, родовитые люди заговаривали объ учрежденіи намѣстничествъ съ чисто феодальными правами, по возможности не только пожизненными, но даже и наслѣдственными. Въ 1681 г. только патріархъ Іоакимъ воспротивился подобному раздѣленію власти между родовитыми людьми и Государемъ. Ту же мысль высказывалъ теперь Дмитрій Голицынъ, и Долгорукіе, видя, что ничего лучшаго для нихъ не предвидится, ничего не имѣли противъ этой мысли; только Василій Лукичъ сомнѣвался въ возможности успѣха подобной попытки. Однако, Голицынъ горячо отстаивалъ свой проектъ, и такимъ образомъ было рѣшено предложить престолъ Аннѣ Ивановнѣ, но на извѣстныхъ, ограничивающихъ ея власть, „условіяхъ“ *).

*) Мемуары князя Долгорукаго (по запискамъ своего дѣда)—I, 305.

Послѣ того совѣщаніе было окончено, и всѣ вышли въ большой залъ дворца, гдѣ уже толпилась вся сановная Москва. Ягужинскій, повидимому, весьма обиженный тѣмъ, что не былъ приглашенъ на совѣщаніе, громко разсуждалъ о верховникахъ и ихъ замыслахъ, переходя отъ одной группы къ другой и высказывая приблизительно тѣ же взгляды, что и Голицынъ. Когда верховники появились въ залѣ, всѣ устремились къ нимъ, спѣша узнать ихъ рѣшеніе, затѣмъ во всѣхъ концахъ принялись обсуждать сдѣланный ими выборъ. Феофанъ Прокоповичъ напоминалъ о завѣщаніи Екатерины I-й, назначавшей въ преемницы Петру Алексѣевичу ея двухъ тетокъ, дочерей Петра I-го.

На это Голицынъ рѣзко отвѣтилъ:

— „Мы не хотимъ этихъ в...!“

И вышло, что никто ихъ не хотѣлъ, или не смѣлъ хотѣть, а многіе даже поспѣшили изъ дворца, чтобы разнести по Москвѣ вѣсть объ избраніи Анны Ивановны.

— Погодите, надо же собрать голоса и постановить условія!— воскликнулъ Голицынъ.

И вотъ собрался новый совѣтъ, такой же самозванный и самовластный, какъ и совѣтъ верховниковъ; послѣ нѣкоторыхъ уговоровъ и упрашиваній, Остерманъ, наконецъ, согласился изложить эти условія и продиктовать ихъ, но писать ихъ самъ ни за что не хотѣлъ. Даже начавъ диктовать, онъ до того мямлилъ, тянулъ и путался, что Василій Лукичъ, съ завистью взиравшій на видную роль, присвоенную себѣ въ этомъ дѣлѣ Голицынымъ, вступился и сталъ диктовать самъ *).

Это, въ сущности, былъ лишь предполагаемый проектъ, съ точки зрѣнія верховниковъ, такъ какъ избраніе Анны должно было быть предложено на обсужденіе болѣе многочисленнаго избирательнаго собранія, какъ и избраніе Екатерины Алексѣевны, но также, какъ и тогда, не пришлось созывать этого собранія, потому что къ 10 час. утра весь Синодъ, Сенатъ и Генералитетъ собрались уже въ Кремлѣ, и Голицынъ, принявшій на себя почему то роль первенствующаго въ этомъ дѣлѣ, предложилъ

---

*) Записки секретаря, писавшаго эти условія, Степанова—„Историческіе памятники современной Россіи“, 1876 г.—I, 10—11 (Московскій Госуд. Архивъ).

собранію избрать Анну Ивановну, Герцогиню Курляндскую. Послѣдняя пользовалась вообще при дворѣ большою популярностью, такъ какъ во время частыхъ и продолжительныхъ пребываній своихъ въ Петербургѣ и Москвѣ съумѣла пріобрѣсти себѣ многочисленныхъ друзей. Въ силу этого, предложеніе Голицына было встрѣчено единодушнымъ одобреніемъ. Но на этотъ разъ почему то ничего не было сказано „объ условіяхъ".

Верховный Совѣтъ келейнымъ образомъ занялся разработкой не только текста, но и самого содержанія этихъ условій, кое-что измѣняя, кое-что добавляя къ первоначальному изложенію, напр., подчиненіе гвардіи власти Верховнаго Совѣта и обѣщаніе, что въ случаѣ, если бы императрица не исполнила своихъ обѣщаній, она навсегда лишалась престола и короны.

Благодаря всѣмъ этимъ поправкамъ и добавленіямъ изъ „условій" получилась настоящая конституціонная хартія.

Императрица должна была обѣщать:

A. Стараться о распространеніи православной вѣры.

B. Не вступать въ бракъ и не назначать себѣ преемника.

C. Сохранить существованіе Верховнаго Совѣта, состоящаго изъ 8 лицъ, и сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ рѣшеніями этого Совѣта, согласіе котораго должно считаться необходимымъ: 1) при объявленіи войны; 2) при заключеніи мира; 3) при введеніи новыхъ податей и налоговъ; 4) при назначеніи кого-либо на должность выше чина полковника; 5) при лишеніи жизни—или лишеніи правъ состоянія кого-либо изъ дворянъ; 6) при дарованіи земель, вотчинъ и угодій; 7) при назначеніи на придворныя должности русскихъ и иностранцевъ и 8) при распоряженіи государственнымъ имуществомъ на свои личныя или иныя нужды.

Это было, можно сказать, осуществленіемъ мечты Голицына; окончательная конституціонная организація олигархической власти, фактически существовавшей уже при Петрѣ II. Двое Голицыныхъ, четверо Долгорукихъ и двое представителей новаго правительственнаго персонала, созданнаго Петромъ II-мъ, Головкинъ и Остерманъ, являлись теперь носителями этой власти. Но хитрый Остерманъ устранился отъ этой окончательной разработки общаго дѣла. Ставя свое званіе воспитателя покойнаго государя выше званія вице-канцлера, онъ считалъ своимъ долгомъ не от-

ходить теперь отъ тѣла усопшаго, и на приглашеніе подписать наравнѣ съ остальными своими коллегами этотъ важный государственный документъ, сталъ всячески отговариваться, чѣмъ впослѣдствіи даже хвастался, ставя въ примѣръ другимъ свою дальновидность.

О томъ, чтобы подвергнуть эту хартію одобренію Сената, Синода и Генералитета, не было даже и рѣчи. Это, конечно былъ бы довольно рискованный шагъ. Но, на бѣду, верховники вздумали, чтобы придать своимъ требованіямъ больше вѣса и значенія, выдать въ письмѣ, обращенномъ къ Аннѣ Ивановнѣ составленныя ими условія за единогласное рѣшеніе всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ, и трое депутатовъ, являвшихся какъ бы представителями Верховнаго Совѣта, Сената и Генералитета, отправились въ Митаву, при чемъ двое изъ этихъ депутатовъ вовсе не были знакомы съ содержаніемъ письма. Что касается Синода, то Голицынъ воспротивился, чтобы и отъ него былъ представитель въ этой депутаціи, потому что, по его словамъ, духовенство опозорило себя, давъ свое согласіе на восшествіе на престолъ Екатерины. И это опять-таки было громадною ошибкой со стороны Голицына, послѣдствія которой вскорѣ должны были сказаться.

II.

Феофанъ Прокоповичъ имѣлъ теперь еще большее основаніе быть враждебнымъ рѣшенію и выбору верховниковъ. Онъ всегда былъ сторонникомъ неограниченной власти монарха, хотя и видѣлъ въ религіи совершенно независимую соціальную силу которая должна проявляться въ уничтоженіи предразсудковъ и невѣжества въ народѣ, что въ его представленіи отлично могло согласоваться съ абсолютизмомъ. Будучи противникомъ старыхъ порядковъ, Феофанъ Прокоповичъ не желалъ возстановленія патріаршей власти, довольствуясь существующей организаціей Синода, дозволявшей ему управлять имъ по своему усмотрѣнію, при чемъ въ душѣ онъ мечталъ о роли духовнаго фаворита, полновластнаго, при полновластномъ государѣ. При Петрѣ I ему заграждали дорогу Стефанъ Яворскій и Ѳеодосій Яновскій, при Екатеринѣ I другіе два соперника, Ѳеофилактъ Лопатинскій, епископъ Тверской, и Георгій Дашковъ, епископъ Ростовскій, состо-

явшіе союзниками одинъ Голицыныхъ, другой Долгорукихъ. При Петрѣ II въ Синодѣ одержали верхъ сторонники Дашкова, и самый Синодъ былъ подчиненъ Верховному Совѣту, что также было не къ выгодѣ Феофана Прокоповича. Типографію, гдѣ печатались его сочиненія, закрыли, и противъ него снова было возбуждено преслѣдованіе по обвиненію въ преступномъ отношеніи къ иконамъ, изукрашеннымъ драгоцѣнными камнями; ему пришлось уплатить весьма значительную пеню. Но вотъ Петра II-го не стало, дѣло его было закончено,—и теперь онъ мечталъ о возмездіи.

За его спиной сталъ группироваться весь лагерь недовольныхъ, а таковыхъ было не мало какъ среди сановниковъ, такъ и среди высшаго духовенства. Ягужинскій надумалъ даже отправить гонца съ письмомъ къ Аннѣ Ивановнѣ, чтобы увѣдомить ее, что „*условія*“, о которыхъ всѣ теперь говорили въ Москвѣ, но съ которыми никто не былъ знакомъ, не исходятъ изъ общаго соглашенія, а измышлены всего нѣсколькими лицами. Однако, планъ его не могъ быть осуществленъ, такъ какъ Василій Лукичъ распорядился охранять всѣ пути въ Митаву, и посланецъ былъ перехваченъ, но за то гонецъ Левенвольдэ, отношенія котораго къ Аннѣ Ивановнѣ уже извѣстны, опередилъ депутацію верховниковъ; братъ этого ловкаго авантюриста, Густавъ Левенвольдэ въ данное время состоялъ возлюбленнымъ герцогини Курляндской, и черезъ его посредство будущая императрица уже заранѣе узнала, что ея власть желаютъ ограничить и что это дѣло не обойдется безъ извѣстной оппозиціи.

Но и самая оппозиція распадалась на партіи: одни стояли за абсолютизмъ, другіе—за ограниченіе власти, только при участіи въ томъ Генералитета и дворянства, которые были обойдены верховниками. Особенно возмущалось мелкое дворянство размѣрами той власти, какую себѣ самовольно присвоили верховники, не безъ основанія предвидя въ новомъ государственномъ порядкѣ ничто иное, какъ многоглавый деспотизмъ. Антіохъ Кантеміръ и Василій Никитичъ Татищевъ стояли во главѣ той группы, которая явно возмущалась и протестовала. Волынскій же прямо выразился, что это будетъ „царствованіемъ десяти родовъ, т. е фамилій“. Нѣкоторые отстаивали права царицы Евдокіи, другіе стояли за герцогиню Мекленбургскую. Елизавета также имѣла своихъ сторонниковъ, и говорятъ, что лейбъ-медикъ ея Лестокъ

разбудилъ ее посреди ночи, съ 18-го на 19-е января, умоляя заявить о своихъ правахъ на Россійскій престолъ, но Елизавета будто бы отказалась. Утверждаютъ, будто она въ это время была беременна. Между тѣмъ вся Москва волновалась; въ это время она была переполнена пріѣзжими съ разныхъ концовъ дворянами, и вскорѣ въ числѣ недовольныхъ выборомъ и выдумкой верховниковъ насчитывалось свыше 300 человѣкъ, которые устраивали въ ночное время тайныя совѣщанія, гдѣ обсуждались всевозможные проекты. Верховный Совѣтъ, лишившись, если не самаго хитраго и ловкаго, то во всякомъ случаѣ самаго рѣшительнаго изъ своихъ членовъ въ лицѣ Василія Лукича, какъ то разстроился. „Условія“, какими то судьбами ставшія болѣе или менѣе извѣстными, возбуждали множество протестовъ и возраженій; начались переговоры, объясненія, какъ и почему невозможно было обсудить все это публично; говорили, что прежде нужно будто бы было знать отвѣтъ будущей государыни и т. п. Затѣмъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ Верховный Совѣтъ пошелъ на уступки; онъ допускалъ, чтобы государыня временно именовалась въ оффиціальныхъ бумагахъ и поминалась на экитиніяхъ—„Самодержавнѣйшею“ и пр.

Ожидаемый отвѣтъ получился въ Москвѣ 1-го февраля, черезъ генерала Леонтьева, одного изъ депутатовъ; Анна, повидимому, соглашалась на все, и отвѣтъ ея былъ составленъ такимъ образомъ, что она какъ будто самовольно возлагала на себя всѣ ограниченія, измышленныя верховниками. Отвѣтъ этотъ былъ прочтенъ при очень многочисленномъ собраніи, изъ котораго, однако, были исключены всѣ иностранцы, которыхъ уже въ это время насчитывалось чуть не $^1/_5$ среди высшихъ гражданскихъ государственныхъ чиновъ, $^1/_3$ въ арміи и $^2/_3$ во флотѣ.

По словамъ Феофана Прокоповича, собраніе встрѣтило это чтеніе гробовымъ молчаніемъ; верховники, желая сдѣлать видъ, что и они удивлены содержаніемъ письма будущей императрицы, и внутренно сознавая, что имъ никого не провести, чувствовали себя весьма смущенными; только одинъ Голицынъ старался поддержать свое достоинство, громко восклицая: „видите ли, какъ Государыня къ намъ милостива!“ Но такъ какъ никто на это не отвѣтилъ, то онъ вышелъ изъ себя и уже съ видимымъ нетерпѣніемъ крикнулъ: „Да что вы всѣ онѣмѣли, что ли?“

Кто-то возразилъ, что не понимаетъ, какъ Государынѣ пришло на умъ писать подобныя вещи, и затѣмъ, такъ какъ снова воцарилось общее молчаніе, приступили къ собиранію подписей подъ протоколомъ засѣданія, разсчитывая, что это будетъ равносильно общему одобренію. Никто не протестовалъ, и такимъ образомъ было собрано свыше 500 подписей. Но князь Алексѣй Михаиловичъ Черкасскій просилъ, чтобы ему и многимъ изъ его друзей было позволено высказать ихъ взглядъ на новую организацію государства. Верховники не рѣшились этому воспротивиться, хотя и предвидѣли, что это можетъ повлечь за собой гибель ихъ плановъ, но устыдившись вмѣстѣ съ тѣмъ своей слабости, они вздумали поднять свое значеніе, арестовавъ Ягужинскаго, главнаго зачинщика всей этой неурядицы, думая этимъ и на остальныхъ нагнать страху.

Но этихъ остальныхъ было слишкомъ много; кромѣ того, они отлично сознавали, что Верховный Совѣтъ пошелъ по наклонной плоскости и распадается въ самомъ себѣ, что Голицыны тянутъ въ одну сторону, Долгорукій въ другую, а Остерманъ въ третью, хотя ничѣмъ и не проявляетъ этого. Всѣ мѣры, предпринимаемыя Совѣтомъ, оспаривались отдѣльными его членами; много было несогласія и относительно того, слѣдуетъ ли немедленно обнародовать „условія“ — или же отложить это дѣло до прибытія Императрицы. Спрошенный объ этомъ Остерманъ высказался за послѣднее. Тогда верховники удовольствовались тѣмъ, что объявили Императрицѣ, что новый режимъ былъ встрѣченъ всѣми съ величайшимъ энтузіазмомъ, что весьма было похоже на ложь.

Между тѣмъ изложенія взглядовъ на предполагаемую конституціонную реформу, о которыхъ говорилъ Черкасскій, стали поступать въ Верховный Совѣтъ въ изрядномъ количествѣ; такихъ контръ-проектовъ реформы насчитывалось уже къ 10 февраля болѣе 8, не считая тѣхъ, что ходили по рукамъ. Всѣ они имѣли ту общую черту, что стремились къ возможно большему расширенію задуманной реформы; всѣ согласны были на ограниченіе верховной власти, но хотѣли, чтобы олигархическій контроль надъ нею былъ замѣненъ „общенароднымъ“, иначе говоря, общедворянскимъ, включая сюда и захудалыхъ. Въ главныхъ пунктахъ всѣ сходились, но въ разработкѣ подробностей многіе заходили уже слишкомъ далеко. На улицахъ Москвы только и тол-

ковали, что объ англійской конституціи, парламентѣ и даже о республикѣ. Но такъ какъ о подробностяхъ ея никакъ не могли сговориться, то всей этой затѣѣ грозила полная неудача. Татищевъ, подъ прикрытіемъ Черкасскаго, составилъ отъ имени мелкаго дворянства проектъ, совершенно уничтожающій Верховный Совѣтъ и власть верховниковъ и замѣняющій это учрежденіе палатою, состоящею изъ 100 членовъ. Этотъ проектъ былъ снабженъ 249 подписями. Одновременно съ этимъ составлены были еще другіе проекты Грековымъ, Секутовымъ и Алавердіевымъ, подписанные, какъ говорятъ, 840 лицами.

Впрочемъ, въ общей сумятицѣ идей и стремленій многіе подписывались подъ нѣсколькими проэктами одновременно. Въ главныхъ чертахъ проектъ Секутова былъ слѣдующій:

1) Императрицѣ предоставлялось право безконтрольнаго распоряженія только своимъ дворцомъ, при чемъ расходы на дворъ и ея особу строго ограничивались опредѣленной суммою.

2) Исполнительная власть принадлежитъ всецѣло Верховному Совѣту, которому предоставляется рѣшать вопросы войны и мира, назначать на всѣ высшія должности, распоряжаться войскомъ, и флотомъ и, наконецъ, вѣдать контроль надъ всѣми государственными расходами.

3) Сенатъ, состоящій изъ 33 лицъ, занимается предварительнымъ разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ всѣхъ дѣлъ, представляемыхъ въ Верховный Совѣтъ, при чемъ палата, состоящая изъ 200 человѣкъ депутатовъ отъ дворянства, и другая палата, состоящая изъ представителей городовъ, обязаны отстаивать во всѣхъ вопросахъ интересы своихъ сословій, равно какъ и интересы низшихъ классовъ населенія *).

Этотъ проектъ являлся, конечно, расширеніемъ ранѣе упомянутыхъ „условій“ или требованій верховниковъ, въ смыслѣ общенародномъ, но, съ другой стороны, здѣсь была и извѣстная уступка олигархической партіи.

Обнадеженные этимъ обстоятельствомъ верховники вздумали было отстаивать свои первоначальныя требованія съ большей настойчивостью, но дворянство уже закусило удила, почуявъ

*) *Корсаковъ* изъ писемъ герцога Лиріа. — „Восемнадцатый Вѣкъ“ III, 34—35 стр.

свою силу и фактическое безсиліе Верховнаго Совѣта, раздѣлившагося въ самомъ себѣ, благодаря оппозиціи, вызванной Головкинымъ,—и теперь съ дворянствомъ трудно было сладить.

Чтобы умиротворить Головкина, Верховный Совѣтъ предложилъ освободить Ягужинскаго и возвратить ему всѣ чины и положеніе. Но Ягужинскій отказался: „Вы меня загрязнили, вы не можете меня обѣлить, — сказалъ онъ, — я дождусь пріѣзда Императрицы". Дворянство также рѣшило дожидаться Императрицы для разрѣшенія конфликта, возникшаго между нимъ и Верховнымъ Совѣтомъ, который съ каждымъ днемъ утрачивалъ все болѣе и болѣе свои шансы на побѣду.

III.

10-го февраля 1730 г. Анна Ивановна прибыла во Всесвятское, т. е. подъ самую Москву, весьма недружелюбно расположенная къ Верховному Совѣту, тѣмъ болѣе, что Василій Лукичъ, являвшійся его представителемъ, не согласился допустить, чтобы человѣкъ, съ которымъ она въ Курляндіи уже нѣсколько лѣтъ раздѣляла жизнь, нѣкій Бирономъ, сопровождалъ ее въ Россію.

Тѣмъ не менѣе всю семью своего фаворита Анна Ивановна везла за собой, давая, очевидно, понять этимъ, что не сегодня—завтра она призоветъ къ себѣ и своего возлюбленнаго. По нѣкоторымъ слухамъ, она выслала впередъ себя одного изъ родственниковъ Левенвольдэ, которому было поручено поработать надъ возстановленіемъ самодержавія черезъ посредство Ягужинскаго, но что впослѣдствіи этотъ посланецъ впалъ въ немилость за то, что слишкомъ много возмнилъ о своей услугѣ и своей красивой наружности... да еще въ такое время, когда Государыня не имѣла недостатка въ увеселеніяхъ и наслажденіяхъ.

Между тѣмъ погребеніе Петра II, отложенное до сего времени было, наконецъ, назначено на 11 февраля. По этому случаю церемонія страшно затянулась, такъ какъ невѣста покойнаго государя требовала, чтобы ей было дано мѣсто среди членовъ императорской семьи, и послѣ весьма продолжительныхъ пререканій по этому поводу, дочь Алексѣя Григорьевича рѣшила остаться дома и совершенно неприсутствовать на похоронахъ.

Уже во Всесвятскомъ Анна Ивановна нарушила условія, на которыя она соглашалась въ Митавѣ. Отряды преображенцевъ и коннаго полка (конно-гвардейскаго полка), высланные въ качествѣ почетнаго караула во Всесвятское, были приняты Государыней особенно ласково; каждому рядовому она подносила чару вина изъ собственныхъ рукъ, провозгласила себя полковникомъ полка и капитаномъ роты, а когда вслѣдъ за тѣмъ явился Верховный Совѣтъ, Анна Ивановна приняла его вѣжливо, но холодно и сдержанно. Головкинъ вручилъ ей знаки Андрея Первозваннаго; императрица, принимая его изъ его рукъ, небрежно уронила: „Ахъ, да, я и забыла надѣть ихъ"! и приказала одному изъ людей своей свиты помочь ей возложить ихъ на себя, явно давая этимъ понять, что она принимаетъ эти знаки не отъ Верховнаго Совѣта, а сама возлагаетъ ихъ на себя по праву.

15 февраля состоялся торжественный выѣздъ Государыни въ столицу, а спустя пять дней происходила присяга въ Успенскомъ Соборѣ и въ четырехъ другихъ соборахъ. Въ послѣдній моментъ Верховный Совѣтъ рѣшилъ устранить изъ текста присяги всѣ спорные пункты и ограничиться совершенно незначительнымъ видоизмѣненіемъ текста. Между тѣмъ повсюду уже разнесся слухъ, будто верховники включили въ присягу, наряду съ именемъ Государыни, и свои личныя имена, и Феофанъ Прокоповичъ отказался ѣхать въ соборъ прежде, чѣмъ ему не дадутъ ознакомиться съ текстомъ присяги. Впрочемъ, остальные епископы не поддержали его, и внѣ себя отъ гнѣва и негодованія онъ волей неволей долженъ былъ сдаться. Ко всеобщему удивленію, въ текстѣ присяги не оказалось ничего особеннаго. Говорятъ, что Василій Лукичъ обратился съ просьбой къ преображенцамъ поддержать проектированныя измѣненія, но услышалъ отъ нихъ въ отвѣтъ: „посмѣй только, мы тебѣ всѣ кости переломаемъ"!

Тогда верховники вступили въ переговоры съ гвардейцами, предлагая освобождавшіяся въ Верховномъ Совѣтѣ мѣста замѣщать мелкими или средней руки дворянами и даже соглашаясь допустить избраніе дворянами нѣсколькихъ депутатовъ. Но увы!— все это было уже поздно. Подъ шумъ событій, толковъ и волненій на политическомъ горизонтѣ мало-по-малу начинали выдвигаться двѣ новыя личности, роль которыхъ, судя по всему, должна была стать первенствующею въ новомъ царствованіи.

Остерманъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сказывался больнымъ и, облѣпившись пластырями и горчичниками, съ самаго момента избранія Анны Ивановны не выходилъ изъ своей комнаты, распространяя по городу все болѣе и болѣе тревожные слухи о состояніи своего здоровья. Но этимъ ему трудно было провести кого нибудь, тѣмъ болѣе, что уже въ самомъ ходѣ событій за послѣднее время чувствовалось его вліяніе. Кромѣ того, верховникамъ было извѣстно, что онъ все время поддерживалъ самую оживленную переписку съ главарями оппозиціи и даже съ самою Анной. Однихъ онъ увѣрялъ, что самое лучшее для нихъ просить самую государыню объ осуществленіи желаемыхъ реформъ въ государствѣ, съ другой стороны—внушалъ Аннѣ, что она, какъ дочь старшаго брата Императора Петра I-го, имѣетъ права на Русскій престолъ помимо всякаго избранія и всякихъ ограничительныхъ условій, которыми это послѣднее обусловливалось.

Такимъ образомъ мысль объ устраненіи верховниковъ постепенно подвигалась къ осуществленію, къ чему всѣми силами стремилась теперь и Анна, тѣмъ болѣе, что Василій Лукичъ вернувшійся одновременно съ нею изъ Митавы, держалъ ее подъ строжайшимъ своимъ наблюденіемъ, что давало поводъ нѣкоторымъ упорнымъ мечтателямъ, бредившимъ Конституціей, надѣяться на возможность осуществленія ихъ мечты. Такъ, напр., бригадиръ Козловъ въ своихъ письмахъ къ Волынскому наивно радуется, что Государыня не можетъ купить себѣ „табакерки“ безъ согласія Верховнаго Совѣта. Ей ассигновано 100,000 рублей въ годъ, а такъ какъ до того времени она никогда не имѣла даже и 60,000 въ годъ, то должна была быть довольна этимъ. При малѣйшемъ сопротивленіи съ ея стороны, она рискуетъ быть обратно отправлена въ Курляндію, потому-что и возвели то ее на престолъ лишь на время, чтобы дать развиться извѣстнаго рода аппетитамъ, словомъ только для „помазки по губамъ“ *).

Правда, доступъ къ Императрицѣ былъ разрѣшенъ лишь завѣдомо благонадежнымъ съ точки зрѣнія верховниковъ лицамъ, но Василій Лукичъ былъ недостаточно остороженъ и бдителенъ по отношенію къ женскому персоналу, окружавшему Анну Ива-

*) Костомаровъ, Исторія Россіи въ біографіяхъ, 1888 г., II, 134 стр.

новну, и въ этомъ былъ громадный промахъ съ его стороны. Здоровая, сильная, смѣлая, полная жизни и веселія, ни мало не заботящаяся о приличіи, неукротимая, гордая и самовластная, прозванная нѣмцами „Die wilde Herzogin“, герцогиня Мекленбургская упорно проповѣдовала сопротивленіе Верховному Совѣту и усердно работала надъ организаціей этого сопротивленія, явнаго, а не тайнаго.

Благодаря ей и младшей ея сестрѣ Прасковіи Ивановнѣ, благодаря двоюродной сестрѣ, супругѣ Головкина, Наталіи Лопухиной, возлюбленной Рейнгольда Левенвольде и др., т. е. г-жѣ Остерманъ, Ягужинской, Салтыковой и княгинѣ Черкасской, Анна Ивановна находилась въ постоянномъ сношеніи съ внѣшнимъ міромъ и прекрасно знала все, что происходило за стѣнами дворца. Такъ, напр., Феофанъ Прокоповичъ доставилъ ей секретную записку, скрытую въ стѣнныхъ часахъ художественной работы. Кромѣ того, маленькій Бирона, котораго ежедневно приносили къ Императрицѣ, служилъ настоящимъ почтовымъ ящикомъ для тайной переписки Анны Ивановны: въ его пеленкахъ и платьицахъ постоянно приносились посылки и записки.

Въ концѣ мѣсяца Анна Ивановна останавливалась лишь передъ выборомъ болѣе удобнаго момента, чтобы довершить то, что она начала еще во Всесвятскомъ. Теперь Левенвольде ручался за гвардію, среди которой князь Кантеміръ дѣятельно работалъ надъ возбужденіемъ умовъ въ пользу самодержавія, что отчасти объяснялось тѣмъ, что онъ путемъ судебнаго дѣла, возбужденнаго противъ Дмитрія Голицына, лишился своего маіората и поссорился съ Долгорукими. Съ другой стороны, возбуждалъ въ томъ же духѣ преображенцевъ Феодоръ Андреевичъ Матвѣевъ, послѣдній представитель этого стараго боярскаго рода, всей душой ненавидѣвшій Долгорукихъ. Нужно было только воспользоваться въ извѣстный моментъ всѣми эти обстоятельствами, чтобы произвести задуманный переворотъ.

Сначала Анна Ивановна думала, что такимъ удобнымъ моментомъ можетъ быть время коронаціи, но вскорѣ ей пришлось измѣнить свое мнѣніе; дѣло въ томъ, что въ домѣ князя Барятинскаго нѣсколько десятковъ гвардейскихъ офицеровъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ собрались, чтобы повергнуть къ стопамъ Государыни прошеніе о возстановленіи самодержавной власти.

И вотъ посреди ночи стали собирать подписи и набрали ихъ до 260. Въ сущности, это движеніе пока еще ограничивалось главнымъ образомъ военнымъ міромъ, но имѣло несомнѣнные шансы охватить и мелкое дворянство. Верховники поняли, наконецъ, необходимость воздѣйствовать рѣшительными мѣрами, и на слѣдующій же день Остерману стало извѣстно, что его, Черкасскаго, Барятинскаго и Головкина и еще нѣкоторыхъ другихъ завѣдомыхъ сторонниковъ абсолютизма хотятъ арестовать. Остерманъ поспѣшилъ предупредить о томъ Анну, которая со своей стороны поняла, что настала минута дѣйствовать. Такимъ образомъ подготовился день 25 февраля 1730 г.

IV.

Судя по тѣмъ рѣшеніямъ, которыя были приняты, съ одной стороны, верховниками, съ другой—сторонниками самодержавія, Анна Ивановна ожидала увидѣть въ этотъ день рѣшительную схватку между этими двумя партіями, въ самыхъ стѣнахъ дворца. Противники верховниковъ должны были явиться во дворецъ съ съ своею петиціею, которую она готова была благосклонно выслушать, а верховники, желая этому воспрепятствовать, должны были тутъ же захватить и арестовать намѣченныхъ ими лицъ. Ввиду этого она не преминула принять надлежащія мѣры: заботами самого Василія Лукича въ этотъ день во дворцѣ долженъ былъ быть двойной караулъ; весь вопросъ заключался въ томъ, на чьей сторонѣ окажется эта военная сила. Непосредственнымъ начальникомъ этихъ дворцовыхъ карауловъ былъ нѣкій нѣмецъ Альбрехтъ; Анна Ивановна призвала его къ себѣ, обласкала и предупредила, что ожидается крупный переворотъ и что она надѣется на него. Тотъ молча поклонился, но она поняла, что можетъ быть увѣрена въ немъ. Дѣйствительно, въ 10 часовъ утра друзья и сторонники Черкасскаго, собиравшіеся наканунѣ въ домъ Барятинскаго, да еще нѣкоторые другіе, проведя ночь внѣ своего дома, чтобы на всякій случай избѣжать возможности ареста, всего до 150 человѣкъ, стали по-одиночкѣ съѣзжаться во дворецъ и просить аудіенціи у Верховнаго Совѣта, который какъ разъ засѣдалъ здѣсь въ это время. Правда, такое вступленіе не входило въ первоначальную программу, но вслѣдствіе разногласія мнѣній, извѣстной нерѣшительности, а, быть можетъ,

и нѣкоторой доли страха, нагнаннаго слухами о предполагаемыхъ захватахъ и арестахъ, эта оппозиція утратила отчасти свою смѣлость, и о явномъ возмущеніи противъ верховниковъ теперь не было даже и рѣчи. Между тѣмъ, будучи допущены въ залу Верховнаго Совѣта, въ качествѣ скромныхъ просителей, они только жаловались на то, что по сіе время желанія дворянства не были приняты во вниманіе, и смиренно ходатайствовали о милости быть выслушанными самой Императрицей. Верховный Совѣтъ могъ-бы разомъ положить конецъ этой несмѣлой, нерѣшительной попыткѣ, отказавъ въ допущеніи этихъ просителей къ Императрицѣ, но у него не хватило на это смѣлости. Право повергать къ стопамъ Государя свои жалобы и прошенія было издавна священно въ Россіи, а можетъ быть и сама Анна на этотъ разъ болѣе настойчиво высказала свое желаніе принять тѣхъ, кто хотѣлъ лично обратиться къ ней.

Такимъ образомъ Верховный Совѣтъ не принялъ во время рѣшительныхъ мѣръ, и аудіенція сторонниковъ самодержавія у Императрицы состоялась. Анна уже предвидѣла свое торжество, какъ вдругъ эти самые люди, на которыхъ она такъ разсчитывала, поразили ее совершенно непредвидѣнной неожиданностью. Во первыхъ, когда эти сторонники самодержавія явились просить разрѣшенія быть выслушанными самой Императрицей, Черкасскаго, ихъ главаря и коновода, не оказалось среди нихъ: страхъ быть схваченнымъ и арестованнымъ удержалъ его дома; наконецъ, набравшись смѣлости, не слыша ничего не объ арестахъ, ни о какихъ другихъ крутыхъ мѣрахъ, онъ рѣшился, предварительно простившись съ женой, какъ будто онъ шелъ на смерть, присоединиться къ своимъ товарищамъ, и поспѣлъ какъ разъ во время, чтобы представить Императрицѣ ихъ петицію, скрѣпленную всего лишь 87-ю подписями, гдѣ ни слова не говорилось о возстановленіи самодержавія. На ряду съ довольно слабой и смутной критикой „условій“, составленныхъ верховниками, и поверхностнымъ упоминаніемъ различныхъ другихъ конституціонныхъ проектовъ, не принятыхъ во вниманіе верховниками, петиція эта содержала лишь одно робко выраженное желаніе, чтобы дворянству было разрѣшено Государыней созвать совѣтъ изъ представителей своего сословія „для обсужденія будущихъ основъ новаго Правительственнаго строя“.

Анна съ трудомъ подавила досаду и разочарованіе, вызванныя въ ней чтеніемъ этой петиціи и даже самымъ видомъ этихъ собравшихся здѣсь людей. Она ожидала совсѣмъ другого. Неужели ее обманули? Вѣдь, эти господа тоже говорили только о конституціи и какихъ-то новыхъ Государственныхъ основахъ! И въ числѣ ихъ находилось нѣсколько-гвардейскихъ офицеровъ. Василій Лукичъ уже торжествовалъ въ душѣ: съ такими-то противниками онъ могъ управиться; и съ мгновенно вернувшимся къ нему самообладаніемъ и надменностью онъ, крикнулъ Черкасскому:

— Кто далъ вамъ право писать законы?

Но этотъ окликъ испортилъ все дѣло. Черкасскій, видя, что онъ погибъ, если сдастся, рѣшилъ идти на проломъ, и не сморгнувъ глазомъ, отвѣчалъ на вызовъ.

— Кто? да вы сами, увѣривъ Императрицу, что „условія“ были выработаны и одобрены всѣми нами, тогда какъ мы не принимали никакого участія въ этомъ дѣлѣ!

Роковыя слова были произнесены, и судьба Василія Лукича и его сотоварищей висѣла теперь на волоскѣ. Хитрый и умный, онъ хотѣлъ теперь только выиграть время. Согласно установленному порядку, Императрицѣ слѣдовало теперь обсудить петицію вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, и не долго думая, онъ объявилъ аудіенцію оконченной. Смущенная находчивостью и рѣшительностью Василія Лукича, Анна растерялась въ этотъ моментъ и не знала, что ей дѣлать, но находившаяся тутъ же Герцогиня Мекленбургская, инстинктивно понявъ, въ какую сторону долженъ былъ склониться въ данный моментъ выборъ сестры, стоявшей между этими просителями, которые, повидимому, сами не знали, чего они хотятъ, и Верховнымъ Совѣтомъ, власть и домогательства котораго ни для кого не были тайной, быстро нагнулась къ уху Анны Ивановны и шепнула ей: „Нечего тутъ обсуждать; вотъ перо и чернила, подпиши эту петицію, а тамъ дальше видно будетъ“! Но такъ какъ Анна все еще колебалась, то она еще настойчивѣе повторила: „Подпиши! Я тебѣ ручаюсь за остальное“! *) Тогда Анна подписала подъ петиціей священныя слова „Быть по сему“, и едва это сдѣлала, какъ тотчасъ же ощутила въ себѣ приливъ новой смѣлости и бодрости; у нея

*) Сборникъ, V, стр. 369.

родилась геніальная мысль объявить собравшимся, что она предоставляетъ дворянамъ, согласно ихъ просьбѣ, обсудить основы будущихъ государственныхъ устоевъ, но что результаты ихъ обсужденія должны ей быть представлены на утвержденіе сегодня же до наступленія вечера.

Поставить эту горсть новичковъ-политиковъ въ такія условія значило прямо вынудить ихъ отречься отъ всего. Потративъ нѣсколько недѣль на совершенно безполезныя обсужденія, въ результатѣ ни къ чему не приведшія, что могли они сдѣлать въ эти нѣсколько часовъ, да еще будучи лишены возможности снестись со своими родственниками и друзьями, отъ которыхъ не имѣли никакихъ полномочій? Имъ предоставлялось тотчасъ же приступить къ обсужденію въ особо отведенной для нихъ залѣ дворца и тотчасъ же придти къ какому нибудь рѣшенію, всѣ же входы и выходы дворца должны были оставаться закрытыми до разрѣшенія этого государственнаго вопроса. И въ то время, какъ они удалялись въ отведенную имъ для совѣщаній залу, между ними уже произошелъ расколъ, вызвавшій неожиданную манифестацію, которая, казалось, заранѣе предрѣшала обсуждаемый вопросъ.

Никто не могъ выйти изъ дворца, входить же туда никому не препятствовали, и въ результатѣ присутствовавшіе при аудіенціи у Государыни гвардейскіе офицеры не безъ нѣкотораго удивленія увидѣли, что число ихъ незамѣтно значительно возросло. Вдругъ раздались громкіе голоса. „Мы не допустимъ, чтобы предписывали какіе нибудь законы нашей Государынѣ! Мы не потерпимъ этого“! Анна сдѣлала видъ, будто хочетъ заставить ихъ замолчать, но тѣ продолжали кричать еще громче. „Мы—твои слуги, но мы не потерпимъ, чтобы бунтовщики позволяли себѣ помыкать тобою! Скажи только слово, и головы ихъ будутъ лежать у твоихъ ногъ“!

При этихъ словахъ глаза у Анны самодовольно сверкнули. Она обратилась къ своимъ совѣтникамъ, членамъ Верховнаго Совѣта, какъ бы испрашивая ихъ поддержки, но тѣ стояли блѣдные и растерянные, какъ будто признавая свое безсиліе. Тогда Анна сама приняла рѣшеніе: „Я вижу,—сказала она,—что я здѣсь не въ безопасности!—и, подозвавъ къ себѣ знакомъ начальника карауловъ, сказала ему.—„Слушайтесь только Семена Андреевича

Салтыкова"! Такимъ образомъ она однимъ словомъ устранила власть Верховнаго Совѣта, вырвавъ изъ его рукъ главное орудіе власти, вооруженную силу. Но въ то же время съ чисто женской тактикой она благосклонно приглашала всѣхъ членовъ Верховнаго Совѣта къ своему столу и затѣмъ удалилась въ сопровожденіи ихъ, оставивъ растерявшихся представителей дворянства съ глазу на глазъ съ Гвардейцами. Теперь то совѣщаніе, въ которомъ Черкасскій долженъ былъ предсѣдательствовать, не могло быть при данныхъ условіяхъ ничѣмъ инымъ, какъ пустою формальностью. Изъ той залы, гдѣ ихъ заперли и куда Гвардейцы отказались послѣдовать за ними, они почти безпрерывно слышали дикіе крики послѣднихъ, не прекращавшіеся все время: „Смерть бунтовщикамъ! Да здравствуетъ Самодержавная Государыня"!

Подъ аккомпаниментъ этихъ криковъ, князь Юсуповъ заявилъ собравшимся, что благосклонное вниманіе, съ какимъ Государыня изволила выслушать ихъ жалобы, требуетъ и съ ихъ стороны выраженія благодарности и признательности... Тогда Татищевъ, ярый абсолютистъ, подхватилъ слова Юсупова и продолжалъ за него рѣчь въ такомъ духѣ:

„Да, а всего болѣе приличествуетъ случаю выразить нашу благодарность Матушкѣ Императрицѣ и просить ее всемилостивѣйше возстановить самодержавіе на благо всѣхъ насъ". Никто не протестовалъ; мало того, оказалось, что Кантемиръ уже заранѣе составилъ проектъ адреса въ этомъ духѣ. Изъ простого чувства стыдливости или совѣстливости нѣкоторые изъ дворянъ просили добавить къ этому адресу выраженіе нѣкоторыхъ пожеланій дворянства, напр., въ родѣ замѣны Верховнаго Совѣта Правительствующимъ Сенатомъ, какъ при Петрѣ I; предоставленіе права дворянству избирать членовъ Сената, а также и президентовъ различныхъ Коллегій. Но имъ возражали, что это ни къ чему, такъ какъ самодержавная власть не можетъ быть связана никакими договорами или условіями между Государемъ и его подданными.

На этотъ разъ подъ резолюціей совѣщанія подписалось 160 человѣкъ.

Когда совѣщаніе это было окончено, около 3-хъ часовъ пополудни, имъ предложили представить свое рѣшеніе Верховному

Совѣту, который номинально продолжалъ существовать и дѣйствовать. Анна Ивановна, повидимому, желала дотянуть комедію до конца, успѣвъ оградить себя отъ всякихъ непріятныхъ и непредвидѣнныхъ случайностей. Подъ командою Салтыкова весь дворецъ былъ теперь обращенъ въ настоящій острогъ, и всѣ это какъ будто сознавали. Верховники молча выслушали чтеніе этого документа, который для нихъ былъ равнозначущъ окончательному приговору съ цѣлымъ рядомъ ужасныхъ послѣдствій. Съ минуту еще царило общее напряженное состояніе, какая-то нерѣшимость, какое-то недоумѣніе. Но Канцлеръ Головкинъ поднялся и громкимъ голосомъ одобрилъ рѣшеніе. И снова раздались оглушительные крики „Да здравствуетъ Самодержавнѣйшая Государыня наша“! изъ сосѣднихъ залъ послышались такіе же крики Гвардейцевъ. Дмитрій же Голицынъ и Василій Долгорукій только просто сказали: „Да будетъ воля Провидѣнія!“ послѣ чего всѣ торжественно направились къ Государынѣ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Анна сдѣлала видъ, что удивлена.

„Такъ вы меня дѣйствительно обманули, Василій Лукичъ“?— спросила она, затѣмъ обратилась какъ бы за совѣтомъ къ верховникамъ, спрашивая ихъ, что же ей дѣлать въ данномъ случаѣ. Тѣ только молча потупили головы. Въ 4 часа пополудни одинъ изъ секретарей Верховнаго Совѣта получилъ приказаніе привезти немедленно „условія“ и письмо Анны Ивановны, въ которомъ она соглашалась на эти условія; въ присутствіи всѣхъ собравшихся она разорвала оба эти документа. Въ теченіе 150 лѣтъ думали, что эти лоскутки бумагъ погибли безслѣдно, и что не осталось и слѣда отъ первой русской конституціонной хартіи; между тѣмъ она существуетъ еще и сейчасъ; скрытые отъ нескромныхъ взглядовъ густою пылью архивовъ, сколотые булавками лоскутки бумаги хранятся въ назиданіе потомству. Но вплоть до позднѣйшаго времени имѣть копію съ нихъ считалось столь тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ, что даже такія высокія должностныя лица, какъ Адмиралъ Сиверсъ, должны были поплатиться за это ссылкою въ Сибирь *).

*) *Дитятинъ*.—Опыты Исторіи Русскаго Права. 1895 г. стр. 591 и д.

V.

„Трапеза была уготована“, печально промолвилъ Дмитрій Голицынъ, выходя изъ дворца,—„но званные не оказались достойными вкусить ее“. Это стало ясно ему только теперь, Мардефельдъ-же, посолъ прусскаго короля при русскомъ дворѣ, предвидѣлъ это съ самаго начала: „Русскіе,—писалъ онъ въ первыхъ числахъ февраля,—весьма склонны къ свободѣ, т. е. свободолюбивы по натурѣ своей, но они слишкомъ много говорятъ о ней и, не зная, не умѣютъ съ нею сладить“. Десять дней спустя онъ уже писалъ слѣдующее: „Я убѣжденъ, что вновь избранная Императрица, несмотря на навязанныя ей ограниченія, держитъ самодержавіе въ своихъ рукахъ, стоитъ ей только съумѣть воспользоваться обстоятельствами“.

Большая доля вины въ крушеніи Конституціоннаго режима ложилась, безъ сомнѣнія, на Голицына, который, обольстивъ Верховный Совѣтъ своимъ проектомъ конституціонныхъ реформъ, не сдѣлалъ рѣшительно ничего, чтобы заручиться необходимымъ сочувствіемъ и поддержкой остальныхъ классовъ. Со своимъ чисто аристократическимъ пыломъ и заносчивостью онъ шелъ впередъ, высоко неся свою голову, возстановляя противъ себя и духовенство, и дворянство, и армію, возбуждая недружелюбіе даже въ своихъ коллегахъ; своимъ высокомѣріемъ, своимъ рѣзкимъ обращеніемъ и своею скрытностью онъ вооружилъ противъ себя большинство даже изъ единомышленниковъ, не вполнѣ понимавшихъ, какимъ именно путемъ онъ намѣренъ былъ идти. Василій Лукичъ слѣдовалъ за нимъ, все время стараясь его опередить, хотя въ сущности никто не признавалъ въ Голицынѣ главаря затѣянной реформы, которая, казалось, была внушена главнымъ образомъ подобными требованіями Шведскаго сейма при восшествіи на престолъ Ульрики-Элеоноры. Онъ желалъ для родовитой знати и членовъ Верховнаго Совѣта того же, что требовала и въ Швеціи Аристократическая партія и Государственный Совѣтъ, рѣшивъ пока отстранить отъ участія въ новыхъ благахъ духовенство и крестьянъ, которые въ Россіи играли совершенно иную историческую роль, чѣмъ въ Швеціи, гдѣ имъ принадлежало очень видное мѣсто.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Голицынъ имѣлъ въ виду уменьшеніе

податей и налоговъ съ земледѣльцевъ; что же касается другихъ льготъ, то, по его мнѣнію, настоящее положеніе Государства не допускало возможности чего либо большаго. Такимъ образомъ выходило, что, по существу, планъ Голицына не являлся чисто олигархическимъ; въ его представленіи всѣ классы государства являлись призванными на пиръ, уготованный имъ; „верховники“ же должны были занять первыя мѣста на пиру лишь для того, чтобы распоряжаться пиромъ и распредѣлять порціи. Это онъ и приводилъ впослѣдствіи въ свое оправданіе и не безъ основанія утверждалъ, что дворянство, согласившееся на возстановленіе самодержавія, только промѣняло „правленіе десяти родовъ“ на правленіе трехъ или четырехъ проходимцевъ-авантюристовъ.

Дѣло въ томъ, что дворянство слишкомъ поспѣшило требовать свою долю вольностей, при чемъ высказало болѣе жадности, чѣмъ могло дѣйствительно съѣсть. У него не было ни вождя, ни даже вполнѣ яснаго представленія о томъ, чего именно оно требовало для себя. Отдѣльныя группы, руководствовавшіяся главнымъ образомъ индивидуальными желаніями и связанныя между собой исключительно фамильными интересами или общими антипатіями, не могли сойтись ни въ чемъ. Шутъ царевны Прасковіи Ивановны Тихоня Архипычъ говорилъ: „Намъ, русскимъ, не нужно хлѣба, мы ѣдимъ другъ друга“! Такъ было и въ тогдашней внутренней политикѣ; кромѣ того, все разсчитано было на авось! Тутъ не было никакой серьезной иниціативы; у дворянъ впервые зародилось сознаніе какой-то общности интересовъ, какой-то солидарности въ смыслѣ особаго класса или корпораціи. Что же удивительнаго, что ихъ безсвязное, безтолковое волненіе не привело рѣшительно ни къ чему и что въ сущности дворянство, въ лицѣ своихъ представителей, явившихся во дворецъ 25-го февраля, было просто на просто одурачено?!

Тѣмъ не менѣе отъ всего этого хаоса смутныхъ идей и стремленій и слабоволія, какъ и отъ уничтоженной хартіи все же уцѣлѣло нѣчто. Въ организаціи своего новаго правительства Анна отнынѣ стала руководиться, конечно, исключительно своею волею, но уничтоживъ Верховный Совѣтъ и возстановивъ Сенатъ съ прежними, присвоенными ему Петромъ I правами, она все же какъ будто исполнила желаніе дворянства, хотя право выбора и назначенія сенаторовъ удержала, понятно, за собой. Немного

позднѣе цѣлый рядъ указовъ, въ томъ числѣ объ основаніи кадетскаго корпуса и уничтоженіи закона о майоратахъ, являлся какъ-бы продолженіемъ уступокъ дворянству.

Правда, все это было не много, и изъ разлетѣвшагося идеала своихъ правъ русское дворянство, на минуту посмѣвшее мечтать о чемъ-то лучшемъ, съумѣло только спасти и даже развить въ свою пользу крѣпостное право, ставшее вскорѣ ultima ratio его существованія, но часть этихъ лучшихъ мечтаній дворянства впослѣдствіи должна была ожить на мгновеніе въ концѣ новаго царствованія, въ лицѣ Артемія Петровича Волынскаго съ тѣмъ, чтобы погибнуть на этотъ разъ на долго, если не на всегда. Въ этой средѣ теперь едва ли даже уцѣлѣло воспоминаніе о томъ, чего она дерзала желать въ 1730 г., и требованія дворянства въ знаменитой законодательной Коммиссіи при Екатеринѣ II въ 1767 г. по своей нравственной оцѣнкѣ и политическому значенію много ниже даже самаго незначительнаго изъ проектовъ, выдвинутыхъ тамъ-же дворянствомъ 37 лѣтъ тому назадъ.

Первыя минуты возстановленнаго Самодержавія были ознаменованы всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ растерянным дворянамъ и развѣнчаннымъ членамъ Верховнаго Совѣта облобызать руку Императрицы Самодержицы, которая одновременно съ этимъ распорядилась освободить Ягужинскаго и препроводить его къ ней немедля. Василію Лукичу приказано было ввести его къ государынѣ съ оказаніемъ ему всякаго почтенія. Анна Ивановна тутъ-же, въ присутствіи всѣхъ, возвратила Ягужинскому шпагу и Андреевскую ленту, объявивъ, что назначаетъ его оберъ-прокуроромъ. Въ то же время гонецъ во всю прыть мчался въ Митаву къ Бирону. Послѣднему не долго пришлось ждать. Вечеромъ зажжена была грандіозная иллюминація; послѣдней, однако, пришлось соперничать съ рѣдкимъ по своей силѣ и красотѣ сѣвернымъ сіяніемъ, которое впослѣдствіи было сочтено за дурное предзнаменованіе, за кровавую зорю новаго царствованія.

На слѣдующее утро Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, вчерашній герой, проснулся генералъ-лейтенантомъ, сенаторомъ и маіоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а вскорѣ послѣ того получилъ чинъ полнаго генерала и званіе оберъ-гофмаршала Высочайшаго двора да, въ добавокъ ко всему этому, еще громадное помѣстье и 10,000 душъ крестьянъ, въ награду за оказанную

услугу. И это было еще не все: уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, императрица назначила его генералъ-губернаторомъ Москвы и произвела по этому случаю въ графское достоинство. Три года онъ пробылъ на этомъ посту, затѣмъ былъ смѣненъ Бирономъ, который нашелъ его недостаточно покорнымъ и замѣстилъ однимъ изъ князей Барятинскихъ, говорившимъ: „кланяйся ниже—подымешься выше“!

Голицыныхъ по началу щадили. Дмитрію Михаиловичу разрѣшили безпрепятственно удалиться въ Архангельское помѣстье, гдѣ вплоть до 1737 г. о немъ какъ будто забыли, но затѣмъ Бирон, по наущенію Кантеміра, возобновилъ противъ него дѣло о майоратѣ послѣдняго, и злополучный верховникъ долженъ былъ окончить свои дни въ одномъ изъ казематовъ Шлиссельбургской крѣпости. Фельдмаршалъ Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, а жена его, урожденная Куракина, гофмейстериной Императрицы, но старый вояка не долго пережилъ тѣ мечты и надежды, которыя онъ раздѣлялъ со своимъ братомъ, и скончался спустя нѣсколько мѣсяцевъ, не доживъ до паденія и позора другихъ членовъ своей семьи и своихъ единомышленниковъ.

Голицыны только тому и обязаны были, въ началѣ, своего сравнительно легкой участью, что ихъ осѣняла тѣнь Великаго Петра; что же касается Долгорукихъ, то на нихъ сразу обрушилась всеобщая ненависть какъ дворянства, такъ и всей нѣмецкой партіи. На нихъ сыпались обвиненія въ самыхъ невѣроятныхъ преступленіяхъ; иностранная печать сочиняла на эту тему одну чудовищную басню за другой, хотя сама Анна вовсе и не нуждалась въ подобныхъ поощреніяхъ. 8-го апрѣля 1730 г. она удалила Василія Лукича и Михаила Владиміровича, одного въ Сибирь, другого въ Астрахань, назначивъ ихъ туда Губернаторами, между тѣмъ какъ Алексѣй Григорьевичъ со всею своей семьей былъ сосланъ въ самое отдаленное изъ своихъ помѣстій, послѣ допроса ихъ и Ивана въ особенности „съ пристрастіемъ“ по поводу ложнаго завѣщанія, будто бы оставленнаго Петромъ II. Бывшій фаворитъ упорно утверждалъ, что никогда не слыхалъ о такомъ завѣщаніи, и на время его оставили въ покоѣ. Но это была лишь отсрочка: онъ былъ намѣченной жертвой для палачей.

Лишенный своего званія и чиновъ, своего положенія и поче-

стей, онъ все же не лишился своей невѣсты. Среди всѣхъ разбѣжавшихся отъ опальной семьи друзей и родныхъ, льстецовъ и искателей одна Наталія Шереметьева громко заявила, что готова раздѣлить участь своего жениха и его семьи, какова бы ни была эта участь. Двадцать семь лѣтъ спустя она писала: „Нынче въ обычаѣ любить сегодня одного, а завтра другого, но я доказала всему свѣту, что умѣла быть вѣрна моей единственной любви". Между тѣмъ эта любовь зародилась въ ней съ одного взгляда, подобно любви Шекспировской Джульэтты: до своего обрученія она не знала молодого Ивана Долгорукаго и, конечно, не имѣла никакого понятія объ его прошлой жизни. Вопреки волѣ всѣхъ своихъ родственниковъ и родныхъ, уговаривавшихъ ее отказаться отъ этого брака, она захотѣла во что бы то ни стало стать женой Ивана Долгорукаго. Никто изъ Шереметьевыхъ не присутствовалъ на этой свадьбѣ. Сергѣй Долгорукій, младшій братъ Ивана, и его сестры увезли невѣсту въ Горенки,—родные, провожая ее плакали какъ на похоронахъ. Въ Горенкахъ состоялось въ тѣсномъ домашнемъ кругу вѣнчаніе, а три дня спустя пришло распоряженіе отправляться всей семьѣ Долгорукихъ въ Никольскъ Пензенской губерніи. Но это, конечно, была лишь временная станція, это понимали всѣ; новобрачная послѣдовала за своей новой семьей въ изгнаніе, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, 12 іюня получилось новое приказаніе ѣхать въ Березовъ. На этотъ разъ по отношенію къ Долгорукимъ были примѣнены всѣ тѣ же мѣры, какія были примѣнены ими по отношенію къ Меншикову и его семьѣ. Полная конфискація имущества Долгорукихъ сопровождала ихъ арестъ; бывшей царской невѣстѣ въ утѣшеніе оставленъ былъ только приготовленный къ ея свадьбѣ свадебный нарядъ. Въ Березовѣ новыхъ изгнанниковъ ждала та же тюрьма и то же самое въ ней помѣщеніе, гдѣ первое время содержался Меншиковъ съ семьей, причемъ и содержаніе имъ было назначено то же, что и тѣмъ. Ѣсть имъ приходилось изъ общей деревянной латки, деревянными ложками, и пить изъ жестяныхъ манерокъ. Въ 1736 г. у Наталіи Долгорукой родился сынъ; крестнымъ отцомъ ребенка былъ маіоръ Петровъ, смотритель мѣстной тюрьмы. Дружескія отношенія съ мѣстнымъ гарнизономъ и его начальствомъ, установившіяся мало-по-малу благодаря чрезвычайной ласковости и обходительности молодой супруги Ивана

Долгорукаго, нѣсколько смягчали горькую участь семьи; этому, конечно, не мало способствовали и кое-какія драгоцѣнности, уцѣлѣвшія при обыскѣ; но даже и эта малая доля успѣха должна была стать для нихъ роковою. Въ 1734 году, со смертью Алексѣя Григорьевича, Иванъ становился главою семьи; благодаря нѣкоторой свободѣ, которою онъ теперь здѣсь пользовался, молодой человѣкъ снова вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ распутства и кутежей въ обществѣ одного морского офицера, нѣкого Овцына, которому впослѣдствіи приписывали роль любовника Екатерины Долгорукой, бывшей невѣсты Петра II-го. Впрочемъ, ничто рѣшительно не подтверждаетъ этого гнуснаго предположенія, и едва ли эта гордая, честолюбивая особа, всегда державшаяся въ сторонѣ отъ всѣхъ новыхъ друзей своей семьи, допустила-бы подобную близость съ этимъ нестоющимъ человѣкомъ.

Главнымъ виновникомъ страшной участи, постигшей всю семью Долгорукихъ, былъ, несомнѣнно, Иванъ Алексѣевичъ. Напиваясь до самозабвенія со своимъ новымъ пріятелемъ, онъ часто говорилъ о своей старой связи съ Елизаветой, непочтительно называя ее Елизаветкой, съ прибавленіемъ самыхъ нелестныхъ эпитетовъ, разсказывалъ многія подробности любовныхъ похожденій съ гренадеромъ Шубинымъ и описывалъ дикія оргіи, происходившія въ Покровскомъ. Слухи объ этомъ дошли до столицы, и въ 1737 г. первый доносъ лишилъ несчастныхъ ссыльныхъ почти всѣхъ тѣхъ небольшихъ льготъ и снисхожденій со стороны начальства, какими они до того времени пользовались, при чемъ имъ строго воспрещено было покидать зданіе тюрьмы. Правда, ихъ прежніе друзья, лица гарнизона продолжали посѣщать ихъ, и Тишинъ, таможенный чиновникъ, тоже не рѣдко бывавшій у заключенныхъ, влюбившись въ Екатерину Алексѣевну, позволилъ себѣ излишнюю вольность по отношенію къ ней; возмущенная его поведеніемъ дѣвушка пожаловалась Овцыну, который при содѣйствіи двухъ своихъ товарищей наказалъ нахала. Но въ результатѣ получился новый доносъ и новое дознаніе, а за нимъ приказъ разлучить Ивана съ его женой и семьей и держать его въ землянкѣ внѣ черты поселенія.

Наталія Борисовна путемъ просьбъ и слезной мольбы добилась позволенія по ночамъ навѣщать мужа въ одиночномъ

заключеніи и приносить ему пищу и утѣшеніе. Но вотъ однажды она нашла его землянку пустою; оказалось, что Иванъ и двое его братьевъ да 60 человѣкъ другихъ соучастниковъ были неожиданно забраны и увезены въ Тобольскъ. Несчастная женщина осталась теперь въ Березовѣ со своимъ семилѣтнимъ сынишкой Михаиломъ, третьимъ братомъ Ивана и тремя его сестрами.

Въ Тобольскѣ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Ушакова и Суворова, отца будущаго великаго полководца, допрашивала Ивана среди такихъ пытокъ, отъ которыхъ у него временами мутился разсудокъ. Онъ сказалъ все, что зналъ о подложномъ завѣщаніи Петра II-го, и даже многое такое, чего онъ и не зналъ, но чего отъ него настойчиво требовали. Въ началѣ 1769 года, Василій Лукичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, Василій и Михаилъ Владиміровичи очутились въ Шлиссельбургской крѣпости. На этотъ разъ разборъ дѣла Долгорукихъ велъ самъ Остерманъ, и приговоромъ отъ 31-го октября 1739 г. Иванъ былъ присужденъ къ колесованію, затѣмъ — къ отсѣченію головы;— братья Василій, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи должны были сложить головы на плахѣ; Василій и Михаилъ Владиміровичи были признаны также достойными смертной казни, но судьи ходатайствовали за нихъ передъ Императрицей о смягченіи наказанія. 6-го ноября, за два дня до казни, Ивана Алексѣевича, бывшаго фаворита Петра II, еще разъ пытали и допрашивали въ застѣнкѣ о намѣреніяхъ Долгорукихъ учредить въ Россіи республику, но Иванъ Долгорукій упорно стоялъ на томъ, что никогда объ этомъ не думалъ.

Казнь его происходила въ Новгородѣ; въ народѣ сохранилось преданіе о той геройской стойкости и мужествѣ, съ какимъ онъ встрѣтилъ свою ужасную смерть. До самой послѣдней своей минуты, среди невѣроятныхъ мученій, когда ему на колесѣ переламывали и вытягивали руки и ноги, онъ громкимъ, ровнымъ голосомъ читалъ молитву, отчетливо выговаривая каждое слово.

„Такая ужасная, мучительная смерть“, — писалъ впослѣдствіи въ своихъ мемуарахъ внукъ казненнаго, князь Иванъ Михаиловичъ,—искупила съ избыткомъ всѣ его прежніе грѣхи молодости, и кровь его, пролившаяся на Святой Новгородской землѣ, Колыбели Русской вольности и свободы, должна примирить потомство съ памятью Долгорукихъ“.

Тотъ же геройскій духъ жилъ и въ другихъ членахъ несчастной семьи: одинъ изъ братьевъ Ивана, Александръ, заключенный въ Вологодской тюрьмѣ вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Николаемъ, далъ себя подпоить одному сыщику и въ этомъ состояніи имѣлъ несчастіе проговориться кое въ чемъ, касающемся нѣкоторыхъ членовъ его семьи; придя въ себя несчастный молодой человѣкъ не могъ простить себѣ своего поступка и тутъ же бритвой распоролъ себѣ животъ. Но палачи, вопреки его волѣ, спасли его, чтобы подвергнуть истязанію кнутомъ, и затѣмъ вырѣзали ему языкъ, равно какъ и Николаю. Эта послѣдняя казнь надъ молодыми Долгорукими состоялась 28-го октября 1740 года, въ концѣ той страшной эры, которая и по сіе время называется ненавистнымъ для каждаго русскаго именемъ „Бироновщины“, т. е. правленія Бирона. Въ это время Анны Ивановны уже не было въ живыхъ, и Биронъ, сдѣлавшись регентомъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль былъ безконтрольнымъ хозяиномъ. Хитрый Курляндецъ поспѣшилъ помиловать третьяго брата Ивана, Алексѣя Долгорукаго, который впослѣдствіи служилъ простымъ матросомъ въ Камчаткѣ.

Екатерину Долгорукую заключили въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ сибирскихъ монастырей, состоявшій всего изъ пяти убогихъ келій и покосившейся деревянной церковки съ колокольней. Монахини этого монастыря, убогія старицы, жившія почти исключительно милостыней, были всѣ до того дряхлы и хилы, что не годились даже для надзора за новой сестрой, которую поручили присмотру самой сильной и здоровой изъ нихъ, назначивъ въ помощь ей двухъ солдатъ, которые въ сильно морозные дни ночевали въ кельѣ бывшей царской невѣсты. Преданіе говоритъ, что однажды въ монастырь прибылъ офицеръ съ тѣмъ, чтобы отнять у Долгорукой ея обручальное кольцо, которое она все еще продолжала носить на пальцѣ. На требованіе офицера отдать ему кольцо, Долгорукая отвѣчала: „Если хотите его получить, отрубите мнѣ палецъ!“ Вплоть до конца декабря 1741 года, т. е. до восшествія на престолъ Елизаветы, которая вернула ее въ Петербургъ и хотѣла сейчасъ выдать замужъ, — несчастная влачила жизнь въ монастырѣ. При Елизаветѣ она вышла замужъ за шотландца Брюсса, котораго Долгорукая вовсе не любила. Вскорѣ послѣ брака молодая женщина уѣхала въ Новгородъ на

могилы своего отца и казненныхъ дядей и братьевъ, и пожелала построить здѣсь монастырь, но вскорѣ умерла, завѣщавъ сжечь все, что послѣ нея осталось, чтобы никто не могъ похвалиться, что носилъ то же платье или тѣ же вещи, которыя принадлежали царской невѣстѣ.

Наталія Долгорукая также стала излюбленною героинею русскихъ преданій, и ея трогательная любовь и грустная судьба, воспѣтыя въ стихахъ Козлова, по сіе время возбуждаютъ къ ней сочувствіе и удивленіе. Послѣ того, какъ мужъ ея былъ увезенъ изъ Березова, ее удерживали здѣсь еще цѣлыхъ 2 года, и только въ октябрѣ 1740 года она получила разрѣшеніе вернуться въ Москву, гдѣ нѣкоторое время жила въ домѣ брата своего („Богатаго Лазаря“ какъ его звали въ Москвѣ), — Петра Борисовича Шереметьева, который, обладая громаднымъ состояніемъ, допускалъ, чтобы дѣти его родной сестры бѣгали голые и босые по улицамъ Москвы. Окончивъ воспитаніе своихъ сыновей и женивъ старшаго изъ нихъ, Наталія Борисовна Долгорукая переселилась въ Кіевъ, гдѣ поступила въ одинъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей и девять лѣтъ спустя приняла схиму. Но, удалившись отъ міра, она не могла порвать связи съ своимъ ужаснымъ прошлымъ и въ стѣнахъ тихаго монастыря писала свои мемуары, переживая вновь былыя радости и былое горе. Ея рукопись—толстая тетрадь въ 48 листковъ, испещрена на поляхъ многочисленными помѣтками и аллегорическими рисунками. Воспитанная въ Варшавѣ, какъ и невѣстка ея Екатерина Алексѣевна, Наталія Борисовна получила тщательное по тогдашнему времени, даже блестящее образованіе. Мемуары ея напечатанные въ „Русск. Ст.“ за 1867 г. очень любопытны. Она со злобой говоритъ объ Аннѣ, *видъ которой былъ страшенъ и „ужасенъ“*, и съ чувствомъ оскорбленной патриціанки о Биронѣ, *„который шилъ сапоги ея дядь“*.

ГЛАВА VIII.

Императрица и фаворитъ—Биронъ.

Оффиціальный и предполагаемый отецъ Анны Ивановны Василій Юшковъ.—Домашній обиходъ Царицы Прасковіи.—Бракосочетаніе будущей Императрицы.—Пребываніе ея въ Митавѣ.—Бестужевъ.—Внѣшность Императрицы.—Нравственный обликъ ея.- Ея переписка съ Салтыковымъ.—Умъ и характеръ Анны.—Ея развлеченія.—Шуты и скоморохи.—Ея приближенные.—Биронъ.—Характеръ ея отношеній къ нему.—Истопникъ.—Біографія фаворита.—Его характеръ и его роль въ исторіи.—Видимость и дѣйствительность этой роли.—Его приспѣшникъ еврей Липманнъ.—Семья Бирона.—Истинныя причины его непопулярности.—Нѣмецкая гегемонія и роль иноземнаго элемента въ исторіи Россіи.—Иностранное происхожденіе родовитыхъ фамилій.—Главные источники интеллектуальнаго развитія.—Причины этого феномена.—Соперничество въ царствованіи Анны Ивановны.—Биронъ и Мюнихъ.

I.

Анна родилась въ январѣ 1693 г. и при восшествіи на Россійскій престолъ имѣла 37 лѣтъ. Всѣмъ извѣстно, какую плачевную роль игралъ въ Государствѣ ея отецъ, хилый, слабоумный и импотентный Иванъ Алексѣевичъ, раздѣлявшій одно время, конечно, только номинально, престолъ и власть съ младшимъ своимъ братомъ, Петромъ Алексѣевичемъ. Это былъ полу-царь и менѣе, чѣмъ полу-человѣкъ. Неудивительно поэтому, что подобно сестрѣ, Герцогинѣ Мекленбургской, Екатеринѣ Ивановнѣ, Анна считалась дочерью Василія Юшкова, столбового дворянина, рослаго, виднаго дѣтины, не безъ намѣренія приставленнаго въ качествѣ спальника къ супругѣ царя Ивана, царицѣ Прасковіи Салтыковой. Любопытно прочесть отчетъ Голштинскаго посланника Бергхольца о томъ, какъ онъ былъ принятъ царицею Прасковіей въ селѣ Измайловѣ, куда онъ прибылъ поздно ночью. Чтобы пройти къ царицѣ, ему пришлось проходить черезъ опочивальню

царевенъ, которыя, повидимому, уже спали, но повскакали съ постелей ради его прихода, не позаботившись, однако, привести себя въ приличный видъ. Младшая изъ нихъ, Прасковія Ивановна, золотушная и рахитичная дѣвушка, сунула ему свою руку, когда онъ проходилъ. Далѣе ему пришлось идти длиннымъ корридоромъ, служившимъ дортуаромъ, гдѣ спали въ перемежку прислужницы, скотныя и теремныя дѣвушки, которыя встрѣтили посѣтителя цѣлымъ градомъ сальныхъ двухсмысленностей, непристойныхъ шуточекъ и безстыднымъ смѣхомъ, при чемъ все это было слышно въ смежной комнатѣ, опочивальнѣ царевенъ, откуда тоже доносились подавленные смѣшки. Бергхольцъ имѣлъ случай видѣть множество оголенныхъ плечъ и грудей, но вслѣдствіе того, что все это было до отвращенія грязно, у него даже не явилось никакого пріятнаго желанія. Когда онъ въ другой разъ явился сюда съ поздравленіями по случаю новаго года, то былъ опять таки встрѣченъ младшей царевной, которая на этотъ разъ была въ одной сорочкѣ и на босу ногу.

Нелюбимая матерью и всецѣло предоставленная своимъ нянюшкамъ, мамушкамъ и наставникамъ—нѣмцу Остерману, брату будущаго вице-канцлера, и французу Рамбуру, Анна не выказывала особаго рвенія къ наукамъ. Выданная замужъ на 17 году, она почти тотчасъ же овдовѣла, не успѣвъ даже узнать своего мужа. Будучи женихомъ, супругъ ея стяжалъ себѣ громкую репутацію необычайнаго питока, который буквально топился въ водкѣ, и во время своего свадебнаго пира, представлявшаго собою настоящую оргію, совершенно потерялъ мѣру и опился на смерть. На этомъ пиру были поданы на столъ два громадныхъ пирога, которые осторожно взрѣзалъ самъ царь Петръ, при чемъ изъ каждаго пирога выскочила нарядная карлица, послѣ чего обѣ онѣ протанцовали минуэтъ тутъ же на столѣ. Послѣ стола самъ царь спускалъ фейерверки въ честь торжества и чуть было не изуродовалъ себя.

Въ Митавѣ Анна долгое время вела довольно безотрадную жизнь, подъ строгимъ надзоромъ приставленнаго къ ней въ качествѣ Гофмаршала ея двора, Бестужева, который по волѣ Петра былъ скорѣе ея тюремщикомъ. Прибывъ въ столицу Курляндіи, Анна Ивановна получила пустой мрачный замокъ, гдѣ не оказалось ни стола, ни скамьи, и 12,680 червонцевъ годового дохода, изъ-

котораго должна была; отложивъ необходимую сумму на потребности стола, конюшни и содержаніе своей челяди, — еще содержать на свой счетъ батальонъ драгунъ. Вскорѣ она нашла себѣ выходъ изъ столь затруднительнаго положенія, ставъ возлюбленной Бестужева. Но ей не долго пришлось удержать его подлѣ себя, такъ какъ противъ него поднялся цѣлый рядъ обвиненій со стороны курляндцевъ въ томъ, что онъ раззоряетъ страну и превращаетъ дворецъ молодой герцогини въ настоящій „б...“

Въ короткое время этотъ дворъ, столь бѣдный раньше, сталъ поражать своимъ непомѣрнымъ роскошествомъ. Всякихъ придворныхъ чиновъ, гофмейстеринъ, фрейлинъ, разной челяди было столько, что курляндцы не могли надивиться. Въ этомъ отношеніи Анна была настоящею русскою, которые вообще любятъ, чтобы вокругъ нихъ толкалось какъ можно больше всякаго безполезнаго народа, и какъ будто боятся оставаться одни, опасаясь, что ихъ одолѣетъ скука, которую сами они не умѣютъ разогнать какимъ либо серьезнымъ дѣломъ.

Относительно внѣшности молодой герцогини современники ея высказывали весьма противорѣчивыя мнѣнія. Такъ, напр., впечатлѣнія, производимое на злополучную невѣсту Ивана Долгорукаго, подтверждается въ нѣкоторой степени тѣми словами, въ какихъ ее описываетъ герцогъ Лиріа. „Анна чрезвычайно высока ростомъ, такъ высока, что, по словамъ Наталіи Борисовны, превышала чуть не на цѣлую голову всѣхъ мужчинъ своей свиты“. Тотъ же Лиріа описываетъ ее такъ: „Императрица Анна очень высока ростомъ, даже можно сказать, черезъ-чуръ высока, она сильная брюнетка съ очень густыми черными бровями. У нея красивые глаза и прекрасныя руки, осанка ея царственна и величественна. Ее нельзя назвать красивой, но въ общемъ она скорѣе пріятной наружности“. Бергхольцъ описываетъ ее приблизительно такъ: „Анна—государыня весьма ласковая, очень живая и веселая, она не дурна собою, прекрасно сложена и при этомъ имѣетъ очень внушительный видъ“. Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ трудно заключить, чтобы наружность ея была страшная и отталкивающая, какъ это казалось Наталіи Долгорукой, но съ другой стороны, нѣкоторые сохранившіеся портреты ея скорѣе подтверждаютъ мнѣніе послѣдней, равно какъ и сохранившееся преданіе, что шутъ Прасковіи Ивановны, человѣкъ весьма не

глупый и вообще справедливый, нерѣдко при видѣ входящей Анны Ивановны восклицалъ: „Ай, ай! смотрите, вотъ идетъ царь Иванъ Васильевичъ! (подразумѣвая Грознаго). Какова бы ни была въ дѣйствительности наружность Анны Ивановны, отталкивающая-ли или привлекательная, несомнѣнно только одно, что ни физически, ни нравственно она отнюдь не походила на своего названнаго отца. Отъ матери же своей она унаслѣдовала многія черты ума и характера: суевѣрное благочестіе, патріархальныя привычки, съ извѣстной воспріимчивостью къ новшествамъ, прививаемымъ Петромъ русскому обществу. Кромѣ того, она унаслѣдовала отъ старыхъ русскихъ бояръ ихъ упорство, любовь къ роскоши и обрядамъ, церемоніямъ и торжествамъ, а также и свое пристрастіе къ охотѣ и стрѣльбѣ въ цѣль; тогда какъ пристрастіе къ шутовству и всякимъ дурацкимъ выходкамъ скомороховъ она какъ будто переняла отъ Петра I-го. Ѣдкая иронія его временами сквозила и въ ея рѣчахъ, съ примѣсью того же грубаго цинизма, какимъ отличались порою и шутки Петра. Лѣнивая по природѣ, съ внезапными проявленіями желѣзной энергіи, въ высшей степени некультурная, но съ несомнѣннымъ природнымъ умомъ и хитростью, Анна Ивановна являлась типичной русской женщиной, боярыней до-Петровскаго времени. Въ Митавѣ она проводила цѣлые дни въ полномъ бездѣйствіи, растянувшись на медвѣжьей шкурѣ, нечесанная, неумытая и почти совершенно раздѣтая, предаваясь попеременно то сну, то мечтанію. Она никогда не умывалась водою, а когда въ томъ являлась необходимость, то предпочитала замѣнять воду топленымъ масломъ. Ставъ Государыней, она стала прибѣгать еще къ нѣкоторымъ добавочнымъ пріемамъ женскаго кокетства: стала сурмить брови, бѣлиться и румяниться. Кромѣ того, Анна Ивановна очень боялась похудѣть и постоянно заботилась о томъ чтобы быть въ хорошемъ тѣлѣ“.

Въ Москвѣ она вставала между 7 и 8 часами утра пила кофе и затѣмъ часъ или два посвящала осмотру разныхъ тканей и драгоцѣнностей, которыя къ ней приносили въ это время. Послѣ 9 часовъ начинался пріемъ министровъ и докладчиковъ; Императрица подписывала бумаги, въ большинствѣ случаевъ не читая ихъ, а затѣмъ отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея были свои аппартаменты. Къ полудню она возвращалась всегда во

дворецъ и обѣдала съ семействомъ Бирона, въ своемъ обычномъ домашнемъ нарядѣ, длинномъ просторномъ халатѣ въ восточномъ вкусѣ, замѣнявшемъ ей капотъ, свѣтло голубого или свѣтло зеленаго цвѣта, и повязанномъ, на манеръ повойника, яркимъ краснымъ шелковымъ платкомъ на головѣ.

По окончаніи обѣда она ложилась отдыхать на широкій турецкій диванъ бокъ о бокъ съ Биромомъ, тогда какъ г-жа Бирон скромно удалялась, уводя съ собой дѣтей. Часъ или два спустя, императрица отворяла дверь, ведущую въ смежную комнату, гдѣ ея фрейлины занимались вышиваніемъ и другими рукодѣльями, и приказывала имъ: „Ну, дѣвки, пойте“!

И вотъ начиналось незатѣйливое пѣніе дѣвицъ, причемъ количество замѣняло качество; пѣть надо было во весь голосъ и безъ умолка одну пѣсню за другой до тѣхъ поръ, пока не прикажутъ перестать; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ уже не хватало голоса, отъ переутомленія, и онѣ начинали по неволѣ нѣсколько затихать, злополучныхъ пѣвицъ за такую провинность ждали звонкія оплеухи отъ руки самой Императрицы; затѣмъ виновныхъ отсылали въ портомойню. Послѣ пѣвицъ наступала очередь сказочницъ, гадалокъ, сплетницъ, приживалокъ, которыя обязаны были развлекать царицу своими росказнями, сплетнями, ворожбой, предсказаніями, толкованіемъ сновъ и всякими сказками и вымыслами. Тутъ же являлись шуты и шутихи и всякіе скоморохи.

На чемъ собственно сосредоточивались главные интересы Анны Ивановны, видно изъ ея переписки съ Салтыковымъ, генералъ-губернаторомъ Москвы, которому она постоянно давала всякія порученія, далеко не дѣловаго характера, — о дѣлахъ вообще она почти никогда не спрашивала и не упоминала. Вотъ образецъ одного изъ многихъ подобныхъ писемъ ея къ Салтыкову: „Напиши мнѣ, женился-ли Юсуповъ; говорятъ о немъ, что онъ уже расходится съ женой и что онъ вообще большой бабникъ... Тотчасъ по полученіи этого письма увѣдоми меня наисекретнѣйшимъ образомъ, когда была свадьба Бѣлосельскаго, и гдѣ и какъ она была отпразднована, какъ ихъ приняла княгиня Марія Ѳеодоровна Куракина?.. Была ли она весела? Отпиши мнѣ о всемъ этомъ подробно... Относительно супруги Алексѣя Петровича Апраксина, справься подъ величайшимъ секретомъ и со всевоз-

можной опаской, какого она поведенія? Здѣсь у насъ говорятъ, что она пьетъ и что князь Алексѣй Долгорукій постоянно торчитъ у нея".

Таковы вопросы, всего болѣе интересовавшіе императрицу; ея страсть была женить людей, часто даже противъ ихъ воли, и затѣмъ узнавать, какъ они живутъ, что они дѣлаютъ. Кромѣ подобныхъ секретныхъ порученій, Анна Ивановна поручала Салтыкову прислать ей, напр., дочь князя Вяземскаго, о которой она слышала, что „она очень много говоритъ", а это въ глазахъ Государыни было однимъ изъ величайшихъ и неоцѣненнѣйшихъ качествъ; она вездѣ, гдѣ могла, выискивала словоохотливыхъ людей, особенно болтливыхъ женщинъ. Еще другое достоинство въ людяхъ, которыми она очень дорожила, — былъ ростъ, особенно въ мужчинахъ. „У вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны",— писала Императрица Салтыкову, — „живетъ княжна Вяземская, незамужняя; такъ ты розыщи мнѣ ее и пришли сюда, а чтобы она не убоялась, скажи ей, что я ее милостью жалую, и позаботься, чтобы ее берегли въ пути; я беру ее для своей забавы, потому о ней говорятъ, что она очень много говоритъ".

Говорить Анна Ивановна заставляла такъ же насильно, какъ и пѣть: пой, пока не прикажу перестать. Говори, пока не скажу замолчи!

— Говори, Фотьевна, говори еще! — приказываетъ Императрица.

— Матушка, да я ужъ не знаю, что еще говорить...

— Говори, говорятъ тебѣ, разсказывай про разбойниковъ, да что нибудь пострашнѣе"...

Иногда Салтыковъ получалъ приказаніе отыскать какого то скворца, слухъ о которомъ дошелъ до ушей Императрицы и котораго она хотѣла имѣть во чтобы то ни стало; или же она приказывала ему переписать и прислать ей какую нибудь смѣшную пѣсенку, пѣтую въ одномъ изъ московскихъ кабаковъ или трактировъ, которою и она хотѣла теперь насладиться и т. п.

Если Императрицѣ случалось поручать Салтыкову пріобрѣсти или купить что нибудь для нея, то она всегда точно обозначала цѣну, т. е. настоящую стоимость вещи, и не любила, чтобы переплачивали. Вообще Анна Ивановна была хорошей, бережливой хозяйкой въ своемъ домашнемъ обиходѣ, сама слѣдила

за своимъ бѣльемъ, за его чинкой и стиркой, строго слѣдя за всевозможными мѣрами предосторожности въ смыслѣ занесенія заразы, весьма распространенной въ то время въ Россіи. Семейные задатки у нея были сильно развиты; она любила тѣсный семейный кругъ, интересовалась дѣтьми Бирона, слѣдила за ихъ здоровьемъ и расположеніемъ духа, входила во всѣ подробности своего домашняго хозяйства. Ко всѣмъ своимъ роднымъ она относилась также очень участливо, въ томъ числѣ и графу Апраксину, родственнику своему, котораго она сдѣлала придворнымъ шутомъ, наравнѣ съ профессіональнымъ шутомъ Балакиревымъ.

Многіе считали ее доброй, и быть можетъ она и была добра, но только по своему, что не мѣшало ей быть иногда и ужасно жестокой. Такъ, напр., сохранилось преданіе, что она приказала повѣсить передъ своимъ окномъ повара, положившаго прогорклаго масла въ ея блины, и въ теченіе всего своего царствованія гноила въ тюрьмѣ митрополита Кіевскаго Ванатовича за то, что тотъ пропустилъ отслужить молебенъ въ день ея тезоименитства. Однажды пришла въ бѣшенство, замѣтивъ, что Куракинъ, бывшій посолъ ея въ Парижѣ, которому она предложила выпить изъ своего стакана, позволилъ себѣ обтереть салфеткой край стакана прежде, чѣмъ поднести его ко рту.

„Негодяй! Ты смѣешъ мною брезгать“!—воскликнула Анна Ивановна внѣ себя отъ гнѣва,—„позвать сюда Ушакова“!

Потребовалось вмѣшательство Бирона, чтобы неосторожный дипломатъ не побывалъ въ когтяхъ ужаснаго „заплечныхъ дѣлъ мастера“.

Но для того, чтобы оцѣнить всѣ эти факты по ихъ достоинству, не слѣдуетъ забывать, что это происходило въ такое время, когда одна Московская барыня, большая любительница каши съ бараньимъ саломъ, всякій разъ, когда къ ея столу подавалось это блюдо, приказывала приводить къ себѣ стряпуху, приготовлявшую ее, и сѣчь эту несчастную въ своемъ присутствіи до тѣхъ поръ, пока вся каша не будетъ съѣдена;—крики и вопли несчастной и видъ порки, утверждала эта барыня,—удивительно способствовали ея аппетиту.

Другая уже Петербургская дама того времени, недавно переѣхавъ изъ города на свою дачу, встрѣчала пріѣхавшаго къ ней гостя такими словами: „Какъ я рада, что вы пріѣхали; повѣ-

рите-ли, мнѣ до того было скучно, что я уже собиралась приказать пороть моихъ араповъ, для развлеченія". Таковы были нравы, таковы были люди, во времена Анны въ Россіи, и потому не мудрено, что и она была похожа на нихъ.

Во всякомъ случаѣ эта избранница верховниковъ не лишена была ни здраваго смысла, ни даже извѣстной доли остроумія и находчивости. Какъ глава Государства, по мнѣнію Императрицы Екатерины II-й, Анна была несравненно выше Елизаветы, о чемъ можно судить по ея перепискѣ съ Остерманомъ. Если переписка ея съ Салтыковымъ вовсе не выгодно рекомендовала ее съ дѣловой стороны, то по перепискѣ съ Остерманомъ хотя и видно, что она не особенно много смыслитъ въ дѣлахъ,—но взгляды ея часто вѣрны, и она проявляетъ удивительную проницательность; не обладая особенно сильнымъ умомъ и не получивъ рѣшительно никакого образованія, Анна отличалась ясностью взглядовъ, правильностью сужденій и безпристрастнымъ исканіемъ правды вездѣ и во всемъ. Ко всѣмъ этимъ качествамъ слѣдуетъ еще добавить, что Анна Ивановна не терпѣла лести, не старалась казаться лучше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, ни въ чемъ никогда не любила хвастовства и отнюдь не заботилась о своей славѣ и величіи, не мечтала создавать и проводить въ жизнь новые законы,—она отличалась скорѣе извѣстной мелочностью и большой любовью къ порядку; ея постоянною заботой было ничего не дѣлать поспѣшно ,не обсудивъ предварительно съ людьми болѣе свѣдущими: она старалась, чтобы всѣ принятыя ею рѣшенія были разумны и хорошо мотивированы. Съ такими качествами эта женщина могла бы встать выше очень многихъ государынь и даже государей, но она была поставлена въ такія условія и обладала отъ природы темпераментомъ, довольно грубымъ; кромѣ того, она была вынуждена чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, которыя, повидимому, оправдывались и самыми обстоятельствами, и нравами того времени. Принужденная постоянно быть на сторожѣ, никогда не имѣвшая возможности быть спокойной, она естественно нуждалась въ развлеченіи, а такъ какъ вкусы ея были грубы, равно какъ окружающіе ее люди, то понятно, что и развлеченія ея были таковы же.

Бывъ страстною наѣздницею въ молодости, позднѣе она ста-

ла также страстно увлекаться стрѣльбою въ цѣль. Во всѣхъ углахъ дворца стояли наготовѣ заряженныя ружья; проходя по комнатѣ, она схватывала ружье и стрѣляла черезъ окно въ пролетавшихъ мимо птицъ, наполняя комнаты дворца шумомъ и пороховымъ дымомъ и заставляя своихъ приближенныхъ, дамъ и мущинъ, слѣдовать ея примѣру. На конюшнѣ у нея было 379 лошадей верховыхъ, не считая упряжныхъ и иныхъ.

По отношенію къ людямъ Анна Ивановна была также очень привязчива и даже нѣжна и заботлива къ тѣмъ, кого любила; кромѣ Бирона и семьи Бирона, въ томъ числѣ и его жены, большою ея любимицей была ея старшая камеръ юнгфера Анна Федоровна Юшкова, бывшая стряпуха, босоногая дѣвченка, состоявшая раньше на побѣгушкахъ у дворцовой челяди. Анна Ивановна приблизила ее къ себѣ и выдала замужъ, но все это отнюдь не измѣнило привычекъ и замашекъ Юшковой, ея разнузданной веселости, шаловливости и неизмѣнной склонности къ самымъ непристойнымъ шуткамъ. Въ длинные зимніе вечера она своими шутками, прибаутками и выходками развлекала императрицу; она же обрѣзала ногти на ногахъ у Анны Ивановны, Бирона и всей его семьи *). Другою любимицей Государыни была бывшая судомойка, Маргарита Федоровна Манакина, наконецъ, Аграфена Александровна Щербатова. Эти три особы составляли весь женскій персоналъ интимнаго кружка Анны, приближенныхъ лицъ, если не считать г-жи Биронъ. Изъ мужчинъ первыя мѣста принадлежали, безспорно, шутамъ и скоморохамъ, пользовавшимся особымъ расположеніемъ и милостями Императрицы; такими шутами, по ея волѣ, были при ней лица изъ высшей аристократіи и самыхъ родовитыхъ фамилій, что являлось отнюдь не простою случайностью, а настоящей, выдержанной системой съ ея стороны. Кромѣ-же этихъ шутовъ и скомороховъ, главнымъ центромъ и душою ея интимнаго кружка былъ, конечно, Биронъ.

II.

Кто такой былъ этотъ Биронъ, и какимъ образомъ столкнула его судьба съ будущей Императрицей Россіи? Случилось это 12 февраля 1718 г., когда вслѣдствіе нездоровья Бестужевъ

*) *Долгорукова*, Мемуары, I, 468 стр.

не могъ явиться лично къ Герцогинѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, и отправилъ ей бумаги, нуждавшіяся въ ея подписи, съ однимъ изъ мелкихъ служащихъ своей канцеляріи. Анна Ивановна приказала ему являться къ ней ежедневно и вскорѣ сдѣлала его своимъ личнымъ секретаремъ, а затѣмъ Камергеромъ. Это былъ Эрнстъ-Іоганнъ Бирономъ, или, правильнѣе Бюренъ (Bühren).

Нѣкоторые біографы Бирона пытались было придать отношеніямъ Герцогини Курляндской къ Бирону характеръ платонической страсти, находя подтвержденіе въ пылкой и нѣжной привязанности Анны къ женѣ Бирона и особенно къ его дѣтямъ; но въ сущности то и другое объяснялось тѣмъ, что дѣти эти принадлежали г-жѣ Бирону лишь по стольку, по сколько она старалась выдавать ихъ за своихъ, Аннѣ-же Ивановнѣ они были гораздо ближе, и въ Курляндіи это почти не было секретомъ, не смотря на то, что жена Бирона навязывала себѣ на животъ подушки во время беременности вдовствующей Герцогини. Весьма возможно и вѣроятно, что привязанность послѣдней къ г-жѣ Бирону объяснялась именно этой самоотверженной податливостью ея. Иначе чѣмъ объяснить исторію истопника Милютина, пожалованнаго въ дворяне Анной Ивановной за то, что, по его собственнымъ словамъ, онъ имѣлъ привычку, входя по утрамъ въ опочивальню Императрицы, цѣловать ноги Бирона послѣ такого же обряда по отношенію къ ножкамъ ея Величества?! Правнукъ этого самаго Алексѣя Милютина, извѣстный военный министръ, сохранилъ въ гербѣ своемъ тѣ самыя три печныя „вьюшки“, которыя были пожалованы его прадѣду въ дворянскій гербъ.

Впрочемъ, нравственность Анны Ивановны, и помимо роли Бирона, была не безупречна: возлюбленные ея насчитывались дюжинами, и она даже не скрывала этого: но что она искренно и глубоко любила Бирона,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Бирономъ былъ второй изъ трехъ сыновей небогатаго Вестфальца, служившаго офицеромъ въ польской арміи и поселившагося, по выходѣ въ отставку, въ Курляндіи, гдѣ на небольшія сбереженія ему удалось пріобрѣсти маленькій клокъ земли. Это обстоятельство послужило Бирону поводомъ причислить себя къ Курляндскому дворянству, такъ какъ владѣть землею въ Курляндіи могли только дворяне; кромѣ того, семейство Бироновъ успѣло еще породниться съ нѣкоторыми изъ лучшихъ фамилій герцог-

ства, съ Ламсдорфами, Беерами и др. Тѣмъ не менѣе, когда Анна Ивановна пожелала оффиціально заставить признать Бирона Курляндскимъ дворяниномъ, то мѣстное дворянство рѣшительно и единогласно протестовало, такъ что Бирономъ сталъ Герцогомъ Курляндскимъ, не будучи признаваемъ дворяниномъ въ своемъ Герцогствѣ, и вся земельная аристократія всегда, даже и впослѣдствіи, считала его просто выскочкой.

Молодость будущаго фаворита была весьма бурная; будучи студентомъ Кенигсбергскаго университета, онъ даже дважды былъ приговоренъ къ тюрьмѣ за участіе въ ночныхъ грабежахъ, за безпутное поведеніе и безчисленное количество штрафовъ, къ которымъ онъ былъ приговоренъ за разныя продѣлки и которыхъ онъ не могъ уплатить. Онъ родился въ 1670 году, а въ 1714 впервые пріѣхалъ въ Петербургъ искать счастья, но здѣсь ему не повезло; 10 лѣтъ спустя онъ вторично пріѣхалъ въ свитѣ Анны Ивановны на коронацію Екатерины I-й и сумѣлъ расположить къ себѣ Императрицу своими познаніями по части лошадей и наѣздничества. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ дѣйствительно выдающимся знатокомъ, такъ что впослѣдствіи о немъ говорили, что онъ говорилъ съ лошадьми какъ съ людьми, а съ людьми, какъ съ лошадьми. Вѣроятно благодаря этому обстоятельству ходилъ слухъ, будто Бирономъ былъ когда-то конюхомъ, но это совершенно не вѣрно. Въ 1723 г. Анна Ивановна устроила его бракъ съ Бенигной фонъ Тротта-Трейденъ, отличавшейся рѣдкимъ безобразіемъ и равными ему глупостью и самомнѣніемъ, но имѣвшей довольно громкое родство и безпрекословно и охотно согласившейся на все, чего отъ нея требовала Анна Ивановна. Самъ Бирономъ былъ человѣкъ средняго роста, прекрасно сложенный, ловкій и даже въ преклонномъ уже возрастѣ сохранившій слѣды несомнѣнной красоты. На портретѣ, писаннымъ Соколовымъ, мы видимъ рѣзкій, широкій профиль, съ орлинымъ носомъ, большіе темные глаза, темные волосы и надменный складъ губъ и подбородка. Съ нравственной стороны его охотно изображаютъ грубымъ извергомъ, неучемъ, человѣкомъ безъ принциповъ и безъ образованія, но многое въ этомъ безусловно не вѣрно: семья Бироновъ была во всякомъ случаѣ интеллигентной семьей; мать фаворита, рожденная фонъ Раабъ, была женщина образованная, и самъ Бирономъ, вернувшись изъ ссылки и ставъ вновь

Герцогомъ Курляндскимъ, весьма хорошо управлялся съ своею ролью правящаго Герцога. Кромѣ того, извѣстно, что во времена своего фавора онъ имѣлъ у себя прекраснѣйшую библіотеку, гдѣ проводилъ ежедневно по нѣсколько часовъ.

Правда, онъ отличался большой черствостью, которая, подъ вліяніемъ общихъ нравовъ и тревожной внутренней политики, превратилась въ крайнюю жестокость и непримиримую ненависть ко всему аристократическому, въ чемъ сказывалось мстительное чувство его задѣтаго самолюбія. Кромѣ того, такъ какъ онъ нѣкогда зналъ бѣдность, то жажда богатства пересиливала въ немъ впослѣдствіи, пожалуй, даже его чувство ненависти къ людямъ, которымъ онъ всячески мстилъ за то, что не возбуждалъ въ нихъ ничего, кромѣ страха и такой же глубокой ненависти.

Правою рукой Бирона во всѣхъ дѣлахъ былъ еврей Липманнъ, его повѣренный, пособникъ и совѣтникъ во всякихъ темныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ ростовщичествѣ; черезъ посредство этого человѣка, да еще нѣкого Биленбаха, Биронъ завелъ въ Россіи настоящую торговлю должностями не только мелкими, что бывало нерѣдко и прежде, но даже и высшими Государственными должностями, такъ какъ онъ вмѣшивался въ Государственныя дѣла за долго до того времени, когда получилъ на то оффиціальное право. При жизни Анны Ивановны онъ оффиціально былъ только Герцогомъ Курляндскимъ; въ Россіи же былъ только фаворитъ и ничего болѣе. Но это почетное званіе почему-то всегда давало право захвата верховной власти въ свои руки; и въ данномъ случаѣ несомнѣнно происходило то же.

„Государыня часто страдаетъ отъ подагры и скорбута, такъ что, даже, при большой склонности къ кабинетной работѣ и полномъ желаніи заниматься Государственными дѣлами, она едвали могла управлять Государствомъ самолично; а потому она въ сущности вмѣшивается только въ дѣла своего семейнаго обихода и своихъ развлеченій; все же остальное она представляетъ на волю своего ненагляднаго Герцога Курляндскаго, который безконтрольно пользуется ея именемъ. Остерманъ является какъ бы помощникомъ его въ важныхъ Государственныхъ вопросахъ, но въ сущности его роль сводится къ нулю, такъ какъ, хотя Биронъ и совѣтуется съ нимъ иногда, но, не довѣряя ему,

слѣдуетъ его совѣтамъ лишь по столько, по сколько они одобряются Липманномъ, такъ что въ сущности можно сказать, что Россіей въ данное время правитъ этотъ Еврей *)".

Силой русскихъ пушекъ и штыковъ Бирон былъ избранъ Герцогомъ Курляндскимъ, но продолжалъ жить въ Петербургѣ и оттуда править своимъ Герцогствомъ, какъ какой нибудь русской провинціей. Мало по малу Курляндія свыклась съ этимъ новымъ положеніемъ, которое и впредь было суждено ей. Русскій гарнизонъ въ Митавѣ, подъ командой полковника Бисмарка, предка будущаго „Желѣзнаго Канцлера", зорко слѣдилъ за русскими интересами въ Курляндіи и содѣйствовалъ сохраненію повиновенія и покорности насильственно избранному сеймомъ Герцогу. Кромѣ того, Бирон получилъ титулъ Свѣтлости, дарованный ему Императоромъ Карломъ V въ угоду Аннѣ Ивановнѣ, украсившей его орденами Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Если вѣрить Мальяну (французскому президенту того времени), то его коллеги, представители Вѣны и Берлина, въ угоду Императрицѣ, цѣловали руки фаворита и пили его здоровье, стоя на колѣняхъ.

Но заслуживалъ-ли дѣйствительно этотъ невѣроятный баловень судьбы всего того презрѣнія и позора, которымъ поспѣшили его заклеймить всѣ эти льстецы и низкопоклонники тотчасъ послѣ его паденія? Это всего лучше докажетъ исторія этого царствованія, въ теченіе котораго онъ, по свидѣтельству всѣхъ его современниковъ, былъ всесиленъ и всемогущъ; а исторія говоритъ намъ, что существенные интересы страны за это царствованіе страдали не больше, если не меньше, чѣмъ въ предыдущія и послѣдующія. Кромѣ того, въ недавно изданной корреспонденціи Бирона, мы встрѣчаемъ такія черты въ его характерѣ, которыхъ въ немъ до сихъ поръ не замѣчали его біографы, хотя и у нихъ встрѣчаются такіе факты, какъ заступничество Бирона за Куракина и др., когда фаворитъ удерживалъ Анну Ивановну отъ ея гнѣвныхъ и необдуманныхъ рѣшеній. „Богъ мнѣ свидѣтель",—пишетъ Бирон въ одномъ изъ своихъ писемъ

*) Сборникъ (XV, 110).—Это самое письмо хранится и въ хранилищахъ Quai d'Orsay (въ Парижѣ), въ качествѣ приписки къ письму Маркиза Мирпуа, отъ 13 марта 1739 г.

отъ 1736 г.—„что я усталъ жить, что жизнь мнѣ надоѣла, наскучила; годы, недуги и Государственныя заботы все прибываютъ, и я не вижу имъ конца,—одна смерть можетъ дать мнѣ освобожденіе!“ Такой разочарованности и меланхоліи, конечно, никто не подозрѣвалъ въ Бирон̀ѣ. Понятно, что не можетъ быть рѣчи о томъ, что фаворитъ былъ великимъ Государственнымъ человѣкомъ или хотя бы даже просто честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ; намъ извѣстно, помимо всякихъ, быть можетъ, преувеличенныхъ росказней, что онъ дѣйствительно занимался ростовщичествомъ и даже хуже, но это еще не доказываетъ, что онъ въ дѣйствительности былъ тѣмъ звѣремъ, тѣмъ извергомъ, грубымъ животнымъ, какимъ его такъ охотно изображаютъ.

Какъ регентъ, онъ не выказалъ блестящихъ способностей и глупо допустилъ захватить себя врасплохъ, но вѣдь и Меншиковъ, который былъ несомнѣнно геніальнымъ политикомъ и великой силой, тоже не сумѣлъ постоять за себя въ извѣстный моментъ; это доказываетъ только, что положеніе всѣхъ этихъ людей, какъ бы высоко они не поднялись, оставалось на столько шаткимъ, что малѣйшаго нарушенія равновѣсія было достаточно, чтобы низвергнуть ихъ во прахъ.

Конечно, Бирон̀ъ отличался возмутительной дерзостью, заносчивостью и нахальствомъ въ обращеніи, и гг. сенаторы, которымъ онъ пригрозилъ бросить подъ колеса своего экипажа по тому случаю, что его растрясло при проѣздѣ черезъ какой то изъ городскихъ мостовъ, не могли не почувствовать въ душѣ злобнаго негодованія къ этому наглому выскочкѣ, но все же главною виной его непопулярности и той ненависти, какую возбуждаетъ въ сердцахъ русскихъ людей имя Бирона, онъ былъ повидимому обязанъ своему нѣмецкому происхожденію и отчасти тому еще, что вся семья его возмутительно держала себя по отношенію ко всѣмъ, кто только приходилъ съ нею въ прикосновеніе. Вырядившись въ платье, стоющее до 100.000 руб. увѣсившись брилліантами на два милліона руб., безобразная, рябая, вся изуродованная оспой Бенигна Бирон̀ъ принимала своихъ посѣтителей, возсѣдая посреди залы на креслѣ на подобіе трона, и протягивала свои руки для поцѣлуевъ, обижаясь, если ей цѣловали только одну руку, а не обѣ. Любимѣйшимъ развлеченіемъ его дѣтей было обмазывать чернилами платье лицъ,

являвшихся во дворецъ, или сдергивать съ нихъ парики; младшій сынъ Бирона, Карлъ, имѣлъ еще сверхъ того привычку бѣгать по заламъ дворца съ хлыстомъ въ рукахъ и хлестать по икрамъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе чѣмъ либо не понравиться ему. Старый генералъ анъ-Шефъ Князь Барятинскій, человѣкъ всѣми уважаемый, позволившій себѣ возмутиться подобнымъ обращеніемъ, услышалъ отъ Бирона такой отвѣтъ: „вы можете не являться болѣе во дворецъ. Подайте отставку, я вамъ ручаюсь, что она будетъ принята". Въ Малороссіи старшій братъ Бирона, Карлъ Биронъ велъ жизнь сатрапа, проводя время то среди сераля, состоящаго сплошь изъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, насильственно похищенныхъ у ихъ семей вооруженною силой,— то среди своей псарни для вскормленія щенятъ которой этотъ наглецъ точно такимъ-же насильственнымъ образомъ набиралъ кормилицъ изъ женщинъ окрестныхъ селеній и деревень.

Все это, конечно, было возмутительно и ужасно, но и Потемкины, и Зубовы были способны на нѣчто подобное, а между тѣмъ они были популярны, особенно первый, и это потому, что были не нѣмцы. Если они и позволяли себѣ проявлять ту же оскорбительную надменность, какъ и Биронъ, то по крайней мѣрѣ они не добавляли къ этому оскорбительныхъ словъ „всѣ вы русскіе—свиньи". Биронъ не далъ себѣ даже труда изучить языкъ той страны, которую онъ явно презиралъ, не умѣя распознать въ ней тѣ несомнѣнные элементы величія, которыми онъ первый пользовался. Русскіе же люди того времени, съ своей стороны, не хотѣли признать ту фатальную историческую роль, которая суждена была чужеземному элементу въ судьбахъ Россіи. Какъ разъ въ эту эпоху нѣмецкое вліяніе, казалось, достигло своего апогея въ Россіи, такъ какъ всѣ высшія должности въ государствѣ были безъ исключенія захвачены лицами Германскаго происхожденія, а коренная русская знать или стерта съ лица земли или отодвинута на задній планъ.

III.

Несомнѣнною очевидностью является фактъ, что національный элементъ Россіи не въ состояніи былъ использовать собственными своими силами, безъ посредства посторонней помощи, всѣ рессурсы, предоставленные ей самой природой и исторіей

точно также, какъ и въ настоящее время онъ не можетъ обойтись безъ посторонняго содѣйствія, что, однако, ничуть не можетъ считаться унизительнымъ для него, такъ какъ народъ, обладающій наибольшею въ мірѣ земельной территоріей и съумѣвшій не только удержать ее въ своихъ рукахъ, но еще постоянно готовящійся еще болѣе расширить свои владѣнія, конечно, не можетъ быть ни ниже, ни хуже другихъ народовъ. Вѣдь, и великій Римъ не завоевалъ полъ міра безъ посторонняго содѣйствія. Система призванія въ Россію громаднаго числа чужеземцевъ для разныхъ цѣлей, введенная якобы Петромъ I, вовсе, собственно говоря, не принадлежитъ ему; спокон вѣковъ русскіе князья призывали иностранцевъ, чтобы учиться у нихъ или пользоваться ихъ услугами, и этотъ постоянный наплывъ чужеземцевъ былъ на столько великъ за долго до Петра, что сказался на происхожденіи почти всѣхъ безъ исключенія лучшихъ дворянскихъ фамилій, генеалогія которыхъ занесена въ „Бархатную Книгу“—(дворянскую родословную книгу), хранящуюся въ департаментѣ герольдіи. Судя по ихъ родословнымъ, всѣ эти фамиліи происходятъ отъ выходцевъ изъ Литвы, Польши, Пруссіи, Волыни, Моравіи, Молдавіи, Швеціи, изъ татаръ или какихъ либо уроженцевъ мелкихъ нѣмецкихъ герцогствъ и т. п. Такъ, предки Салтыковыхъ, Морозовыхъ, Шереметьевыхъ вышли изъ Пруссіи; предки Апраксиныхъ и Урусовыхъ были татары, предки Толстыхъ—нѣмцы, а Головиныхъ—греки. Орловы произошли отъ нѣмца Лео; Новосильцевы—отъ шведа Шаллей; Блудовы—отъ одного эмигрировавшаго Венгерца и т. д. И не только среди лицъ высшаго класса замѣчается это иностранное происхожденіе, но и большинство выдающихся и чѣмъ либо замѣчательныхъ русскихъ людей по крови были иностраннаго происхожденія. Такъ, знаменитый Авраамій Палицынъ, защитникъ Сергіевской Лавры во времена Самозванцевъ, былъ полякъ. Суворовъ происходилъ изъ Швеціи; Потемкинъ—изъ Польши. Голенищевъ-Кутузовъ и Пожарскій, оба по матерямъ изъ рода Беклемишевыхъ, были наполовину нѣмцы. Бестужевъ Рюминъ былъ Шотландцемъ, и его настоящее имя было Бэстъ. Панинъ былъ Итальянецъ по происхожденію, а Безбородко и Кочубей—Малороссы. Остерманъ, Мюнихъ, Нессельроде—нѣмцы, послѣдній сынъ португальской еврейки. Тоже самое мы видимъ въ средѣ научной и

литературной: Симеонъ Полоцкій былъ полякъ, Кантемиръ — Молдаванинъ, Державинъ самъ воспѣвалъ свое татарское происхожденіе; чисто русскимъ былъ, пожалуй только одинъ Ломоносовъ.—Херасковъ былъ родомъ изъ Валахіи, Сумароковъ—изъ Швеціи, Фонъ-Визинъ былъ нѣмецъ, а Карамзинъ происходилъ отъ Кара—Мирзы,—т. е. Чернаго Мирзы Крымскихъ татаръ. Грибоѣдовъ, безсмертный авторъ „Горя отъ ума"—по происхожденію Полякъ,— Грзибовски,— переселившійся при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ изъ Польши въ Россію. Происхожденіе Пушкина, Лермонтова, Гоголя всѣмъ извѣстно.

Словомъ, съ XVII-го по XIX-е столѣтіе эти чуждаго происхожденія люди всецѣло держали въ своихъ рукахъ величіе, славу и власть въ Россіи. Но имъ-ли однимъ обязана всѣмъ Россія? Нѣтъ, безусловно нѣтъ! Все, что сдѣлали эти люди, они могли сдѣлать только благодаря тому, что нашли въ Россіи благодатную почву для всѣхъ своихъ начинаній, что имъ здѣсь открылись широкіе горизонты, что здѣсь таились непочатыя, несмѣтныя сокровища благодарнаго матеріала. Нѣкоторые изъ этихъ людей пытались сдѣлать что нибудь внѣ Россіи и тамъ не съумѣли ничѣмъ себя проявить.—Тотъ же Мюнихъ, котораго Петръ избралъ для сооруженія каналовъ,—происходилъ изъ части Ольденбурга, извѣстной тамъ подъ названіемъ „Wusteland" (т. е. пустыни) и принадлежалъ къ крестьянской семьѣ, занимавшейся изъ поколѣнія въ поколѣніе прорытіемъ каналовъ. Его отцу посчастливилось дослужиться до офицерскихъ чиновъ въ датской арміи и получить дворянство за свои заслуги. Шестнадцатилѣтнимъ юношей молодой Мюнихъ поступилъ на службу военнымъ инженеромъ во французскую армію, затѣмъ дрался подъ предводительствомъ Евгенія Савойскаго и Мальборо, а въ 1716 г. онъ уже былъ на службѣ у Короля Августа II, генераломъ, но, не довольствуясь своимъ положеніемъ здѣсь, онъ мечталъ перейти или къ Петру I или къ Карлу XII, разсчитывая быть болѣе выдвинутымъ ими и, видя благосклонность судьбы къ первому, явился къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ. Но и здѣсь ему не сразу удалось сдѣлать карьеру и первое время пришлось скромно, ничѣмъ не заявляя о себѣ, заняться сооруженіемъ Ладожскаго канала. Только съ паденіемъ Меншикова, Мюниху нѣсколько повезло; молодой Государь далъ ему управле-

ніе Ингріей и Финляндіей и командованіе находящимися тамъ войсками, наградивъ титуломъ Графа по случаю своего Коронованія. Вскорѣ, чтобы добиться еще большаго повышенія, Мюнихъ женился на вдовѣ Салтыкова, нѣмкѣ, рожденной Мальцанъ, весьма ловкой и вліятельной женщинѣ, которая съумѣла двинуть его впередъ и сдѣлать его президентомъ военной коллегіи, что дало ему сразу возможность развернуться: онъ сформировалъ два новыхъ гвардейскихъ полка, Измайловскій и Конно-Гвардейскій, изъ коихъ первый въ своемъ офицерскомъ составѣ состоялъ сплошь изъ нѣмцевъ, а другой—на добрую половину; кромѣ того, онъ образовалъ отдѣльный корпусъ военныхъ инженеровъ, независимый отъ артиллеріи, и основалъ первый кадетскій корпусъ. Но особую популярность Мюнихъ снискалъ себѣ тѣмъ, что сравнялъ содержаніе въ арміи, гдѣ со временъ Петра I иностранцы получали двойное противъ русскихъ жалованіе. Этою популярностью Мюниха Бирономъ старался было воспользоваться, чтобы противупоставить его Остерману, и по его желанію предсѣдатель военной Коллегіи былъ допущенъ въ Кабинетъ Министровъ, новый органъ правительственной власти, созданный въ царствованіе Анны Ивановны.

Но вскорѣ Бирону пришлось въ этомъ раскаяться: не отличаясь особенными талантами, а скорѣе какою-то стихійною силою, пренебрегающею всякаго рода препонами и препятствіями, Мюнихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ положительно совершать чудеса, не имѣя почти никакихъ знаній и не обладая даже достаточной ловкостью, что видно изъ того, что въ роли придворнаго онъ всегда игралъ роль дурака и простака, въ роли политика—дѣлалъ самыя грубыя ошибки, въ дѣлѣ войны—онъ умѣлъ побѣждать лишь при условіи, чтобы каждый убитый турокъ стоилъ ему трехъ русскихъ, такъ что побѣды его обходились дорого и въ результатѣ почти ничего не дали, но онъ умѣлъ не щадить себя и не щадить другихъ, и этимъ объяснялись всѣ его удачи. Бирон, думавшій было воспользоваться его смѣлостью и рѣшительностью, страшно ошибся. Этотъ буйный человѣкъ только мѣшалъ всѣмъ, разстраивалъ всѣ планы и при этомъ оказался совершенно неукротимымъ, такъ что внѣшняя политика царствованія Анны отчасти объясняется желаніемъ избавиться отъ этого неугомоннаго человѣка,

съ которымъ не было никакого слада. Сначала его услали въ Польшу противъ Турокъ: онъ всюду уложилъ массу людей и всюду одерживалъ побѣды.

Эти личные счеты Бирона съ Мюнихомъ, за которые приходилось расплачиваться русскому народу, конечно, не мало способствовали тому чувству ненависти, какое вызывалъ къ себѣ фаворитъ и даже самая память объ его режимѣ.

ГЛАВА IX-я.

Организація новаго правительства.—Сенатъ и Кабинетъ.—Чужеземная Олигархія.—Остерманъ и Биронъ.—Административныя реформы.—Возвращеніе къ программѣ преобразованія.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Дѣло законодательства и Судъ.—Верховная и административная полиція.—Пожары.—Нищета.—Разбои.— Финансы. — Медленность экономическаго развитія Россіи.—Ея причины.—Военная организація.—Всеобщее бѣгство.—Манифестъ 1736 г.—Уклоненіе отъ обязательной службы.—Его послѣдствія.—Забвеніе національныхъ традицій.—Подражаніе иностраннымъ образцамъ.—Роль Мюниха. Упадокъ флота.—Причины этого упадка.—Военныя учебныя заведенія и ихъ недостатки.— Кадетскій корпусъ.—Народное образованіе.—Академія Наукъ. —Выселеніе тружениковъ науки, привлеченныхъ Петромъ I.—Банеръ.—Мюллеръ. — Первые русскіе ученые. Ададуровъ, Третьяковскій, Татищевъ.—Благородныя стремленія.—Правленіе Анны и церковь.—Прокоповичъ.—Торжество Православія.—Подавленіе ереси и раскола.—Характеръ чужестранной тираніи, приписываемый этому царствованію.—Причины ошибки.—Мнимыя жертвы народнаго дѣла.—Румянцевъ, Ягужинскій, Долгорукіе, Черкасскій, Волынскій.—Его карьера.—Его проекты.—Его слѣдствіе и казнь.— Историческая легенда.—Заключеніе.

I.

Несомнѣнно, что режимъ царствованія Анны Ивановны носилъ характеръ олигархіи, состоящей сплошь изъ чужеземцевъ; возстановленіе Сената со всѣми правами, присвоенными ему Петромъ I, было лишь показнымъ; сформированный вскорѣ кабинетъ министровъ былъ въ сущности тѣмъ же Верховнымъ Совѣтомъ, только съ другимъ наименованіемъ и инымъ составомъ. и съ самыхъ первыхъ дней своего сформированія, въ ноябрѣ 1731 года, сталъ мало-по-малу присваивать себѣ всѣ права, принадлежащія Сенату. Въ сущности этотъ кабинетъ уже ранѣе

существовалъ негласно, подъ именемъ частной канцеляріи, или секретаріата Императрицы, подъ управленіемъ Остермана, теперь же, когда существованіе его признавалось оффиціально, самое значеніе его умышленно умалялось въ указѣ, гдѣ этотъ кабинетъ являлся какъ бы только посреднической инстанціей между государыней и правительственными органами. Но указомъ 1735 г., которымъ за кабинетомъ министровъ признавались всѣ послѣдовательно узурпированныя имъ права, въ томъ числѣ даже законодательныя, и указы, изданные кабинетомъ, даже въ отсутствіи императрицы должны были имѣть одинаковую силу, какъ и скрѣпленные собственноручной ея подписью, явно подчеркивалось истинное значеніе этого кабинета. Императрица, неизмѣнно присутствовавшая въ началѣ на всѣхъ засѣданіяхъ комитета, теперь очень часто отсутствовала и уже въ 1732 г. была въ немъ всего два раза. Министрами оффиціально считались канцлеръ Головкинъ, князь Черкасскій, Остерманъ и Мюнихъ, но канцлеръ постоянно стушевался и охотно совершенно уклонялся отъ присутствія на засѣданіяхъ кабинета, Черкасскій же былъ человѣкъ весьма недалекій, отъ Мюниха Остерману не трудно было отдѣлаться, какъ только Бирономъ успѣлъ убѣдиться, что этотъ человѣкъ не будетъ ему играть въ руку. Такимъ образомъ власть въ государствѣ раздѣляли въ сущности между собой вице-канцлеръ Остерманъ и фаворитъ императрицы Бирономъ, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращались за совѣтомъ къ лицамъ авторитетнымъ въ той или другой области, какъ, напр., къ Прокоповичу и Ушакову, начальнику преслову-той „тайной канцеляріи“, замѣнившей собою преображенскій указъ Петровскаго времени.

II.

По мнѣнію одного весьма строгаго критика современныхъ нравовъ, историка Щербатова, правленіе Бирона и Остермана являлось дурнымъ только съ точки зрѣнія аристократіи, а отнюдь не народа, которому въ это время жилось вовсе не плохо.

Прежніе олигархи, власть и блага которыхъ узурпировали въ свою пользу эти новые олигархи, конечно, не могли не сѣтовать и не негодовать на нихъ, и хотя мѣста и ордена были,

такъ сказать, на откупу у Бирона и его поспѣшниковъ, тѣмъ не менѣе народъ отъ этого не страдалъ и относился равнодушно. Уничтоженіе же майоратовъ было безусловно хорошимъ дѣломъ въ странѣ, гдѣ земля являлась единственнымъ свободнымъ капиталомъ; также заслуживаетъ одобренія и попытка измѣненія административныхъ порядковъ въ провинціи, гдѣ до того времени воеводы хозяйничали безконтрольно. Нельзя также обойти молчаніемъ значительное развитіе путей сообщенія за это царствованіе; правда, это развитіе было главнымъ образомъ вызвано военными нуждами—необходимостью поддерживать сообщеніе между войсками, находящимися въ походѣ, и главною операціонною базою. Этому обязанъ былъ своимъ существованіемъ почтовый трактъ между Москвою и Кіевомъ, пролегавшій черезъ Калугу, Сѣверскъ и Глуховъ. Словомъ, послѣ продолжительнаго періода, полнаго застоя и регресса внутренняя политика страны постепенно возвращалась на путь предначертаній своего великаго преобразователя, но вступала на него медленно, съ осторожкой, оглядываясь по сторонамъ.

Уже одно то, что въ началѣ 1732 года рѣшено было вновь перенести резиденцію двора и правительственныхъ центровъ на берега Невы, являлось какъ-бы первымъ шагомъ на пути къ этому возврату на путь Петра. Но—увы!—Была-ли теперь эта столица такою, какою мечталъ ее видѣть Петръ? Онъ хотѣлъ создать на берегу Невы *русскій городъ*, *русскій флотъ* и *русскую торговлю*, которые служили бы основаніемъ *русскаго владычества* надъ сѣверо-западной Европой. Но съ Остерманомъ и Бирономъ во главѣ—здѣсь Европа основала свое владычество надъ Россіей, для эксплоатаціи ея торговли и промышленности, и въ этомъ отношеніи и въ настоящее время мы не видимъ перемѣны. Впрочемъ, все же, съ возвращеніемъ двора въ Петербургъ, городъ снова ожилъ, и многія зданія, начатыя по приказанію Петра I-го и остававшіяся все еще недостроенными, стали достраиваться, и многія опустѣвшія части города стали заселяться.

Въ отношеніи законодательства труды этого царствованія сводились къ топтанью на одномъ мѣстѣ, т. е. къ вѣчному пережевыванію уже существующихъ законовъ, чтобы въ концѣ концовъ придти къ переизданію уложенія царя Алексѣя Михайло-

вича. Въ отношеніи судебныхъ порядковъ въ продолженіи этого царствованія было сдѣлано нѣсколько болѣе серьезныхъ попытокъ къ упорядоченію судовъ, которые были одновременно и уголовными и гражданскими. Вслѣдствіе такой излишней централизаціи въ одномъ Московскомъ судѣ къ началу царствованія Анны накопилось свыше 21.388 дѣлъ. Въ виду этого новое правительство немедленно приказало образовать особый судъ по уголовнымъ и особый по гражданскимъ дѣламъ, наименовавъ ихъ суднымъ приказомъ и сыскнымъ приказомъ.

Но и послѣ этого традиціонная „волокита“ продолжала существовать, а ужасное „слово и дѣло“ оставалось въ полной своей силѣ, размножая доносчиковъ. Желая пресѣчь это зло, правительство Анны объявило смертную казнь ложнымъ доносчикамъ и воспретило пріостанавливать казнь осужденныхъ, если они произносили „слово и дѣло“. Это постановленіе, объявленное указомъ отъ 10-го Апрѣля 1730, было недѣлю спустя, такъ сказать, почти уничтожено другимъ такимъ же указомъ, грозящимъ смертною казнью тому, кто не донесетъ объ „особо-важныхъ дѣлахъ“; за этимъ указомъ послѣдовалъ еще цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же указовъ, и въ концѣ концовъ въ продолженіе этого царствованія, равно какъ и раньше и даже послѣ, все въ судебномъ мірѣ держалось на взяточничествѣ, подкупѣ и лихоимствѣ.

Сыскной приказъ и тайная канцелярія, т. е. тотъ же застѣнокъ, только подъ другимъ названіемъ, работали, повидимому, безъ устали; Ла Шетарди, дѣлавшій подсчетъ несчастныхъ жертвъ въ концѣ этого царствованія, утверждаетъ, что ихъ было 370.002 человѣка, изъ коихъ 7.002 были казнены, остальные же изувѣчены и сосланы въ Сибирь. Произволу сыскной полиціи не было никакихъ законныхъ границъ: она проникала повсюду, втиралась въ семьи, въ собранія, всюду подслушивала, подглядывала и предавала безъ пощады; единственно, чѣмъ она не занималась, это поддержаніемъ безопасности въ городахъ и селахъ, на улицахъ и на дорогахъ, а между тѣмъ, такъ какъ административной полиціи почти не существовало, ея обязанности естественно ложились на существующую. Грязь, вонь, зараза, открытый грабежъ и разбой процвѣтали даже въ такихъ городахъ

какъ Казань и Москва; въ связи со всѣмъ этимъ являлись еще безчисленные поджоги, которые при тогдашнемъ состояніи городовъ и деревень вели къ страшнѣйшимъ пожарамъ. Въ предупрежденіе этихъ пожаровъ, въ 1737 г. были установлены стража и патрули, на обязанности которыхъ лежало „имать поджигателей“; въ предшествующемъ году чуть не половина Москвы была уничтожена однимъ изъ такихъ пожаровъ, которые являлись поводомъ къ страшнымъ, безобразнымъ грабежамъ не только со стороны поджигателей и всякаго бездомнаго люда, но и со стороны солдатъ и матросовъ, являвшихся на пожары для охраны. Въ іюлѣ 1735 г. государыня жаловалась, что не можетъ отворить окна въ своей комнатѣ во дворцѣ вслѣдствіе дыма и смрада отъ горѣвшихъ вблизи столицы лѣсовъ.

Нищенство и разбой являлись другой бѣдой этого царствованія; то и другое существовало, конечно, и прежде, но не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Какъ неисправные должники, которыхъ все еще продолжали ставить „на правежъ“, т. е. бить плетьми или кнутомъ до тѣхъ поръ, пока они или кто-нибудь другой не уплатитъ долга, такъ и обвиненные въ политическихъ преступленіяхъ и содержавшіеся въ тюрьмахъ бродили по городу, выпрашивая подаянія, такъ какъ государство отказывалось кормить ихъ. Понятно, что какъ тѣ, такъ и другіе видѣли для себя единственное спасеніе въ бѣгствѣ въ лѣса, гдѣ укрывались разбойничьи шайки, къ которымъ они всегда могли пристать. Впрочемъ, чтобы помочь горю, появился указъ, разрѣшавшій частнымъ лицамъ нанимать для работъ арестантовъ, что давало послѣднимъ возможность добывать себѣ средства на пропитаніе; но, хотя этими дешевыми рабочими руками многіе охотно пользовались да и теперь еще нерѣдко продолжаютъ пользоваться, тѣмъ не менѣе число нищихъ почти не уменьшалось. Тогда вмѣнено было кредиторамъ въ обязанность кормить своихъ должниковъ во все время ихъ пребыванія въ тюрьмѣ; остальныхъ же нищихъ, болѣе здоровыхъ и молодыхъ, стали забирать въ солдаты и матросы или отправлять въ каторжныя работы. Результатомъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нищенства явилось еще большее увеличеніе числа разбойниковъ. Въ апрѣлѣ 1735 г. одна изъ такихъ шаекъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наводила страхъ на Петербургъ и окрестности, открыто вступая въ бой съ войсками. Еще

въ худшемъ состояніи, нежели полиція, находились и врачебныя условія страны, и когда гдѣ нибудь появлялась эпидемія, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ въ 1737 г., то оказывалось, что въ цѣломъ городѣ не было ни одного врача.

III.

Изъ мемуара Мальяна, присланнаго имъ своему правительству въ концѣ 1730 года, мы видимъ, что русскій бюджетъ по статьѣ государственныхъ доходовъ имѣлъ 8,560,000 рублей, при чемъ большую половину этой суммы составляла подушная подать; остальные доходы поступали весьма неаккуратно. Такъ, въ 1733 г. прокуроръ коллегіи финансовъ заявлялъ, что изъ суммы въ 2.439.573 руб., имѣющихъ поступить въ приходъ отъ таможенныхъ сборовъ, царскихъ кабаковъ и др. источниковъ дохода, получено всего только 186,982 руб. Требовалось узнать, есть ли надежда дополучить остальныя деньги; съ этою цѣлью назначена была слѣдственная коммисія, которая разсмотрѣла всѣ дѣла съ 1732 по 1736 г. и въ концѣ концовъ взыскала еще 1,152 руб. Впрочемъ, на бумагѣ и этотъ жалкій бюджетъ въ 8 милліоновъ руб. для такого громаднаго государства не только съ избыткомъ покрывалъ всѣ расходы, но давалъ даже остатокъ, благодаря той системѣ, которую старая Москва завѣщала современной Россіи. Дѣло въ томъ, что армія и чиновники всецѣло существовали на обывательскій счетъ и почти ничего не стоили казнѣ. Администрація также обходилась крайне дешево, такъ какъ жила главнымъ образомъ взяткой и вымогательствомъ, а дворъ, благодаря безпрестаннымъ оброкамъ натурой, могъ довольствоваться сравнительно незначительной суммой, въ 360,000 руб. Содержаніе дорогъ также почти ничего не стоило государству, по той простой причинѣ, что дорогъ почти не было; наконецъ, расходы по общественному образованію ограничивались расходами по двумъ Академіямъ, на которыя расходовалось 49,373 руб. въ годъ. Медицинскій Департаментъ, или канцелярія, стоилъ еще того меньше,— а потому финансы Анны Ивановны могли бы быть въ весьма не дурномъ состояніи, если бы всѣ подати и повинности исправно уплачивались населеніемъ, но въ томъ то и бѣда, что они не уплачивались, и такимъ образомъ въ государственномъ бюджетѣ

оказалась порядочная проруха, которая съ началомъ войны превратилась въ бездонную яму.

Характерною чертою въ исторіи финансовъ этого царствованія является учрежденіе въ Москвѣ, съ отдѣленіемъ въ Петербургѣ, особой канцеляріи конфискованныхъ имуществъ, которая явилась весьма чувствительной поддержкой для правительства.

Конечно, бюджетъ въ 8.000.000 явился слишкомъ слабой поддержкой для такого грандіознаго государственнаго зданія, какое воздвигъ Петръ, и Остерманъ и его сотоварищи отлично сознавали это; единственнымъ необходимымъ условіемъ для успѣха было развитіе тѣхъ экономическихъ силъ страны, на которыя и разсчитывалъ Преобразователь; они это отлично сознавали и заботились объ этомъ; къ сожалѣнію, для развитія промышленности они не придумали ничего лучшаго, какъ тѣснить всячески производителей, основавъ для этой цѣли спеціальный коммиссаріатъ для наблюденія за фабрикантами.

Само государство также эксплоатировало рудники и заводы, но не имѣло отъ всѣхъ своихъ предпріятій никакой прибыли, такъ какъ завѣдующіе ими занимались только взяточничествомъ, причемъ грабители казеннаго имущества даже не преслѣдовались и не карались, а потому мало по малу рѣшено было перейти къ системѣ Петра I-го, предоставлявшаго эксплоатацію нѣкоторыхъ отраслей промышленности частнымъ лицамъ, взимая за предоставленное имъ право извѣстный доходъ. Такъ какъ великій Преобразователь положилъ основаніе нѣсколькимъ конскимъ заводамъ, то рѣшено было и въ этомъ слѣдовать его начинаніямъ; къ сожалѣнію, размноженіе конскихъ заводовъ не шло параллельно съ увеличеніемъ населенія, которое не только не увеличивалось а одно время даже уменьшилось вслѣдствіе массоваго переселенія крестьянъ въ Польшу гдѣ имъ жилось несравненно лучше. Бѣглецовъ требовали обратно, а иногда и насильно водворяли на родину, но они снова бѣжали. Война съ Турціей еще болѣе увеличила число бѣглецовъ и переселенцевъ, такъ что съ трудомъ набирали необходимое количество рекрутовъ даже и въ мирное время.

IV.

Русскій народъ, смѣлый и отважный, въ сущности вовсе не воинственный народъ; это подтверждается уже тѣмъ, какого невѣроятнаго труда стоило преемникамъ Петра поддерживать въ созданныхъ имъ рамкахъ русское войско. Всякій, кто только могъ, уклонялся, бѣжалъ отъ службы. Продолжительность и тягость военной службы, конечно, не мало способствовали этому, внушая непреодолимый страхъ народнымъ массамъ. Человѣкъ, разъ очутившійся въ рядахъ войска, уже терялъ всякую надежду когда либо вернуться къ родной семьѣ или въ родное село, при томъ же кормили солдатъ впроголодь, а службы требовали тяжелой, не скупясь на жестокіе побои. Оттого дезертиры насчитывались тысячами, въ царствованіе же Анны дезертирство проникло даже въ ряды офицеровъ, и даже уравненіе содержанія, введенное Остерманомъ, не могло удержать бѣглецовъ. Въ 1736 г. было основано нѣсколько военныхъ школъ для сыновей служилыхъ людей, гдѣ они спеціально готовились къ службѣ, но и это не дало желаемыхъ результатовъ. Сокращеніе срока службы и самаго числа войскъ являлось теперь уже крайнею мѣрою, къ которою рѣшили было прибѣгнуть, и въ послѣднихъ числахъ 1736 г. изданъ былъ знаменательный для всего русскаго дворянства манифестъ, разрѣшавшій родителямъ, имѣющимъ нѣсколько сыновей, право не отправлять на службу одного изъ нихъ, за то школы оставались обязательными для всѣхъ дворянскихъ сыновей отъ 7 и 20 лѣтъ; кромѣ того, по истеченіи 25 лѣтъ обѣщана была чистая отставка съ повышеніемъ въ слѣдующій чинъ; также допускались послабленія для раненыхъ и больныхъ, пострадавшихъ на службѣ. Но осуществленіе этихъ новыхъ законовъ отлагалось до окончанія Турецкой войны и тогда оказалось, что чуть не всѣ готовы были покинуть службу; всѣ оказывались или ранеными или больными или выслужившими 25 лѣтній срокъ службы, такъ какъ многіе были занесены въ списки при самомъ рожденіи. Тогда потребовался новый указъ, разъяснившій, что срокъ службы считается, начиная съ 20 лѣтъ отъ роду.

Теперь явилась необходимость строгаго раздѣленія между военной и гражданской службой, котораго раньше не существо-

вало, и съ этою цѣлью былъ установленъ рядъ испытательныхъ экзаменовъ. Не выдержавшихъ экзаменовъ зачисляли въ матросы.

Мюниху обыкновенно принято приписывать все касавшееся военной администраціи въ царствованіе Анны, но, въ сущности, все его вліяніе въ этой сферѣ сводится къ примѣненію въ Россіи иностранной организаціи, обмундировки и военныхъ пріемовъ и введенію еще болѣе строгой и безчеловѣчной дисциплины, чѣмъ даже при Петрѣ I. Съ другой стороны, послабленіе по отношенію къ обязательной службѣ для дворянскаго сословія, перемѣстивъ изъ высшихъ слоевъ общества въ низшія главную основу рекрутскаго набора, нарушило тѣмъ самымъ основныя русскія традиціи и представленія о служиломъ сословіи, каковымъ являлось по преимуществу дворянство, такъ какъ теперь вся тягота военной службы ложилась на крестьянъ; послѣдствія этого нарушенія не замедлили сказаться на качествѣ состава арміи. Подобнаго измѣненія, конечно, не предвидѣлъ Петръ, точно такъ же какъ не предвидѣлъ и будущей судьбы своего флота.

Въ 1734 г. Мюнихъ, занявшись укрѣпленіемъ Кронштадта, предложилъ уничтожить всѣ находившіяся тамъ суда, которыя, по его мнѣнію, только мѣшали бы защитѣ крѣпости въ случаѣ надобности. Подъ Данцигомъ русскій флотъ состоялъ всего изъ 14 линейныхъ судовъ, 5 фрегатовъ, 2 канонерокъ и нѣсколькихъ мелкихъ транспортовъ. Этотъ жалкій составъ объяснялся тѣмъ, что уже въ 1723 году изъ суммы въ 1,200.000 руб., ассигнованной на флотъ, было удержано правительствомъ за послѣдніе года свыше 500,000 рублей; въ то же время Адмиралтейство должно было согласиться на ограниченіе своего бюджета до еще болѣе скромной цифры. Большинство верфей вовсе не работало, а въ Петербургѣ и Архангельскѣ за все царствованіе было построено 17 минныхъ судовъ, 2 канонерки и 7 фрегатовъ, которые фигурировали только на бумагѣ. Производились также работы надъ Кронштадтскимъ каналомъ и доками, но весьма не замѣтные, и вообще флотъ приходилъ все въ большій и большій упадокъ.

Что касается командованія какъ во флотѣ, такъ и въ арміи, то оно находилось въ рукахъ иностранцевъ. Основанный въ іюлѣ 1731 года кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывалось и обучалось свыше 200 дворянскихъ сыновей, въ сущности не былъ чисто военною школою; наряду съ самыми элементарными военными

знаніями, воспитанникамъ преподавались танцы, музыка, кое-какія понятія о правѣ и т. д. Обязательными предметами преподаванія являлись только катехизисъ, военныя упражненія и ариѳметика, остальные же являлись добавочными. Изъ отчета 1733 г. мы видимъ, что, кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, всего 18 человѣкъ изучало русскую словесность, 51 обучался французскому языку, 237—нѣмецкому, латынь изучало 15 человѣкъ, 36 человѣкъ проходили геометрію и 120 обучались танцамъ. Въ 1739 и 1740 гг. было обнаружено много случаевъ воровства среди воспитанниковъ кадетскаго корпуса, за что виновные были публично высѣчены *).

Наряду съ этимъ учебнымъ заведеніемъ, существовала еще артиллерійская школа, гдѣ одинъ изъ преподавателей трижды судился за убійства, а другой пилъ запоемъ по цѣлымъ мѣсяцамъ; вслѣдствіе полнаго отсутствія порядка, надзора, а главное преподавателей, эта школа, насчитывавшая одно время до 700 человѣкъ учениковъ, вскорѣ лишилась ихъ и, такъ сказать, бездѣйствовала.

V.

Согласно постановленію Петра I, всѣ дѣти дворянъ должны были обязательно „учиться“. Но чему и какъ? Тѣ, кто оставался дома, могли пользоваться мѣстною сельскою школою, учителемъ которой состоялъ какой-нибудь пономарь или дьячекъ; преподаваніе состояло въ томъ, что учениковъ запирали въ тѣсную, душную избу; учитель задавалъ ученикамъ урокъ, который тѣ должны были выучить наизусть, а самъ удалялся съ тѣмъ, чтобы заняться другими житейскими дѣлами, а для того, чтобы ученики не могли баловаться или же заснуть надъ книгой, жена пономаря заставляла ихъ учить заданный урокъ, зубря его во все горло, при чемъ сама не умѣла распознать, что именно выкрикивали на разные голоса эти прилежные ученики. Подъ вечеръ снова являлся учитель, и всеобщая порка заканчивала неизмѣнно учебный день. Вообще порка розгами, прутомъ или линейкой считалась неотъемлемымъ аттрибутомъ всякаго преподаванія и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для насажденія всякаго рода премудрости.

*) Сенатскія дѣла. Дѣла Кабинета, 15—1092.

Таковы были школы, которыми пользовались привиллегированные классы; что же касается народнаго обученія и образованія, то для него не было сдѣлано ничего ни въ это, ни въ предыдущее царствованіе. Только для татарскихъ дѣтей, принявшихъ православіе, были открыты двѣ-три школы въ Астрахани и въ Казани, скорѣе въ видахъ распространенія православія, чѣмъ въ видахъ обученія чему либо.

Въ Петербургѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ учебныхъ заведеній, существовала еще Академія Наукъ, представлявшая собой одновременно и ученое, и учебное учрежденіе, и насчитывавшая до 20 человѣкъ учениковъ, набранныхъ изъ московскихъ семинарій. Половина ихъ была завербована въ составъ новой камчатской экспедиціи, другая же половина заняла мѣста дьяковъ и писцовъ въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Съ 1733 по 1738 г. преподаваніе въ Академіи Наукъ было совершенно прекращено, а въ 1738 г. изъ московской семинаріи потребовали новый контингентъ учениковъ для академіи; въ числѣ ихъ оказался и Ломоносовъ, который затѣмъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Германію, вмѣстѣ съ Виноградовымъ; остальные же десять учениковъ Академіи ничѣмъ о себѣ не заявили.

Кромѣ того, въ царствованіе Анны сильно порѣдѣли ряды ученыхъ мужей, призванныхъ еще Петромъ I; дѣло въ томъ, что президентъ Академіи лейбъ-медикъ Блументростъ, при содѣйствіи секретаря Академіи Шумахера и нѣкоторыхъ другихъ злонамѣренныхъ лицъ изъ нѣмцевъ, до такой степени плохо относились къ наиболѣе выдающимся коллегамъ своимъ, что тѣ, не выдержавъ подобнаго обращенія, рѣшили одинъ за другимъ покинуть Россію; тѣ же, которые еще оставались въ Петербургѣ, перестали бывать на засѣданіяхъ академіи, гдѣ не рѣдко время проходило въ ссорахъ и ругани и даже доходило до драки между представителями науки. Русскихъ ученыхъ все еще не было, и лишь во второй половинѣ царствованія Анны появляется въ качествѣ адъюнктъ профессора русскій, нѣкій Ададуровъ, который преимущественно трудился надъ переводами сочиненій своихъ нѣмецкихъ коллегъ на разговорный русскій языкъ, къ чему упорно стремился Петръ, желавшій выработать русскій научный языкъ, возможно близкій къ общеупотребительному разговорному языку, который и тогда уже существенно разнился отъ церковнаго, а

такъ какъ до Петра всѣ переводы иностранныхъ сочиненій дѣлались исключительно лицами, вышедшими изъ семинарій, то естественно, что эти люди писали свои переводы привычнымъ для нихъ церковнымъ языкомъ. Ададуровъ, бывшій по своей спеціальности физикомъ, пользовался однако для своихъ переводовъ указаніями и сотрудничествомъ друга своего Василія Кирилловича Третьяковскаго. И Академія и Анна Ивановна сами злоупотребляли познаніями и трудами этого человѣка, положившаго основаніе русской грамматикѣ и поэзіи, заставляя его слагать вирши на разные торжественные случаи и не рѣдко вознаграждая одними палочными ударами; онъ являлся мученикомъ и страстотерпцемъ той блестящей плеяды, которая явилась результатомъ замысловъ великаго преобразователя. Для того, чтобы доказать, что въ Россіи русскій ученый и литераторъ можетъ быть не хуже нѣмецкаго, надо было имѣть геніальность и силу Ломоносова. За нимъ шелъ Татищевъ со своей разносторонней дѣятельностью и способностями, а тамъ Скуратовъ, Харитоновъ, Овцынъ, Лаптевъ и др. изслѣдователи берега Сибири, вплоть до Колыма въ то время, какъ Берингъ съ главной экспедиціей объѣзжалъ Курильскіе острова, доходилъ до береговъ Японіи и Америки и изучалъ ближайшіе къ Аляскѣ острова. Въ толпѣ этихъ новыхъ русскихъ представителей науки и литературы только одинъ князь Кантемиръ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ; все осуждалъ и все критиковалъ, признавъ за собою талантъ къ сатирѣ, не щадя даже нищихъ, захудалыхъ сельскихъ поповъ, за которыхъ въ это время горячо ратовалъ Татищевъ, требовавшій большаго матерьяльнаго обезпеченія для поднятія чувства собственнаго достоинства духовенства.

Отношенія православной церкви и духовенства къ этой сплошь иновѣрческой, католической и протестантской, всесильной камарильѣ является одною изъ курьезныхъ особенностей этого царствованія. Эти-то отношенія являлись прямымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ той скрытой, внутренней силы, которая таилась въ русскомъ народѣ и незамѣтно крѣпла и развивалась въ немъ, являясь тѣмъ невидимымъ, но могучимъ двигателемъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣли судьбы страны и которыхъ внѣшнія причины не въ силахъ были измѣнить. Пусть стая иностранцевъ и всякихъ пришельцевъ овла-

дѣла кормиломъ государства, пусть она самовольно распоряжалась въ немъ, не въ ихъ власти было измѣнить курсъ корабля.

VI.

Желая доказать своимъ подданнымъ, что продолжительное пребываніе ея въ еретической странѣ не умалило въ ней усердія къ православной вѣрѣ, новая императрица издала 17 марта 1730 г. манифестъ, предписывающій духовенству строго блюсти православную вѣру, сохраняя всѣ обряды предковъ, крестные ходы, водосвятія, молебствія и все прочее. Это нѣсколько походило на возвратъ къ старому, на своего рода противодѣйствіе духу новшествъ, представителемъ котораго, по завѣту Петра I, является Феофанъ Прокоповичъ. Въ виду этого, всѣ враги его,— а ихъ у него было не мало,—поспѣшили воздвигнуть настоящее гоненіе, засыпая его цѣлымъ градомъ обвиненій. Въ данный моментъ среди высшаго духовенства образовались два опредѣленныхъ противорѣчивыхъ теченія; одно изъ нихъ тянуло въ сторону католицизма, другое—сторону протестантизма. Противъ „Краеугольнаго камня вѣры“, отличавшагося католическими тенденціями, двое нѣмцевъ написали возраженіе, которое приписывали Прокоповичу; тогда выступилъ на сцену Лопатинскій, который уже открыто обвинялъ епископа Новгородскаго чуть-ли не въ ереси. Старались даже не допустить его совершить служеніе во время коронаціи Анны Ивановны, но послѣдняя была ему слишкомъ многимъ обязана, чтобы не отстоять его; мало того, при переформированіи Синода, она назначила Феофана и его ближайшаго друга Питирима постоянными членами, тогда какъ всѣ остальные назначались всего только на два года. Прокоповичъ тотчасъ же воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобы такъ или иначе уничтожить своихъ враговъ. Обличивъ Лопатинскаго въ причастности къ одному политическому дѣлу, онъ достигъ того, что несчастнаго заключили въ Выборгскую крѣпость, другихъ же разстригли и разослали по дальнимъ монастырямъ. Но для того, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, Феофану Прокоповичу пришлось громогласно заявить о своей приверженности къ православію и отказаться навсегда отъ своей мысли сближенія съ протестантизмомъ.

Такимъ образомъ все его вліяніе должно было ограничиться

искорененіемъ, согласно программѣ Петра I, возмутительныхъ злоупотребленій, вкоренившихся среди чернаго духовенства, строгимъ наблюденіемъ за нравственностью въ монастыряхъ, отобраніемъ излишнихъ монастырскихъ земель, угодій и доходовъ. Часто Феофанъ Прокоповичъ проявлялъ въ этихъ случаяхъ неумѣренную энергію и суровость и безпощадно казнилъ преступное духовенство, что возбуждало противъ него сильную злобу среди этого класса, но, съ другой стороны, онъ неустанно заботился о распространеніи образованія и поднятіи умственнаго уровня духовенства; по его настоянію былъ изданъ указъ объ обязательномъ обученіи всѣхъ сыновей священниковъ и объ учрежденіи семинарій во всѣхъ епархіяхъ, по образцу основанной имъ въ Новгородѣ семинаріи. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ, послѣдній указъ долго не былъ приведенъ въ исполненіе.

Относительно раскола Остерманъ и его сотоварищи продолжали борьбу тѣми же мѣрами, какими это дѣлалось и раньше, т. е. усиленными поборами и преслѣдованіями, насильственнымъ крещеніемъ дѣтей въ православную вѣру, ссылками въ Сибирь и на покаяніе и т. п. Когда же въ самой Москвѣ открыты были собранія хлыстовъ, то дѣло не обошлось безъ плетей, кнута и даже топора, при расправѣ съ виновными.

Изъ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, все-таки видно довольно ясно, что вопреки Бирономъ и Остерманамъ, вопреки полному захвату иностранцами всѣхъ военныхъ должностей въ государствѣ, правленіе въ царствованіе Анны все же оставалось по духу и по сути чисто русскимъ, и этимъ-то, быть можетъ, и объясняется то непріязненное злобное чувство, которое и по сіе время сохранилось въ сердцахъ русскихъ людей по отношенію къ ненавистной чужеземной тиранніи, какую всѣ видѣли въ управленіи страною Бирона и его соправителей.

VII.

Вообще внутренняя политика этого царствованія неизбѣжно должна была находиться въ зависимости отъ условій, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Анны. Находясь между двухъ огней, съ одной стороны—древней русской знати, желавшей предписывать ей свои законы, съ другой—дворянства, которое только вооруженной силой принуждено было отказаться отъ своихъ смѣ-

лыхъ замысловъ, Анна Ивановна, естественно, могла опереться только на иностранцевъ, на вѣрность которыхъ могла разсчитывать потому, что ихъ собственная судьба всецѣло зависила отъ ея судьбы. Кромѣ того, ей трудно было бы обойтись безъ нихъ, когда даже сами Долгорукіе и Голицыны нуждались въ нихъ. И до и послѣ переворота Остерманъ былъ имъ необходимъ для поддержанія внѣшней политики, точно такъ же, какъ впослѣдствіи былъ необходимъ Мюнихъ или Ласси, чтобы командовать войсками внѣ предѣловъ Россіи. Живя чуть не 20 лѣтъ въ Митавѣ, Анна имѣла тамъ свой дворъ на подобіе иностранныхъ дворовъ и теперь не хотѣла уже обходиться безъ него, а для завѣдыванія этимъ дворомъ опять таки потребовался иностранецъ Лёвенвольде. Петръ Великій совершенно обходился безъ двора, и при немъ всѣ эти призванные имъ въ Россію иностранцы служили, такъ сказать, необходимою подкладкою того новаго кафтана, который онъ кроилъ для преобразованной имъ Россіи изъ прочной и широкой ткани своего генія и скрытыхъ народныхъ силъ. Но когда, съ его смертью, этой ткани не стало хватать, подкладка поневолѣ стала проглядывать внаружу и все больше и больше, чѣмъ больше изнашивалась верхняя ткань. Это было естественно и неизбѣжно, но это оскорбляло національное чувство. Такимъ образомъ возникло недоразумѣніе между правительствомъ Анны и національнымъ самолюбіемъ русскаго народа, и оно-то и является главною причиною того чувства ненависти, съ какимъ и русскіе относились къ Бироновщинѣ.

Этотъ духъ новаго царствованія сказался въ самомъ его началѣ, когда Густаву Лёвенвольде было поручено сформировать еще новый гвардейскій полкъ, избравъ для него офицеровъ „изъ Ливонцевъ, Эстонцевъ, Курляндцевъ, а также и изъ русскихъ“, какъ гласилъ приказъ, при чемъ полковникомъ этого полка и его командиромъ былъ назначенъ Шотландецъ Кейшъ (Keisch). Полкъ этотъ былъ названъ Измайловскимъ, въ честь любимаго лѣтняго мѣстопребыванія Императрицы, села Измайловскаго подъ Москвою. Итакъ этотъ полкъ въ офицерскомъ составѣ состоялъ сплошь изъ нѣмцевъ. Но русскіе люди были ли въ состояніи занимать тѣ мѣста и должности, которыя предоставлялись иностранцамъ? Въ большинствѣ случаевъ — нѣтъ! Было-ли правительство Анны, или правленіе Бирона и Остермана такъ ужасно, какъ его лю-

бять изображать? тоже нѣтъ. Эту окраску чего то звѣрскаго, какого то возмутительнаго гоненія всего русскаго ему придало оскорбленное чувство національнаго самолюбія. Возьмемъ хотябы Румянцева, бывшаго палача при Петрѣ I: ему даны были Анной два почетныя мѣста въ Гвардіи и въ Сенатѣ; кромѣ того, подарены 20,000 рублей, взамѣнъ отнятыхъ у него Петромъ II помѣстій, изъ числа принадлежавшихъ нѣкогда Лопухинымъ. А когда онъ этимъ не остался доволенъ и продолжалъ ссориться съ Бирономъ, жалуясь на предпочтеніе, оказываемое всюду нѣмцамъ, то Анна Ивановна, чтобы умиротворить его, предложила сдѣлать его предсѣдателемъ коллегіи финансовъ, но Румянцевъ отказался: „Я ничего не смыслю въ финансовыхъ дѣлахъ,—говорилъ онъ,—да и не чувствую себя способнымъ удовлетворять безумныя требованія вашего двора и вашихъ фаворитовъ“. Мало того, онъ сталъ до того грубъ и дерзокъ къ Императрицѣ, что та принуждена была предать его на судъ Сената, который приговорилъ его къ смертной казни, но Анна помиловала его, позволивъ удалиться въ Казань. Тѣмъ не менѣе и онъ прослылъ за мученика. Долгорукіе, которыхъ всѣ ненавидѣли за ихъ непомѣрную алчность и надменность, и тѣ, едва только надъ ними совершили казнь, превратились въ народномъ представленіи въ жертвы нѣмецкой партіи, въ страдальцевъ за русскіе интересы; стали говорить, что Государыня задумала возвести на престолъ вмѣстѣ съ собою Рейнгольда Левенвольде, и что Василій Лукичъ пострадалъ за то, что воспротивился этому *).

Противъ правительства не только возмущались и роптали, но и злоумышляли на него, мечтая смѣстить Анну то въ пользу принца Голштинскаго, то въ пользу Елизаветы; вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же русскіе вмѣсто того, чтобы сплотиться въ одну тѣсную партію, въ надеждѣ войти въ милости предавали и выдавали другъ друга, рыли другъ другу ямы и губили одинъ другого. Желая смѣстить Анну и ея нѣмцевъ, они не нашли ничего лучшаго, какъ замѣнить ее герцогомъ Голштинскимъ, такимъ же нѣмцемъ и пришельцемъ.

Словомъ, въ теченіе всего своего царствованія Анну и ея приближенныхъ постоянно преслѣдовалъ страхъ все новыхъ и

*) Чистовичъ. Біографія Феофана Прокоповича—561.

новыхъ заговоровъ; даже заграницу проникли слухи о грандіозномъ заговорѣ Долгорукихъ, Голицыныхъ и Гагариныхъ, замышлявшихъ возвести на тронъ Елизавету и такимъ образомъ положить конецъ царству узурпаторши и чужеземцевъ. Но если даже и считать Анну узурпаторшей, избранной кучкой олигарховъ для своихъ цѣлей, то все же ни Биронъ, ни Остерманъ, ни Левенвольде не сдѣлали ничего для того, чтобы призвать ее изъ Митавы и посадить на русскій престолъ, а сдѣлали это трое чистокровныхъ русскихъ, безъ которыхъ Анна даже и не помышляла о престолѣ: въ преемницы послѣ внука Петра I-го эти русскіе люди не нашли никого, кромѣ этой вдовы курляндскаго герцога, проведшей болѣе 20 лѣтъ въ нѣмецкой землѣ, среди нѣмцевъ, которыхъ она надѣляла своей любовью и расположеніемъ, среди этихъ самыхъ Лёвенвольде, Корфовъ и Бироновъ, которыхъ она и привезла за собою въ Россію.

Главнѣйшимъ героемъ и жертвой этого царствованія, какъ и крупнѣйшимъ представителемъ своего времени, его взглядовъ и идей былъ, конечно, Волынскій. Исторія этого человѣка, безъ сомнѣнія, недюжиннаго, въ высшей степени любопытна и поучительна отъ самаго ея начала вплоть до конца.

Любопытно, что вначалѣ мы видимъ его борющимся съ нѣмецкою партіею не за кого либо изъ русскихъ, а за одного изъ нѣмцевъ же, такъ какъ и тѣ грызлись между собою. Въ 1735 г. смерть Густава Левенвольде избавила Бирона отъ недруга и соперника, а Остермана лишила значительной поддержки; впрочемъ, послѣдній и самъ умѣлъ за себя постоять; кромѣ того, зналъ себѣ цѣну. Во всѣхъ затрудненіяхъ внутреннихъ или внѣшнихъ Анна, умудренная опытомъ, обращалась къ этому „Оракулу“, какъ его прозвали современники, а неосторожно выдвинутый впередъ самимъ Бирономъ Мюнихъ проявлялъ теперь такое честолюбіе и такіе необузданные аппетиты, что самъ фаворитъ не зналъ, какъ съ нимъ быть. Носились упорные слухи о томъ, что Лещинскій имѣлъ возможность бѣжать изъ Данцига только благодаря громадной суммѣ денегъ, врученной имъ побѣдителю. Ягужинскій возбудилъ было дознаніе по этому поводу, но Мюнихъ, повидавшись съ Бирономъ, добился того, что дознаніе было прекращено въ самомъ началѣ; вѣроятно, онъ подѣлился съ фаво-

ритомъ *). По окончаніи турецкой войны прошелъ слухъ, что Мюнихъ хочетъ провозгласить себя независимымъ правителемъ Молдавіи или Украйны; когда объ этомъ довели до свѣдѣнія Императрицы, она усмѣхнулась и сказала: „Мы должны почитать себя счастливыми, что онъ не намѣревается царствовать въ Москвѣ!“ Такимъ образомъ главною заботою Бирона теперь было преграждать дорогу своему бывшему протежэ.

Сначала это было поручено двумъ братьямъ фаворита, но Карлъ велъ себя такъ, что внушалъ даже опасеніе герцогинѣ Мекленбургской относительно наслѣдія Анны Ивановны, на которое этотъ ловеласъ, повидимому, имѣлъ виды совмѣстно съ Елизаветой Петровной, такъ что герцогиня предложила вернуть изъ Ревеля, куда онъ былъ удаленъ, красавца Шубина, котораго одного считали способнымъ отвратить царевну отъ ея новой страсти, но Анна Ивановна, требовавшая отъ другихъ чистоты нравовъ, воспротивилась этому плану и, запретивъ на-строго Карлу Бирону видаться съ царевной, отправила Шубина въ Сибирь и такъ далеко, что впослѣдствіи Елизавета лишь съ большимъ трудомъ могла разъискать его. Густавъ же Биронъ, откомандированный братомъ въ Малороссію и ведя тамъ жизнь сатрапа, возбудилъ противъ себя ненависть всего населенія и ничѣмъ не оправдывалъ возложеннаго на него порученія. Тогда Биронъ ухватился было за полковника Бисмарка, отстаивавшаго такъ успѣшно его интересы въ Курляндіи; но призванный въ Петербургъ и облеченный въ званіе Генералъ-Аншефа, этотъ человѣкъ оказался совершенно непригоднымъ ни для придворныхъ интригъ, ни для внутренней политики, такъ что Биронъ рѣшилъ вернуть изъ-за границы Ягужинскаго, человѣка весьма опытнаго и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, особенно въ первомъ. Но Ягужинскій, унаслѣдовавъ послѣ Левенвольде мѣсто въ кабинетѣ и званіе Оберъ-Шталмейстера, вскорѣ умеръ, не успѣвъ ничѣмъ проявить своихъ способностей.

Тогда на смѣну его выступилъ Артемій Петровичъ Волынскій. По женѣ своей, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, онъ приходился въ родствѣ съ Петромъ I, который, хотя и потчивалъ его своей дубинкой, тѣмъ не менѣе поручалъ ему дипломати-

*) Пекарскій—„Ла Шетарди въ Россіи“, стр. 50 и 51.

ческія миссіи въ Константинополѣ, затѣмъ въ Вѣнѣ, посылалъ его воевать въ Персію и, наконецъ, назначилъ администраторомъ въ Астрахани, хотя и зналъ, что онъ вездѣ и всюду станетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и навсегда останется неисправимымъ лихоимцемъ, взяточникомъ и необузданнымъ самодуромъ.

Богато одаренный отъ природы, нервный, страстный и впечатлительный, съ пылкимъ воображеніемъ и необузданными чувствами, Волынскій былъ одной изъ чисто русскихъ, „широкихъ натуръ“, сильныхъ, могучихъ, способныхъ при случаѣ на великія вещи, но не знающихъ ни удержа, ни мѣры. Когда онъ окончательно скомпрометировалъ себя въ Астрахани, Екатерина I спасла его, отправивъ въ Казань, гдѣ онъ не замедлилъ также проявить свои необычайныя способности ко всякаго рода дикимъ выходкамъ, причудамъ, взяточничеству и своеволію. Впрочемъ, все это не мѣшало ему быть дѣйствительнымъ участникомъ конституціоннаго движенія въ 1730 г. и составлять даже проектъ преобразованія государственнаго строя въ духѣ идеаловъ средняго дворянства, хотя самъ онъ не причислялъ себя къ нему, гордясь предкомъ, убитымъ бокъ о бокъ подлѣ Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ и бывшимъ супругомъ родной сестры Донского.

Избавившись отъ слѣдствія при воцареніи Анны только благодаря своему родству съ Салтыковымъ, Волынскій проникъ въ шталмейстерскую часть при дворѣ и здѣсь терпѣливо выжидалъ момента замѣстить Ягужинскаго.

„Я предвижу, что онъ займетъ мое мѣсто,—говорилъ послѣдній на своемъ смертномъ одрѣ,—но черезъ два года его придется повѣсить“.

Остерманъ нѣкоторое время не допускалъ его въ кабинетъ министровъ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить въ этомъ отношеніи Бирону и вскорѣ понялъ, что на этотъ разъ Бирономъ далъ ему дѣйствительно серьезнаго и опаснаго соперника. Чтобы бороться противъ Остермана, Волынскій стакнулся съ Черкасскимъ, о которомъ говорили, что онъ былъ *плотью* кабинета, тогда какъ Остерманъ былъ его *душой*. Такъ какъ сферы компетенціи гг. министровъ не были строго раздѣлены, то Волынскій вмѣшивался рѣшительно во все, но главнымъ образомъ старался пріобрѣсти расположеніе и довѣріе императрицы, къ которой полу-

чилъ право явиться отдѣльно съ докладомъ. Заручившись расположеніемъ государыни, онъ сталъ пренебрегать прихожею фаворита, который вскорѣ увидѣлъ, что и на этотъ разъ ошибся въ своемъ выборѣ.

Между тѣмъ здоровье императрицы начинало внушать нѣкоторыя опасенія. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ волновало всѣ умы, и невольно рождались всевозможныя предположенія относительно того, что думаетъ сдѣлать Бирономъ, чтобы обезпечить себя и свою семью въ будущемъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ на вершинѣ своего торжества: Царевна Елизавета не смѣла безъ его разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, принужденная не только покорно, но даже униженно испрашивать его разрѣшенія; Княгиня Черкасская писала ему „Ваша покорная раба“, а дочь ея вышивала туфли Бирону *). Былъ слухъ, что фаворитъ задумалъ женить своего старшаго 16-ти лѣтняго сына на племянницѣ Императрицы, дочери Герцогини Мекленбургской, молоденькой Аннѣ Леопольдовнѣ, которая, хотя и считалась уже нѣсколько лѣтъ невѣстой принца Антона Брауншвейгскаго, но упорно отказывалась вступить съ нимъ въ бракъ, увѣряя, что лучше согласна положить голову на плаху, чѣмъ идти замужъ за нелюбимаго принца,—и вотъ, какъ утверждаютъ, Бирономъ предложилъ ей въ женихи своего сына. Волынскій громко возмущался этимъ, хотя Бирономъ всегда упорно отрицалъ, что имѣлъ когда либо эту мысль. „Это нѣчто въ родѣ Годуновской затѣи“. говорилъ Волынскій. Это дошло до ушей Бирона, и съ этого момента была объявлена война между недавнимъ покровителемъ и его бывшимъ протежэ. Вскорѣ вновь испеченный министръ увидѣлъ, что дѣло принимаетъ для него неблагопріятный оборотъ. Вдругъ благосклонное до сихъ поръ вниманіе къ нему Императрицы смѣнилось полнымъ равнодушіемъ; одновременно съ этимъ Остерманъ, временно присмирѣвшій, снова почувствовалъ себя болѣе увѣренно и сдѣлался болѣе требователенъ. Черкасскій держался теперь на сторожѣ и постепенно отстранялся отъ Волынскаго; придворные же, ухаживавшіе за нимъ и превозносившіе его въ послѣднее время, разомъ повернулись спиной къ этому заходящему, повидимому, свѣтилу. Видя это, Волынскій совершенно

*) Манштейнъ, Мемуары, Французское изданіе, стр. 425.

потерялъ голову, вообразивъ, что можетъ бороться противъ всей этой коалиціи одинъ. И вотъ вдругъ сдѣлалось извѣстно, что въ его домѣ собираются всѣ недовольные существующимъ режимомъ, что онъ самъ стоитъ во главѣ этой „новой русской партіи“, возстающей противъ всего чужеземнаго. Были тутъ и лица изъ высшаго духовенства, и офицеры гвардіи, и представители высшей аристократіи, напримѣръ Нарышкины и Урусовы, и старые Московскіе либералы, какъ Ордынъ-Нащокинъ, и среднее дворянство, и выдающіеся писатели, и литераторы какъ Татищевъ и Кантеміръ, а такъ какъ въ числѣ этихъ людей находился и Лестокъ, лейбъ-медикъ Елизаветы Петровны и всей душой преданный ей человѣкъ, то этимъ собраніямъ стали приписывать значеніе подготовлявшагося заговора въ пользу Елизаветы. Собирались у Волынскаго по ночамъ, и въ этихъ собраніяхъ велись самыя непринужденныя бесѣды, при чемъ, совершенно не стѣсняясь, позволяли себѣ всякія вольности по адресу императрицы и близкихъ къ ней людей, обсуждая существующіе порядки. Громко въ присутствіи слугъ сравнивали Анну съ Мессалиной и Іоанной Неаполитанской, завидовали польскому дворянству, которое не признавало власти своего короля и ни въ грошъ не ставило его. Затѣмъ Волынскій написалъ общій проектъ измѣненія внутренняго управленія Россіей и представилъ его на одобреніе всего собранія; проектъ его былъ встрѣченъ общимъ восторженнымъ сочувствіемъ.

Проектъ Волынскаго не дошелъ до насъ, и потому судить о немъ можно только по выдержкамъ или по показаніямъ его довѣренныхъ друзей. Повидимому, онъ былъ написанъ въ духѣ конституціонныхъ идей 1730 года и содержалъ главнымъ образомъ безпощадную критику всего существующаго режима. Краткое содержаніе этого проекта Волынскій имѣлъ смѣлость представить Императрицѣ въ теченіе лѣта 1739 г. Прочитавъ его, та усмотрѣла въ немъ весьма злостные нападки на близкихъ ей лицъ и сильно разгнѣвалась, но такъ какъ она въ это время была больна и хотѣла только покоя, то оставила это безъ послѣдствій, а Бирономъ, озабоченный близкой возможностью катастрофы, которой его заставляло опасаться состояніе здоровья императрицы, также оставилъ смѣлость Волынскаго на этотъ разъ безъ вниманія. Во время празднествъ по случаю заключенія

мира съ Турціей, Артемій Петровичъ сумѣлъ выдвинуться въ роли распорядителя, съумѣлъ угодить Императрицѣ и, казалось, умѣлъ вернуть себѣ ея расположеніе и снова войти въ милость.

Но вскорѣ послѣ того у него вышло крупное столкновеніе съ Бирономъ: въ кабинетѣ обсуждался вопросъ о вознагражденіи Польши за постой русскихъ войскъ въ предѣлахъ Польши. Биронъ призналъ требованія Польши справедливыми. Волынскій же началъ возражать, затѣмъ разгорячился и перешелъ уже на личности.

„Не будучи ни Герцогомъ Курляндскимъ, ни землевладѣльцемъ Польскимъ, я не имѣю тѣхъ же основаній, какъ вы, потворствовать врагамъ Россіи“!—заявилъ онъ въ присутствіи всѣхъ. Для всѣхъ было ясно, что съ такимъ человѣкомъ, если бы не стало Анны, положительно нельзя было бы ладить, и Биронъ рѣшилъ на этотъ разъ поставить все на карту. „Онъ или я!“ заявилъ онъ императрицѣ, но такъ какъ та колебалась, то на помощь Бирону подоспѣлъ Куракинъ. „Самъ Петръ Великій накинулъ этому безумцу петлю на шею, Ваше Величество только довершитъ его дѣло“!—заявилъ онъ,—и Анна махнула рукой и сдалась.

Въ апрѣлѣ 1740 г. Волынскій былъ отданъ подъ судъ. Слѣдственная комиссія состояла сплошь изъ русскихъ, въ числѣ которыхъ были двое ближайшихъ родственниковъ Волынскаго и два его лучшихъ друга, Новосельцевъ и Петръ Черкасскій—оба они были арестованы одновременно съ нимъ, затѣмъ выпущены на свободу и назначены въ судьи надъ нимъ; какъ судьи, они оказались безпощадными, точно такъ же какъ и зять Волынскаго, Нарышкинъ, который, возвращаясь домой послѣ рѣшительнаго приговора, лишился чувствъ въ каретѣ, а затѣмъ въ бреду восклицалъ: „Я—извергъ, я—чудовище! я осудилъ невинныхъ... посылаю на смерть своего брата“!

На пыткѣ Волынскій, державшійся вначалѣ очень надменно, доходилъ до униженія, на колѣняхъ моля своихъ палачей и мучителей пощадить его. Его обвиняли въ томъ, что онъ мечталъ провозгласить себя Императоромъ: даже дипломатическій корпусъ допускалъ эту мысль; упорно носился слухъ о какомъ то сонномъ напиткѣ, которымъ Волынскій собирался опоить Императрицу, чтобы встать на ея мѣсто; показанія десятковъ лицъ

подтвердили, что онъ придавалъ громадное значеніе своей родословной и приказалъ добавить къ своему гербу императорскіе аттрибуты. Но все это онъ упорно отрицалъ, признаваясь только въ громадномъ числѣ всевозможныхъ мошенничествъ и лихоимствъ. 27 Іюня 1740 г. онъ былъ казненъ, при чемъ передъ казнью ему вырвали языкъ и выломали правую руку, такъ что онъ не могъ подписать послѣдняго допроса. Приговоръ гласилъ, что онъ долженъ быть посаженъ на колъ, но, въ видѣ милости, ему сперва отрубили руку, а затѣмъ голову. Двое изъ его друзей, Еропкинъ и Хрущовъ, также были казнены одновременно съ нимъ, а нѣсколько другихъ изъ его единомышленниковъ сосланы въ Сибирь.

Казнь была, конечно, слишкомъ жестока въ сравненіи съ его виной,—и потомство и множество его современниковъ произвели его въ мученики. Нащокинъ и Князь Шаховской въ своихъ мемуарахъ восхваляютъ его необычайный умъ и безпримѣрный патріотизмъ, а позднѣйшіе писатели и поэты избрали его героемъ самыхъ трогательно-прекрасныхъ поэмъ и романовъ, но исторія должна быть болѣе точной и, судя по недавно только открытымъ документамъ, можно сказать съ увѣренностью, что если бы Волынскому посчастливилось занять мѣсто того же Остермана или Бирона, то Россія и русскій народъ ничего бы отъ этого не выиграли. Еще въ бытность его въ Казани онъ обвинялся въ томъ, что похитилъ драгоцѣнныя украшенія съ церковныхъ иконъ, что засѣкалъ многихъ до смерти, что, наконецъ, одного заѣзжаго купца, не согласившагося дать ему крупной взятки, отдалъ на растерзаніе своимъ собакамъ. Наконецъ, когда онъ былъ арестованъ, то въ управленіи коннозаводства, которымъ онъ завѣдывалъ, оказалась растрата въ 706,000 руб.,—сумма колоссальная по тому времени.

ГЛАВА X.

Внѣшняя политика. Воспитанники и Наслѣдники Петра Великаго.

Сношенія съ Европой.—Союзъ съ Австріей. — Вопросъ престолонаслѣдія въ Австріи и Польшѣ. –Переговоры съ Франціей.—Проекты соглашенія съ Пруссіей и Австріей.—Огинская.—Окончательное соглашеніе. Судьбы Польши.—Двойное избраніе Станислава и Августа III.—Взятіе Данцига.—Французскіе плѣнные въ Россіи.—Попытка французской дипломатіи въ Петербургѣ.—Бернадотти.—Польская конфедерація.—Озаровскій.—Моръ.—Турецкая война.—Система Петра Великаго.—Воспитанники его въ Константинополѣ.—Неплюевъ и Вишняковъ.—Противодѣйствіе Остермана.—Непріязненныя отношенія въ Крыму.—Неудачная компанія Миниха.—Разрывъ съ Портой.—Бездѣйствіе Австріи.—Критическое положеніе.—Дорогостоющій успѣхъ подъ Очаковымъ.— Немировскій Конгрессъ.—Разрывъ сношеній.—Посредничество Франціи.—Побѣда Мюниха подъ Ставучанами.—Капитуляція Австріи. — Невыгодный для Россіи миръ.—Русская и Французская партіи въ Стокгольмѣ.—Женское вліяніе.—Бестужевъ.—Торжество русской дипломатіи.—Успѣхи ея въ Польшѣ.—Покорность конфедератовъ.—Благопріятное для Россіи разрѣшеніе Курляндскаго вопроса.—Смерть Карла VI.—Опасность новыхъ осложненій.—Ла Шетарди.—Общій обзоръ.—Присоединеніе Малороссіи.—Умиротвореніе на Уралѣ.—Сношенія съ Китаемъ.—Нѣмецкая политика.

I.

При восшествіи на престолъ Анны внѣшнія отношенія Россіи были хорошія, за исключеніемъ только сношеній съ Персіей. Австрійскій дворъ, хотя и сожалѣлъ о смерти Петра II, но тѣмъ не менѣе изъявлялъ желаніе сохранить недавно заключенный союзъ. Король Прусскій выказалъ большую радость по случаю возстановленія въ Россіи Самодержавія, а въ Версалѣ высказали надежду, что новая государыня будетъ придерживаться болѣе безпристрастной политики, чѣмъ ея предшественники. Словомъ, всѣ, казалось, были довольны.

Относительно Персіи для Россіи было важно воспрепятствовать

Турціи получить доступъ въ Каспійское море; а между тѣмъ Крымскій Ханъ, считавшійся вассаломъ Порты, вступилъ на Русскую территорію, отчего являлась опасность конфликта съ Россіей, весьма нежелательнаго для послѣдней, которая въ виду принятыхъ ею по отношенію къ Австріи обязательствъ могла ежеминутно быть втянута противъ воли въ Европейскія дѣла. На политическомъ горизонтѣ появлялся еще вопросъ о престолонаслѣдіи въ Австріи и Польшѣ. Такъ какъ въ Австріи на престолъ долженъ былъ вступить Лотарингскій принцъ, то для Франціи было чрезвычайно важно, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ человѣкъ, всецѣло преданный ей, если возможно, то никто другой, какъ Станиславъ Лещинскій, но въ этомъ отношеніи ея интересы сталкивались съ Русскими интересами. И въ 1732 г. у Остермана оказался совершенно неожиданный противникъ, а у Франціи столь же непредвидѣнный союзникъ въ лицѣ Бирона. Вслѣдъ за нимъ и Мюнихъ пригласилъ французскаго посланника Мальяна на конфиденціальное собесѣдованіе, въ которомъ объявилъ ему, что въ сущности обязательства Россіи по отношенію къ Австріи касаются только возможности войны съ Турціей, а потому вовсе не могутъ служить помѣхой для подобнаго же соглашенія съ Франціей въ другихъ Европейскихъ дѣлахъ.

Съ этого начался поединокъ Остермана съ Биромъ, на сторону котораго моментально перешелъ и Мюнихъ. Чтобы обмануть бдительность Остермана, Мюнихъ назначалъ Мальяну свиданія между 5-ю и 6-ю часами утра и къ концу іюня, наконецъ, заявилъ послѣднему, что теперь онъ почти увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, такъ какъ Бирономъ доложилъ Императрицѣ, и та весьма благосклонно отнеслась къ проектируемому соглашенію. Спустя мѣсяцъ Мальянъ получилъ изъ Версаля проектъ предполагаемаго соглашенія относительно выборовъ короля въ Польшѣ, причемъ Франція, взамѣнъ предлагаемыхъ ей со стороны Россіи услугъ, соглашалась признать за Анной титулъ Императрицы и еще обѣщала кое что для Герцога Голштинскаго, но Мюниху этого показалось мало. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція настояла на уступкѣ Портой Россіи Азова, взамѣнъ Дербента, и кромѣ того обѣщала Россіи еще субсидіи, за что ей обѣщалось содѣйствіе 30,000, а если угодно, то даже и 50,000 русскихъ штыковъ для поддержки, въ случаѣ надобности, ея кандидата въ Польшѣ.

Этотъ вопросъ о субсидіяхъ смутилъ Францію: Петръ Великій никогда ни отъ кого изъ своихъ союзниковъ не требовалъ субсидій. Но Мальянъ успѣлъ увѣрить Мюниха, что лица, содѣйствовавшія осуществленію предположеннаго соглашенія, лично не будутъ имѣть основанія жаловаться на недостаточную щедрость Французскаго Короля, послѣ чего дѣло опять какъ будто наладилось. Мюнихъ ничего не требовалъ для себя лично, но для Бирона было обѣщано 100,000 червонцевъ и дорогіе гобелены для Императрицы. Однако, въ ноябрѣ, когда приходилось уже порѣшить окончательно этотъ вопросъ, вдругъ Мюнихъ заявилъ, что вопросъ о соглашеніи съ Франціей будетъ обсуждаться кабинетомъ. Но оказалось, что Остерманъ и Австрія одержали верхъ, и Бирон усиленно увѣрялъ Австрійскаго посла, что хотя ему и предлагали громадную сумму за то, чтобы онъ отказался отъ исполненія обязательствъ по отношенію къ Австріи, но онъ твердо стоитъ на прежнихъ условіяхъ и что Императоръ можетъ быть вполнѣ спокоенъ, что онъ, Бирон, вовсе не нуждается въ деньгахъ и что предпочитаетъ хорошаго коня всѣмъ сокровищамъ въ мірѣ *).

Между тѣмъ между Россіей, Австріей и Пруссіей уже состоялось тайное соглашеніе не признавать въ качествѣ короля польскаго ни Станислава Лещинскаго, ни кого либо изъ Саксонской семьи. Тѣмъ временемъ Саксонскій дворъ тоже не бездѣйствовалъ. Августъ II былъ плодовитъ на всякія комбинаціи, и вотъ Австрійскій посолъ Мардефельдъ усмотрѣлъ одну такую весьма хитрую комбинацію въ внезапномъ пріѣздѣ въ Петербургъ молодой дочери Польскаго Палатина Огинскаго. Анна Ивановна познакомилась съ нею еще въ Митавѣ и, повидимому, такъ полюбила эту дѣвушку, что даже раздѣляла съ нею свою постель **). И вотъ тогда еще въ дружескихъ бесѣдахъ Анна призналась, что если бы она рѣшилась вторично выйти замужъ, то только за короля Польскаго. Это было доведено до свѣдѣнія Августа II, и теперь онъ вздумалъ воспользоваться этимъ разговоромъ и поручилъ Огинской увѣрить Анну Ивановну, что этотъ престa-

*) *Мардефельдъ*—Секретный Архивъ Берлина—отчетъ отъ 13 сентября 1732 г.

**) *Сборники*, XVI, 353—Изъ письма Леди Рондо къ Гарингтону.

рѣлый претендентъ, которому теперь было болѣе 60 лѣтъ, смотритъ человѣкомъ лѣтъ 40, и что и онъ ждетъ только малѣйшаго намека со стороны Анны, чтобы явиться къ ней по первому ея зову. Ягужинскій сочувствовалъ этому плану Августа, а жена Саксонскаго посла и одна итальянская пѣвица, большая любимица Императрицы, всячески старались склонить Анну на подобную комбинацію, но Бирономъ во время успѣлъ предупредить опасность,—и такимъ образомъ этой затѣѣ стараго короля не суждено было осуществиться.

Между тѣмъ незамѣтно подготовлялись событія 1733 года, т. е. двойное избраніе Лещинскаго и Августа III, при чемъ политика Россіи въ данномъ случаѣ была совершенно иною, чѣмъ того можно было ожидать, судя по всему предыдущему.

II.

Руководимая Остерманомъ, не смотря и даже вопреки Бирону, русская политика оставалась всецѣло вѣрна традиціямъ Петра Великаго. Въ августѣ мѣсяцѣ 1733 г. Фридрихъ Левенвольде подписалъ въ Варшавѣ два договора одновременно, одинъ съ саксонскими уполномоченными относительно вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Польши, другой съ палатиномъ Кракова, Любомірскимъ, относительно избранія Фридриха Августа. Сторонники Лещинскаго, провозгласивъ его королемъ въ оградѣ крѣпости Волла,—сожгли эту крѣпость, гдѣ согласно древнему обычаю совершалось провозглашеніе королей, но это не помѣшало русскимъ войскамъ въ количествѣ 12.000 подъ начальствомъ Ласси заставить провозгласить въ сосѣднемъ костелѣ соперника Лещинскаго, а послѣдній принужденъ былъ бѣжать въ Данцигъ. Чтобы захватить Данцигъ и бѣжавшаго туда Лещинскаго, примирившіеся на время Остерманъ и Бирономъ послали туда Миниха, который совершенно за-даромъ уложилъ 4.000 русскихъ солдатъ при штурмѣ Гагельсберга и затѣмъ взялъ городъ только благодаря тому, что къ нему подоспѣли 10.000 саксонцевъ. Затѣмъ, давъ бѣжать королю, онъ забралъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ и капитулировавшихъ французовъ, нарушивъ условія капитуляціи, объявилъ ихъ своими плѣнниками и доставилъ въ Петербургъ. Мѣсяцъ спустя въ Петербургъ явился агентъ французскаго правительства для переговоровъ о возвра-

щеніи ихъ на родину и одновременно съ нимъ прибылъ еще другой, тайный агентъ французскаго правительства, нѣкій Бернадотти, личность довольно загадочная, который предлагалъ Остерману проектъ дружественнаго договора Франціи съ Россіей.

Отъ Россіи требовалось признаніе Станислава Лещинскаго, взамѣнъ чего Франція гарантировала признаніе за Россіей всѣхъ ея владѣній въ Польшѣ и содѣйствіе 30.000 Французскаго и Польскаго войска на случай войны Россіи съ Турціей. Проектъ этотъ былъ встрѣченъ какъ будто сочувственно и Бирономъ, и Левенвольде, тѣмъ не менѣе утвержденіе его все оттягивалось, а поставленный ребромъ вопросъ о возвращеніи неправильно захваченныхъ въ плѣнъ французовъ почти грубо отстраненъ, что повело къ временному разрыву сношеній между двумя державами, причемъ регулярныя дипломатическія сношенія не могли между ними быть возстановлены вплоть до 1738 года, когда въ Парижъ былъ посланъ князь Кантеміръ, а въ Петербургъ прибылъ Маркизъ Ла-Шетарди.

Между тѣмъ было рѣшено, что судьба Конфедератовъ и ихъ короля Лещинскаго будетъ рѣшена въ Вѣнѣ. Какъ извѣстно, всеобщій мирный договоръ былъ подписанъ подъ несомнѣннымъ давленіемъ вступившихъ въ предѣлы Рейнскихъ земель русскихъ войскъ подъ начальствомъ Ласси, въ количествѣ 10.000 штыковъ, тогда какъ остальные 15.000 человѣкъ онъ растерялъ въ пути.

Такимъ образомъ завѣтная мечта и желаніе Петра Великаго осуществились: эта военная демонстрація русскихъ войскъ вліяла на дѣйствія всей Европы, и русскія знамена развѣвались въ самомъ сердцѣ ея, а въ это же время счастливый соперникъ Лещинскаго спокойно вступалъ на Польскій престолъ подъ охраною русскихъ штыковъ..

III.

Цѣлая школа русскихъ историковъ придерживается того мнѣнія, что Петръ I положилъ начало враждебнымъ отношеніямъ между Россіей и Турціей, и что до него эти двѣ державы постоянно жили въ мирѣ между собой. Но въ сущности этотъ антагонизмъ русскаго Орла и Полумѣсяца—ведетъ свое начало съ очень давнихъ поръ. Естественный ростъ Россіи въ предѣлахъ

громадной равнины, расположенной между Бѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями и горными хребтами Урала, Кавказа и Карпатовъ, былъ отъ начала предназначенъ ей самой природой и судьбой, но сначала Азія наслала на нее свои татарскія орды, и на время ростъ ея былъ пріостановленъ. Затѣмъ, когда Россія справилась съ ними и, сбросивъ съ себя давившее ее иго, вновь продолжала идти дальше по намѣченному ею пути, турки преградили ей дорогу, прочно основавшись на Балканскомъ полуостровѣ. Взятіе Константинополя лишило Россію ея умственнаго центра и ея метрополіи, между тѣмъ мысль о Москвѣ, какъ духовной преемницѣ Византіи, какъ о третьемъ Римѣ, уже успѣла мало по малу зародиться и созрѣть въ представленіи русскихъ государей и государственныхъ людей. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ еще болѣе укрѣпилъ эту мысль и далъ поводъ къ различнымъ планамъ и соображеніямъ въ этомъ духѣ. Такимъ образомъ Петръ I только унаслѣдовалъ уже существовавшій взглядъ на Турцію, и еще до него Малорусскій вопросъ вызвалъ серьезный конфликтъ между Россіей и Портой; въ продолженіи всего царствованія царя Ѳеодора Алексѣевича велась кровопролитная война, которая наконецъ обезпечила за Россіей владѣніе восточной Украйной. Слѣдуя по стопамъ Голицына, Петръ затѣмъ отвлекся войною на сѣверѣ, а Порта, воспользовавшись этимъ, нанесла ему пораженіе при Прутѣ. Но эта несчастная война способствовала сближенію Россіи съ угнетаемыми Турціей славянскими народами, и Петръ умеръ, мечтая о реваншѣ и Австрійскомъ союзѣ, который онъ считалъ необходимымъ для своего торжества надъ Турціей. То и другое осуществили его преемники,—и этотъ союзъ съ Австріей такъ и назывался, вплоть до воцаренія Петра III, „системою Петра Великаго“.

Нѣкоторое время послѣ смерти Петра поддерживалась всѣми силами мирная политика, такъ какъ Остерманъ считалъ, что Россія въ это время не была въ состояніи преслѣдовать свою традиціонную программу. Но самый ходъ событій въ 1733 и 1735 гг. побудилъ Турцію къ возобновленію вражды, чему не мало способствовалъ самъ русскій посолъ при Константинопольскомъ дворѣ, Неплюевъ. Этотъ воспитанникъ Петра, столь же пылкій, какъ и его учитель, но при этомъ еще съ большимъ самооболь-

щеніемъ и меньшей обдуманностью и разсудительностью, чѣмъ Остерманъ, считалъ Турцію ослабленной ея пораженіями въ Персіи и мечталъ о торжествѣ Россіи надъ ея соперницей. Ему вторилъ его помощникъ и другъ Вишняковъ, также воспитанникъ Петровой школы, и не взирая на упорное стараніе Остермана сохранить миръ и избѣжать войны съ Турціей, все же было рѣшено, не дожидаясь нападенія со стороны Турціи, „предупредить ударъ". Желаніе избавиться отъ Мюниха, который послѣ своего мнимаго торжества при Данцигѣ, сталъ еще невыносимѣе, также играло въ этомъ рѣшеніи немаловажную роль.

Но Остерманъ все еще не соглашался открыто объявить войну Турціи: армія въ 80,000 человѣкъ была двинута въ походъ якобы только противъ Татаръ, захватившихъ Кабарду и ворвавшихся въ предѣлы русской территоріи. Вишняковъ торжествовалъ, увѣренный, что, при первомъ пораженіи своихъ Крымскихъ данниковъ и вассаловъ, Порта запроситъ пощады и мира. Но вышло иначе: отъ Перекопа русскимъ пришлось отступить, а Турція вмѣсто того, чтобы просить мира, стала вооружаться. Въ маѣ 1736 г. Миниху удалось, наконецъ, прорвать оборонительныя линіи татаръ у Перекопа и проникнуть до Бахчисарая, гдѣ онъ сжегъ городъ, ханскій дворецъ и цѣнную библіотеку Іезуитовъ, показавъ себя настоящимъ Вандаломъ. Но послѣ этого торжества русской арміи всетаки пришлось отступить, несмотря на взятіе Азова, такъ какъ отъ вѣчныхъ ссоръ и раздоровъ между военачальниками пошла такая неурядица въ войскѣ, что держаться далѣе на занятыхъ позиціяхъ не было возможности. Австрія обѣщанныхъ войскъ все не присылала, и Россіи приходилось опасаться, что не сегодня завтра изъ-за спины татаръ выступятъ турки. Остерманъ всячески старался предупредить эту возможность; дипломатическія сношенія между Россіей и Портой все еще не были прерваны, и Порта, повидимому, хотѣла мира. Но замѣнившій умершаго Неплюева Вишняковъ держалъ себя въ Константинополѣ такъ надменно, что, наконецъ, турецкое правительство рѣшило выслать его обратно въ Россію. Это было равносильно объявленію войны.

Компанія 1738 года оказалась несчастной не только для союзницы Россіи—Австріи, которая наконецъ-то рѣшилась выполнить свое обязательство и выставить свои войска, но и для самой

Россіи. Турки взяли у Австріи Орсову и грозили Бѣлграду; въ маѣ 38 г. Остерманъ сталъ вести переговоры о мирѣ черезъ посредство французскаго уполномоченнаго, но такъ какъ предлагаемыя условія не удовлетворяли Россію, то рѣшено было нанести Турціи рѣшительный ударъ. Въ 1739 г. Австрія вопила и молила о помощи, требуя обѣщанный ей корпусъ, въ 30,000 человѣкъ отъ Россіи; тогда у Остермана явилась блестящая мысль избрать кратчайшій и удобнѣйшій путь черезъ царство Польское; эта мысль показалась ему столь удачной, что онъ рѣшилъ этимъ путемъ двинуть въ Турцію не только обѣщанный Австрійцамъ корпусъ, но и всю армію. Въ іюлѣ 1739 г. Мюнихъ воспользовался этимъ маршрутомъ, чтобы проникнуть въ предѣлы Молдавіи и угрожать Хотину. При Ставучанахъ турки въ числѣ 30,000 человѣкъ преградили ему путь, плотно засѣвъ въ надежныхъ укрѣпленіяхъ. Русская армія была въ отчаянномъ положеніи, но Мюнихъ тѣмъ не менѣе аттаковалъ непріятеля; это было первое столкновеніе русскихъ и турокъ въ открытомъ полѣ, а потому должно было выяснить, на чьей сторонѣ находится перевѣсъ силъ. И вотъ, обманувъ ложной диверсіей налѣво непріятеля, русскіе прорвали правое крыло и центръ и обратили турокъ въ бѣгство. Два дня спустя Хотинъ капитулировалъ,—и побѣдоносная армія перешла Прутъ, а 12 сентября въ Яссахъ праздновала присоединеніе Молдавіи къ Россіи. Но въ этотъ самый день Мюнихъ узналъ, что Австрія подписала миръ съ Портой, Мюнихъ упорно хотѣлъ продолжать военныя дѣйствія, но Остерманъ сознавалъ, что еще шагъ дальше,—и дѣло Россіи должно погибнуть; войско было истощено, финансы также, въ военные таланты Мюниха онъ не вѣрилъ, видя въ его успѣхахъ только счастливую случайность которая могла не повториться, и потому настоялъ на мирѣ. Нѣкоторое время онъ упорно хотѣлъ удержать за Россіей Азовъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ сдаться: крѣпость Азовъ должна была быть срыта. Такимъ образомъ, не смотря на свои побѣды, Россія въ этой войнѣ потеряла сто тысячъ человѣкъ солдатъ и истратила уйму денегъ, не пріобрѣтя ничего, кромѣ славы.

IV.

Въ Августѣ 1735 г. Бестужевъ, представитель Россіи въ Стокгольмѣ, сумѣлъ, не взирая на энергичное сопротивленіе и противодѣйствіе французскаго посла, подписать оборонительный договоръ со Швеціей. Но уже въ слѣдующемъ году стали носиться тревожные слухи о томъ, что Турція предлагаетъ Швеціи крупныя субсидіи и обязуется не прекращать войны съ Россіей до тѣхъ поръ, пока Швеція не вернетъ себѣ всѣхъ отнятыхъ у нея Петромъ I-мъ провинцій. Благодаря щедрому вознагражденію, на которое въ данномъ случаѣ не скупился Бестужевъ, графъ Горнъ, глава русской партіи въ Швеціи, сумѣлъ отстоять на этотъ разъ интересы Россіи, хотя враждебная Россіи партія какъ на народномъ сеймѣ, такъ и въ Коммисіи была гораздо сильнѣе и склонялась всецѣло на сторону Франціи. Князю Кантеміру было поручено потребовать отъ Франціи, чтобы она не поддерживала Шведскихъ интригъ въ Константинополѣ. Но та вмѣсто отвѣта послала эскадру въ Балтійское море, а Швеція стала вооружаться. Однако, вскорѣ дѣло было улажено,—и русская дипломатія пріобрѣла выгодный для нея нейтралитетъ Швеціи.

V.

Тѣмъ временемъ Императоръ Карлъ VI скончался; тогда Англія, спохватившись, что благодаря тому, что она все время держалась въ сторонѣ, французское вліяніе начинало пріобрѣтать нежелательный для Англіи перевѣсъ въ русскихъ и вообще европейскихъ дѣлахъ, первая сдѣлала шагъ къ сближенію съ Россіей, прислявъ своего уполномоченнаго министра резидента въ Петербургъ. Въ это время въ Петербургѣ, не смотря на дорого обошедшійся Россіи миръ ея съ Турціей, шли торжества по случаю этого мира, хотя въ воздухѣ уже носились слухи, что Порта ведетъ переговоры со Швеціей о возобновленіи враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ Россіи подъ шумокъ тревожныхъ событій въ центральной Европѣ. И вотъ въ это то время, на одномъ изъ придворныхъ баловъ появился Ла-Шетарди, который, какъ всѣмъ было извѣстно, энергично работалъ въ Берлинѣ во вредъ русскимъ интересамъ. Его появленіе не даромъ возбудило недовѣріе, что въ недалекомъ будущемъ подтвердилось той ролью,

какую готовился играть этотъ человѣкъ въ событіяхъ, которыя должны были смести съ порывомъ буйнаго вихря тѣхъ людей, что вопреки, всякаго рода нареканіямъ все же, сумѣли сохранить почти въ полной неприкосновенности великое и тяжкое наслѣдіе Петра I-о, врученное судьбой ихъ попеченію.

Не надо забывать, какимъ нелегкимъ дѣломъ являлось для нихъ, да и для кого угодно управленіе этой громадной машиною, еще далеко не совершенной, не ими задуманной и не ими созданной, при чемъ не въ ихъ власти было и остановить ее на томъ гибельномъ пути, по которому она мчалась съ стремительной быстротой. Они старательно удерживали ея ходъ, смазывали колеса и всячески старались избѣжать зіяющихъ по обѣимъ сторонамъ дороги пропастей и обрывовъ. Большаго отъ нихъ нельзя было и требовать. Правда, временами и у нихъ кружилась голова отъ жажды власти и наживы, но вѣдь въ сущности для того, чтобы взяться управлять этой машиной съ рискомъ на каждомъ шагу сломить себѣ шею, эти люди должны были быть авантюристами, а потому и смотрѣть на нихъ слѣдуетъ, какъ на таковыхъ.

И, говоря по правдѣ, въ этой отвѣтственной роли Остерманъ, такъ какъ въ сущности вся отвѣтственность какъ за внѣшнія, такъ и за внутреннія дѣла лежала главнымъ образомъ на немъ, былъ ни чѣмъ не хуже Меншикова.

Въ общемъ всѣ его старанія, равно какъ и его союзниковъ, клонились главнымъ образомъ къ упроченію ранѣе достигнутыхъ результатовъ и сохраненію границъ, намѣченныхъ въ теченіе великаго царствованія Петра. Такимъ образомъ въ Малороссіи, послѣ нѣкотораго блужданія по сторонамъ, простая и безусловная система полнаго присоединенія, примѣненная Петромъ I, восторжествовала надъ уступками автономистамъ. Въ январѣ 1734 г., воспользовавшись смертью Гетмана Апостола, въ Малороссіи была учреждена временная коммисія, состоящая изъ 3 великоруссовъ и 3 малороссовъ, при чемъ въ Петербургѣ было рѣшено, что это временное управленіе страной будетъ постояннымъ. Но населеніе далось въ обманъ, ничего не подозрѣвая. А русскія власти всячески старались сохранить внѣшнія формы, чтобы не возбудить прежде срока недовѣріе; такъ, Кіевскимъ гражданамъ предоставлено было самимъ избрать себѣ бургомистра, но предварительно были приняты различныя ловкія мѣры для того, чтобы этотъ

выборъ палъ на русскаго, безусловно преданнаго интересамъ Петербургскаго правительства. Правда, у неукротимаго Мюниха истинная подкладка отношеній Россіи къ Малороссіи временами прорывалась, но за то коллеги фельдмаршала обыкновенно спѣшили загладить его промахъ.

На Уралѣ съ полудикимъ населеніемъ Киргизовъ и Башкиръ было много труднѣе управляться. Кириллову поручено было возвести на Орѣ крѣпость, будущій Оренбургъ, и уже въ 1735 г. этотъ энергичный управитель края мечталъ о покореніи Ташкента съ Туркестаномъ и о проложеніи Россіи пути въ Индію. Но сильное возмущеніе Башкиръ положило предѣлъ его мечтамъ; на помощь Кириллову прибылъ Румянцевъ, но они перессорились между собой, и на ихъ мѣсто явился сперва Татищевъ, а затѣмъ въ 1740 г. Урусовъ все съ той же цѣлью усмиренія Башкировъ, что ему и удалось на нѣкоторое время.

Проѣздъ въ Москву китайскаго посольства въ 1731 г. также далъ поводъ къ мечтамъ того же рода, и хотя въ нихъ не было ничего основательнаго или вѣроятнаго, тѣмъ не менѣе это характерно, какъ проявленіе той широты замысловъ, какая успѣла развиться въ народномъ сознаніи Русскихъ.

И нѣмцевъ отнюдь нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы они подавляли сколько нибудь широту этихъ замысловъ: ни Остерманова, ни Мюниховъ въ этомъ обвинить нельзя. Мало того, человѣкъ, всячески старавшійся поддерживать и расширять размѣры торговыхъ и иныхъ сношеній между Петербургомъ и Пекиномъ, усердно наблюдавшій за караванами, двигавшимися по нынѣшнему великому Сибирскому пути, былъ не русскій, а нѣкій Лангъ, не мало потрудившійся на пользу Россіи въ этомъ отношеніи.

ГЛАВА XI.

Общество и Дворъ.—Смерть Анны I-ой.

Утро при дворѣ Анны Ивановны.—Интимный Кругъ.—Слуги и Шуты.—Балакиревъ.—Князь-Квасникъ.—Его свадьба.—Ледяной домъ.—Нарушеніе традицій.—Подражаніе западнымъ образцамъ.—Организація двора, пріемы, балы, театры.-Нравы и обычаи чувства, и понятія.-Складъ общества.—Черный народъ и аристократія.—Типы старые и новые.—Василій Головинъ.—Его карьера и отставка.—Ближайшія и отдаленныя

причины.—Нарушенія нравственнаго равновѣсія.—Многовѣковое одиночество и разъединеніе.—Отсутствіе, соприкосновенія и общенія между отдѣльными классами.-Броженіе, вызванное реформами Петра Великаго.—Эмансипаціонное движеніе.—Противодѣйствующія ему законодательныя мѣры.—Окончательное закрѣпощеніе народа.—Общій итогъ.—Болѣзнь Анны Ивановны.—Вопросъ о престолонаслѣдіи и регентствѣ.—Интриги Бирона.—Двусмысленное поведеніе Остермана.—Вмѣшательство Мюниха.—Провозглашеніе фаворита Регентомъ.—Смерть Императрицы.

I.

Художникъ Якоби написалъ картину, изображающую утро во дворцѣ уже больной Анны Ивановны, въ 1740 г. Императрица лежитъ въ постели; мадамъ Биронъ, супруга фаворита, подноситъ ей какое то лекарство; у изголовья сидитъ въ своей обычной небрежной позѣ фаворитъ, подчищая свои ногти на рукахъ. Ушаковъ, склонившись къ самому уху Императрицы, очевидно, сообщаетъ ей какія-то свѣдѣнія о дѣлахъ Тайной Канцеляріи. Карлица, калмычка Буженинова, сидя на полу въ ногахъ кровати, слѣдитъ глазами за придворными шутами, которые посреди комнаты играютъ въ чехарду. Старикъ, князь Голицынъ, согнувшись вдвое, какъ видно, только что принялъ на спину своего товарища по ремеслу, Князя Волконскаго, на котораго въ свою очередь взгромоздился смѣющійся, жизнерадостный Балакиревъ, тогда какъ четвертый участникъ этой игры, графъ Апраксинъ, неуклюже растянулся на полу вслѣдствіе неудачнаго прыжка. У дверей въ сосѣднюю комнату, соперникъ Балакирева, Педрильо упражняется съ шутовскими ужимками на скрипкѣ, другой его сотоварищъ, д'Акоста, и маленькій сынъ Бирона подгоняютъ играющихъ въ чехарду кнутиками. Анну Ивановну повидимому это не занимаетъ, но ея приближенные, очевидно, увеселяются и хохочутъ во все горло. Вотъ красавица Наталія Лопухина, а съ нею ея возлюбленный, графъ Левенвольде; тутъ же мы видимъ и принцессу Гессе-Гомбургъ, супругу соратника Мюниха и Ласси, которые прервали свою партію въ карты и аплодируютъ забавникамъ. Въ глубинѣ комнаты будущая правительница Анна Леопольдовна, Ла Шетарди и Лестокъ, какъ видно, раздѣляютъ ихъ удовольствіе. Нѣсколько поодаль Мюнихъ и князь Трубецкой только одни смотрятъ серьезно и озабоченно; они совѣщаются между собой о какихъ-то дѣлахъ, не обращая вниманія на всеобщій смѣхъ и

веселье. Въ дальнемъ углу комнаты, подлѣ клѣтки съ попугаемъ, Третьяковскій съ смиреннымъ видомъ ожидаетъ, чтобы присутствующіе соблаговолили прослушать его новую оду, рукопись которой онъ держитъ въ рукахъ. Подлѣ него карлица черемиска въ національномъ нарядѣ и маленькій арапченокъ, но и тѣ не обращаютъ на піиту ни малѣйшаго вниманія. Однако, повидимому даже и онъ не укрылся отъ глазъ только что вошедшаго и остановившагося въ дверяхъ человѣка, окинувшаго неодобрительнымъ взглядомъ все это собраніе; его величавая, красивая и надменная фигура какъ будто выражаетъ чувство гадливаго и вмѣстѣ насмѣшливаго презрѣнія; это—Волынскій.

Такія обыкновенно сцены разыгрывались въ новомъ Зимнемъ дворцѣ. По возвращеніи двора въ Петербургъ Анна Ивановна поселилась въ домѣ графа Апраксина, стараго Петровскаго адмирала, который завѣщалъ его послѣ своей смерти Петру II. Анна Ивановна увеличила его почти вдвое, и превратила въ свой дворецъ, который и сталъ называться новымъ Зимнимъ дворцомъ, въ отличіе отъ стараго, гдѣ скончался Петръ I и Екатерина I-я (теперешній Эрмитажъ), который при Аннѣ Ивановнѣ былъ отведенъ подъ помѣщеніе придворнымъ.

Какъ новый, такъ и старый Зимній дворцы оказались вскорѣ страшно переполненными. Создавъ себѣ чрезвычайно многочисленный дворъ и громадный штатъ всякихъ служащихъ и прислуги, Анна Ивановна, кромѣ того, страшно любила животныхъ, особенно птицъ; такъ, изъ одного отчета мы видимъ, что государынѣ единовременно потребовалось 100 соловьевъ, 50 жаворонковъ, 50 подорожниковъ, 50 снѣгирей, 50 овсянокъ, 100 конопляновъ, 50 чижей и 50 малиновокъ; попугаи, какъ птицы особенно цѣнныя, были менѣе численными и пользовались особеннымъ уходомъ. Во всѣхъ комнатахъ дворца стояли клѣтки; кромѣ того, въ одномъ изъ внутреннихъ садовъ дворца помѣщался еще „звѣринецъ“, гдѣ содержалось огромное множество птицъ въ особыхъ вольерахъ, предназначенныхъ для стрѣльбы императрицы. На 30 верстъ разстоянія въ окружности отъ столицы воспрещалось подъ страхомъ смертной казни стрѣлять изъ ружья; для придворныхъ охотъ доставлялись со всѣхъ концовъ Россіи медвѣди, волки, кабаны, олени и лисицы. Въ 1740 г. князь Кантеміръ, по порученію Императрицы, пріобрѣлъ для нее 34 пары гончихъ

таксъ, стоимостью въ 1,100 руб., въ тоже время князь Щербатовъ купилъ въ Лондонѣ 63 пары гончихъ и борзыхъ. Самъ Волынскій, мечтавшій измѣнить государственный строй Россіи и даже воздѣть на главу свою царскій вѣнецъ, не пренебрегалъ, въ качествѣ оберъ-егермейстера двора, наблюдать за императорскою псарнею.

Въ самомъ помѣщеніи дворца сучкѣ Цыпринкѣ было отведено княжеское помѣщеніе, и особый придворный регламентъ устанавливалъ количество и качество блюдъ, которыя должны были подаваться ей на царской кухнѣ, а также количество прислуги, на попеченіи которой лежалъ уходъ за ней.

Изъ людей, любимцы и приближенные императрицы какъ мужчины, такъ и женщины принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Карлики и карлицы, горбуны и горбуньи, различные уроды и калѣки насчитывались при дворѣ Анны Ивановны десятками, равно какъ дураки и дурочки, потѣшники и потѣшницы, шуты и шутихи; были тутъ и калмыки, и черемисы, и „арапы“. Вся эта ватага пользовалась почти безграничными вольностями по отношенію ко всѣмъ лицамъ, бывающимъ во дворцѣ, какое бы высокое и почетное положеніе тѣ не занимали, за то по отношенію къ самой императрицѣ всѣ они были образцово вымуштрованы и соблюдали строжайшій этикетъ съ примѣсью униженнаго раболѣпнаго послушанія. Такъ, напримѣръ, когда Чернышева, одна изъ многорѣчивѣйшихъ сплетницъ, состоявшихъ при Императрицѣ, послѣ безпрерывнаго говоренья въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоя все время на вытяжку передъ императрицей, доходила до полнаго изнеможенія, такъ что не могла держаться на ногахъ, то Анна Ивановна милостиво обращалась къ ней со словами: „Обопрись, Авдотья Ивановна, о столъ, а эта дѣвка заступитъ тебя, такъ что я и не увижу“!

Въ большинствѣ случаевъ шутки, которыми вся эта команда забавляла Императрицу, далеко не отличались остроуміемъ; такъ, напримѣръ, однимъ изъ любимѣйшихъ пріемовъ было присѣсть на корточки у того мѣста, гдѣ должна была пройти Государыня, и клохтать по куриному или же колотить по спинѣ повернувшагося носомъ къ стѣнѣ товарища. Анна Ивановна создала даже особый орденъ, весьма сходный по своимъ знакамъ съ знаками Александра Невскаго, спеціально для шутовъ и др. забавниковъ.

Шестеро изъ шутовъ занимали оффиціальное положеніе и даже награждались чинами;—это были Балакиревъ и Д'Акоста, унаслѣдованные отъ Петра I-го, вновь призванный иностранецъ Педрильо и трое родовитыхъ русскихъ аристократовъ: Апраксинъ, Волконскій и Голицынъ.

Это обращеніе представителей лучшихъ фамилій страны въ придворныхъ шутовъ было не новостью при русскомъ дворѣ; какъ извѣстно, и у Ивана Грознаго былъ шутомъ князь Гвоздевъ, а въ виду общей тенденціи внутренней политики Анны этотъ примѣръ Грознаго являлся для нея особенно пригоднымъ; впрочемъ, по тогдашнимъ понятіямъ роль шута не являлась унизительной, и нѣкій Иванъ Андреевичъ Жировой-Засѣкинъ былъ даже пожалованъ въ дворяне за отличія на этомъ поприщѣ.

Балакиревъ по происхожденію своему принадлежалъ также къ мелкому дворянству; въ 1718 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ обучаться инженерному дѣлу, но въ этомъ ему не повезло, и благодаря кое какому знакомству онъ устроился при особѣ Екатерины Алексѣевны, гдѣ служилъ посредникомъ между нею и Монсомъ. Благодаря своему веселому нраву и прирожденному остроумію, онъ сумѣлъ понравиться Петру, который, впрочемъ, обнаруживъ его участіе въ дѣлѣ Монса, не задумываясь послалъ его въ застѣнокъ испытать кнута, а затѣмъ сослалъ въ ссылку. Екатерина возвратила его изъ ссылки, а Анна Ивановна взяла къ себѣ въ качествѣ профессіональнаго шута.

Д'Акоста, по происхожденію португальскій еврей, былъ маклеромъ въ Гамбургѣ, откуда его вывезъ въ Петербургъ тамошній русскій резидентъ. Человѣкъ этотъ говорилъ чуть-ли не на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и потому Петръ приблизилъ его къ себѣ и въ веселыя минуты забавлялся тѣмъ, что спорилъ съ нимъ относительно важности и значенія Ветхаго и Новаго Завѣта.

Итальянецъ Педрильо, собственно Педро Мири, прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ пѣвца—буффо и первой скрипки оркестра Итальянской оперы, но, поссорившись съ дирижеромъ оркестра и дирекціей оперы, промѣнялъ мѣсто музыканта и пѣвца на мѣсто шута при дворѣ Анны Ивановны, которая сдѣлала изъ него своего любимѣйшаго партнера въ карточной игрѣ, благодаря чему ловкій итальянецъ нажилъ себѣ цѣлое состояніе и затѣмъ сбѣжалъ заграницу. У этого Педрильо была

ужасно некрасивая жена, такъ что его часто поддразнивали, что онъ женатъ на козѣ—„Правда ли, что ты женатъ на Козѣ? Спросилъ его однажды Биронъ.—„Правда, и надняхъ она должна родить; надѣюсь, что Ваша Свѣтлость соблаговолитъ посѣтить и по этому случаю не забудетъ маленькаго подарочка „на зубокъ“ новорожденному!“ Анна Ивановна пожелала, чтобы весь ея дворъ отправился къ Недрильо,—и въ назначенный день гости застали итальянца въ постели, подлѣ него лежала Коза въ нарядной кофтѣ и чепцѣ, изукрашенными кружевами и лентами.

Всѣ эти личности являлись, такъ сказать, воплощеніемъ духа времени, характерными представителями умственнаго и нравственнаго уровня той среды, гдѣ они вращались. Остальные трое шутовъ этого царствованія еще болѣе поучительны для потомства.

Князь Никита Федоровичъ Волконскій занималъ видное положеніе при Петрѣ I и Екатеринѣ I-ой благодаря своей женѣ, рожденной Бестужевой, женщинѣ чрезвычайно умной, честолюбивой и энергичной, которая не сумѣла понравиться Аннѣ Ивановнѣ и даже прогнѣвала ее чѣмъ то, когда та была еще просто Герцогиней Курляндской. Когда же вдовствующая Герцогиня стала Императрицей, то княгинѣ Волконской пришлось такъ горько раскаяваться въ своей старой винѣ, что она вскорѣ умерла съ горя. Тогда Анна Ивановна призвала въ Петербургъ ея мужа, который, будучи слабоумнымъ и находясь въ опалѣ, жилъ въ деревнѣ, гдѣ дѣлалъ одну за другой всякія глупости, не имѣя надъ собой руководившей его во всемъ жены. Ввидѣ особой милости Императрица сдѣлала его своимъ шутомъ, а въ награду за его примѣрное усердіе поручила ему высшій надзоръ за Цыпринкой, не лишивъ, однако, званія Камеръ-юнкера.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, родной племянникъ стараго Адмирала Апраксина, былъ обязанъ такой же высокой милости Императрицы тѣмъ, что совмѣщалъ званіе камергера, которое онъ носилъ еще при дворѣ Екатерины I, съ новою шутовскою должностью. Будучи женатъ на княжнѣ Голицыной, дочери князя Михаила Алексѣевича Голицына, внуки несчастнаго возлюбленнаго правительницы Софьи, Апраксинъ приходился зятемъ своему товарищу по шутовству князю М. А. Голицину. Опредѣленный простымъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ,

Михаилъ Алексѣевичъ съ большимъ трудомъ дослужился до чина майора. Овдовѣвъ въ 1729 г., онъ получилъ разрѣшеніе отправиться за границу, гдѣ, оплакивая свою первую жену, рожденную Хвостову, влюбился въ Итальянку изъ низшаго сословія и ради нея принялъ католичество. Затѣмъ, вернувшись въ Москву, онъ жилъ уединенно, скрывая отъ всѣхъ свое отступничество и свою Итальянку. Но слухъ объ этомъ дошелъ до Императрицы,—и Анна пожелала его видѣть. Оказалось, что онъ былъ до того глупъ, что Анна присудила ему пальму первенства надъ всѣми ея дураками и дурочками. Его бракъ и отступничество приказано было признать не дѣйствительными,—и онъ взятъ въ придворные шуты и никогда болѣе не видѣлъ своей Итальянки. Михаилъ Алексѣевичъ также занималъ двѣ должности при дворѣ: состоя шутомъ, онъ въ тоже время былъ и виночерпіемъ или, вѣрнѣе, Квасомоемъ у Анны Ивановны,—или какъ это тогда называлось, Квасникомъ, отсюда и взялось его прозваніе „Князь-Квасникъ“, употреблявшееся даже въ оффиціальныхъ документахъ.

У этихъ профессіональныхъ шутовъ было не мало конкуррентовъ и подражателей изъ доброхотовъ, старавшихся этимъ угодить Государынѣ; не только дураки и дурочки, сказочницы и подобный людъ, но и генералы не пренебрегали подобными пріемами—корчили рожи, кривлялись и т. п.

Старая, безобразная калмычка Анна Ивановна, прозванная Буженинова, не имѣла себѣ соперницъ по части гримасъ и ужимокъ, за что Императрица очень любила ее. Однажды этой калмычкѣ пришла фантазія шутя пожаловаться, что ее никто замужъ не беретъ, и на другой же день Государыня послала сказать Голицыну, что она нашла ему жену, и что всѣ расходы по свадьбѣ она принимаетъ на свой счетъ. Это шутовское бракосочетаніе послужило предлогомъ для сооруженія знаменитаго ледяного дома, описаннаго Лажечниковымъ въ романѣ того же имени. Домъ этотъ былъ воздвигнутъ на Невѣ, между Зимнимъ дворцомъ и Адмиралтействомъ; онъ былъ изукрашенъ галлереями съ ажурными баллюстрадами и перилами, съ колоннами и статуями, сдѣланными изъ льда. Просторныя сѣни раздѣляли внутреннее помѣщеніе дома на двѣ половины; въ одной помѣщалась спальня и уборная, въ другой гостиная и столовая; вся мебель,

занавѣсы, постель, подушки, одѣяла, камины и даже горѣвшія въ немъ дрова были сдѣланы изъ льда и, обливаемыя керосиномъ, горѣли яркимъ пламенемъ. По обѣ стороны крыльца были два ледяныхъ дельфина, извергавшіе огненные фонтаны изъ зажженаго керосина или нефти, равно какъ и громадный ледяной слонъ, высоко задравшій свой хоботъ. Странно, что уже тогда пользовались керосиномъ для подобныхъ цѣлей, тогда какъ примѣненіе его въ качествѣ обычнаго освѣтительнаго матерьяла введено не ранѣе половины прошлаго столѣтія. Окна ледяного дома, сдѣланныя изъ тонкихъ прозрачныхъ льдинъ, ярко освѣщались по вечерамъ, равно какъ и двѣ такія-же прозрачныя пирамиды вблизи отъ дома и почти прилегающая къ нему прозрачная ледяная баня, въ которой желающимъ разрѣшалось париться. Этотъ ледяной домъ предназначался для новобрачныхъ.

По случаю этой самой свадьбы Государыня повелѣла, чтобы каждая изъ народностей, составляющихъ разнообразное населеніе ея государства, имѣла своихъ представителей на этой свадьбѣ, чтобы Остяки, Черемисы, Самоѣды, Камчадалы, Якуты, Киргизы, Калмыки, Финны и др. явились всѣ въ своихъ національныхъ костюмахъ парами, мужчины и женщины для участія въ маскарадномъ шествіи, которое сопровождало новобрачныхъ отъ церкви, гдѣ совершено было бракосочетаніе, до Манежа Бирона, гдѣ былъ приготовленъ парадный завтракъ для гостей и гдѣ всѣ эти инородцы поочередно должны были исполнить, въ присутствіи Государыни и всего двора, свой національный танецъ. Когда стемнѣло, торжественное шествіе двинулось къ ярко илдюминованному ледяному дому, гдѣ прибытіе молодыхъ было отпраздновано блестящимъ фейреверкомъ, послѣ чего новобрачныхъ съ большимъ торжествомъ уложили въ ледяную постель, и къ выходу ледяного дома приставили часовыхъ, чтобы тѣ не вздумали бѣжать изъ своего дворца ранѣе слѣдующаго утра.

Какимъ то чудомъ и Князь-Квасникъ, и его безобразная супруга остались живы; послѣ смерти Императрицы Анны имъ было разрѣшено уѣхать заграницу, гдѣ Калмычка вскорѣ умерла, оставивъ Князю двухъ сыновей: Князя Алексѣя, который умеръ бездѣтнымъ, и Князя Андрея, который, женившись на Хитрово, сталъ родоначальникомъ многочисленной семьи Князей Голицыныхъ. Самъ же „Князь-Квасникъ“ послѣ смерти своей Калмычки

женился еще въ четвертый разъ на Хвостовой-же и имѣлъ отъ нея трехъ дочерей, послѣ чего, доживъ до глубокой старости, скончался въ 1778 году.

Таковъ былъ дворъ и увеселенія Анны Ивановы, въ которыхъ слишкомъ даже ясно сказывались прежніе Кремлевскіе вкусы и обычаи, только извнѣ прикрытые Европейскимъ лоскомъ, насильственно привитымъ русской культурѣ и русскому обществу его Великимъ Преобразователемъ.

Если мы съ этой стороны замѣчаемъ несомнѣнное наслѣдіе древне-московскихъ нравовъ и вкусовъ, то, съ другой стороны, видимъ полное нарушеніе національныхъ традицій, которое являлось, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ петровскихъ реформъ.

Чувства людей этого времени, даже высшаго круга, повидимому, также не превышали уровня ихъ нравовъ, чѣмъ и объясняется главнымъ образомъ та удивительная покорность, съ какою всѣ они выносили дерзость, надменность и явное презрительное пренебреженіе къ нимъ Бирона. Напр., князь Шаховской возмущался казнью Волынскаго, но Биронъ предоставилъ ему значительное мѣсто, принялъ его любезно и угостилъ чашкой кофе,—и благороднаго негодованія какъ ни бывало. А когда, послѣ паденія Бирона, занимаемый Шаховскимъ постъ занялъ Наумовъ, тотъ же Шаховской покорно согласился стать его помощникомъ.

II.

Что касается нравовъ и обычаевъ простого народа въ то время, то намъ объ этомъ почти ничего не извѣстно, такъ какъ, будучи сплошь неграмотнымъ, народъ не оставилъ никакихъ памятниковъ, никакихъ данныхъ, показывающихъ его тогдашній умственный и нравственный уровень или знакомящихъ насъ съ его жизнью и обычаями. Надо полагать, что и тогда въ немъ можно было видѣть то, что приходится видѣть вплоть до послѣдняго времени въ глухой провинціи, т. е., крайне слабое умственное развитіе, грубость и косность нравовъ, крайнее суевѣріе, дикость и нерѣдко даже тупоуміе и свирѣпость, не смотря на добродушіе и мягкосердечіе, свойственное въ сущности русскому народу.

Дворянство-же, принужденное силою Петровскихъ указовъ стать грамотнымъ, т. е. по крайней мѣрѣ умѣть читать и писать на родномъ языкѣ, напротивъ, оставило намъ многочисленные матерьялы, записки и мемуары, въ которыхъ духъ, бытъ и характеръ этого класса населенія сказывается съ полной ясностью.

Если не считать кое кого изъ уцѣлѣвшихъ отъ Петровскаго погрома старыхъ стольниковъ и окольничьихъ, званіе которыхъ теперь имѣло лишь историческое значеніе, этихъ старыхъ придворныхъ, помнившихъ царя Ѳеодора Алексѣевича, а теперь жившихъ вдали отъ свѣта по своимъ дворамъ, — то, вообще говоря, старыхъ дворянъ, не захотѣвшихъ разстаться съ кафтаномъ и охабнемъ и не бривших бороды, было уже не много; молодое же поколѣніе почти все сплошь состояло изъ людей, служившихъ въ войскѣ при царѣ Преобразователѣ. Всѣ они брили бороды и носили платье французскаго или нѣмецкаго покроя, всѣ болѣе или менѣе образованные, съ болѣе широкими взглядами и идеями, но при всемъ томъ, пожалуй, ничуть не менѣе грубые,—а еще болѣе закаленные, болѣе сильные, терпкіе и выносливые.

Заглянемъ въ записки Василія Васильевича Головина. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ отправился изъ родного гнѣзда въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ вмѣстѣ съ громаднымъ числомъ другихъ такихъ же юношей, прибывшихъ съ разныхъ концовъ Россіи, пройти родъ экзамена въ присутствіи самого Царя, который самъ разспрашивалъ о многомъ каждаго изъ нихъ. Послѣ этого испытанія, „меня грѣшнаго“,—пишетъ Головинъ, отправили за море (въ Амстердамъ), а спустя 4 года, научившись кое чему у голландцевъ, Головинъ поступилъ въ Морскую Академію, вновь основанную въ Петербургѣ, гдѣ дисциплина была строжайшая и интернатъ—самый замкнутый, а въ классахъ присутствовали особые надзиратели, вооруженные кнутомъ или плетью. За малѣйшую провинность слѣдовало наказаніе плетью или батогомъ, а въ случаяхъ болѣе серьезныхъ прогоняли сквозь строй, два или три раза, смотря по приговору начальства. Наука была не трудная, но обученіе затруднялось тогдашней системой преподаванія и введеніемъ новаго оффиціальнаго языка, съ которымъ и сами преподаватели еще не успѣли освоиться. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время, Головинъ заболѣлъ и получилъ отпускъ на

годъ; за это время онъ успѣлъ жениться, но по истеченіи срока долженъ былъ снова вернуться на школьную скамью и просидѣть на ней еще 5 лѣтъ. Въ 1720 г. онъ благодаря хлопотамъ и связямъ своей семьи получилъ званіе Камергера при Императрицѣ Екатеринѣ I, но вскорѣ оказался замѣшаннымъ въ какую-то дворцовую интригу, приведенъ къ допросу и пыткѣ и сосланъ вплоть до 1725 г. Екатерина I при восшествіи на престолъ возвратила его изъ ссылки, но въ 1736 г. онъ снова попалъ въ лапы къ Ушакову, гдѣ познакомился съ кнутомъ, дыбой, каленными угольями и каленными иглами. „А теперь“,—заканчиваетъ онъ эту часть своего повѣствованія, „мы, милостію Божію, спасены“, что означало, что благодаря огромной суммѣ, которою рѣшилась пожертвовать его жена, ему было разрѣшено поселиться и жить спокойно въ помѣстьѣ Новоспасскомъ. Здѣсь онъ велъ жизнь самодура—помѣщика, требовавшаго раболѣпнаго къ себѣ отношенія отъ всѣхъ своихъ приближенныхъ и слугъ, коихъ онъ, по старому обычаю, имѣлъ несмѣтное количество, но къ которымъ самъ въ большинствѣ случаевъ относился отечески ласково, что не мѣшало ему быть крайне строгимъ и подчасъ даже жестокимъ въ случаѣ какой нибудь провинности съ ихъ стороны.

Впрочемъ, самодурства и эксцентричности были чрезвычайно обычны въ этой дворянской средѣ вплоть до самаго послѣдняго времени, т. е. главнымъ образомъ до эмансипаціи: они являлись какъ-бы кастовою особенностью дворянъ.

Причины этого самодурства лежатъ, съ одной стороны, въ безграничномъ деспотизмѣ государей, который служилое сословіе привыкало безропотно переносить, съ другой—въ деспотизмѣ, ихъ по отношенію къ безропотнымъ рабамъ — крѣпостнымъ, а также въ той пропасти, которая тогда уже дѣйствительно образовалась между „бѣлою“ и „черною“ костью. Обыкновенно говорятъ, что пропасть эту вырылъ своими реформами Петръ Великій. Но это не вѣрно: она образовалась уже задолго до него. Поверхностно же привитая къ высшимъ классамъ иностранная культура только еще болѣе углубила эту пропасть, искони раздѣлявшую мужика отъ барина.

Проводя свой день чуть не на половину въ церкви, за трапезой или же на охотѣ, баринъ, естественно, какъ въ духовной, такъ и въ физической жизни былъ далекъ отъ крестьянина,

который, въ силу экономическихъ и соціальныхъ условій, исключающихъ всякое посредничество между владѣльцемъ земли и землепашцемъ, при полномъ отсутствіи свободныхъ профессій и третьяго сословія, которое являлось бы связующимъ звеномъ между тѣмъ и другимъ классомъ, былъ прикованъ къ косулѣ и сохѣ наравнѣ съ рабочимъ воломъ и всякой другой скотиной; нечего и говорить, что онъ не имѣлъ возможности проводить половины сутокъ за обѣдней и вечерней, такъ что даже посѣщеніе церкви дѣлалось привиллегіей барина, что еще больше увеличивало пропасть между нимъ и мужикомъ.

III.

5-го Октября 1740 года, Анна Ивановна опасно занемогла. Въ принципѣ вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ нея былъ рѣшенъ еще въ 1731 году, когда Императрица особымъ манифестомъ объявила наслѣдникомъ своимъ будущаго, т. е. имѣющаго еще родиться, сына своей племянницы, которой въ эту пору было всего 13 лѣтъ и которая не только не была еще замужемъ, но даже и не могла еще стать чьей либо женою. И всѣ вѣрноподданные, весь русскій народъ, должны были присягнуть этому наслѣднику, котораго еще не было на свѣтѣ. Даже сама то юная племянница Императрицы, Елизавета—Катерина—Кристина Мекленбургская, дочь Екатерины Ивановны, приняла православіе лишь два года спустя и стала именоваться Анной Леопольдовной. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлу Левенвольде было поручено подыскать ей подходящаго супруга; съ этою цѣлью онъ объѣздилъ всѣ нѣмецкіе дворы и по возвращеніи предложилъ Маркграфа Карла Прусскаго и принца Антона Ульриха фонъ Бевернъ изъ дома Брауншвейгскаго, причемъ его личныя симпатіи склонялись на сторону послѣдняго, Остерманъ же отстаивалъ Прусскаго кандидата, но безуспѣшно. Антонъ Ульрихъ не отличался никакими привлекательными качествами ни физическими, ни нравственными, и не блисталъ ни красотой, ни умомъ. Анна Ивановна, увидавъ его, такъ мало была имъ очарована, что, повидимому, вовсе не намѣрена была спѣшить бракомъ своей племяницы съ нимъ, тѣмъ не менѣе позволила ему остаться въ Россіи и поручила ему командовать Кирасирскимъ полкомъ, съ которымъ онъ впослѣдствіи сдѣлалъ походъ противъ Турокъ

и подъ Очаковымъ велъ себя весьма доблестно. Императрица наградила его по заслугамъ, но не возобновляла разговора о бракѣ его съ Анной Леопольдовной, а со смертью Левенвольде его шансы, повидимому, еще болѣе уменьшились. Биронъ относился къ нему явно недоброжелательно, даже враждебно, что уже само по себѣ заставляетъ думать, что слухи объ его искательствѣ руки Анны Леопольдовны для одного изъ его сыновей имѣли извѣстное основаніе. Чтобы поддержать бѣднаго Антона-Ульриха, Австрійскій дворъ вздумалъ вмѣшаться въ эти матримоніальныя комбинаціи и, розыскавъ имѣвшуюся въ готовности принцессу Вольфенбюттельскую, предложилъ ее въ невѣсты молодому Бирону,—но на это предложеніе былъ полученъ категорическій отказъ со стороны фаворита, что опять-таки можетъ служить доказательствомъ, что онъ мѣтилъ выше.

Впрочемъ, въ Іюлѣ 1739 года, когда Анна Ивановна впервые занемогла тою болѣзнью, отъ которой скончалась (болѣзнью почекъ), вѣроятно, не найдя для своей племянницы другой, болѣе подходящей партіи, она высказала желаніе, чтобы этотъ такъ долго откладывавшійся бракъ, наконецъ, совершился. Биронъ не сталъ ничего возражать, но всегда оставался въ натянутыхъ отношеніяхъ съ молодой четой.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна получила мужа, отъ котораго далеко не была въ восхищеніи, причемъ даже самое положеніе его по прежнему оставалась неопредѣленнымъ. Только одинъ Остерманъ настаивалъ на томъ, чтобы ему сейчасъ же дали титулъ Высочества и Великаго-Князя, и этотъ разъ его настояніе одержало верхъ. По мѣрѣ того, какъ Анна Леопольдовна входила въ возрастъ, она много теряла во мнѣніи своей тетки, которая теперь не находила въ ней ни ума, ни красоты; это была, дѣйствительно, толстая румяная нѣмка, весьма ограниченная, апатичная и вмѣстѣ съ тѣмъ чувственная, безъ малѣйшаго признака злобы или какого либо другого болѣе сильнаго чувства. Собственно говоря, Анна Ивановна избрала ее только для того, чтобы отдалить окончательно отъ престола Елизавету Петровну, которую она положительно не терпѣла, и только въ силу одного этого соображенія рѣшила не измѣнять своего первоначальнаго намѣренія. Въ 1740 г. родился отъ этого брака ребенокъ, мальчикъ, который былъ названъ Иваномъ Антонови-

чемъ и, повидимому, былъ предназначенъ стать русскимъ Государемъ. Императрица чрезвычайно радовалась его рожденію и пожелала даже сама лично ухаживать за нимъ въ первые дни.

Русскій народъ былъ бы въ правѣ спросить, на какомъ основаніи и по какому праву этотъ чистокровнѣйшій нѣмецъ какъ по отцу, такъ и по матери, съ одной стороны, Брауншвейгскій, съ другой—Мекленбургскій, былъ призванъ управлять Россіей,— и на какомъ основаніи сама Анна Ивановна, вдова Курляндскаго Герцога, присваивала себѣ право избирать себѣ пріемника, она, которая и сама то царствовала милостью одного Голицына и четырехъ Долгорукихъ. Но кто же могъ спросить ее объ этомъ? И такъ рѣшено было, что царствовать послѣ Анны будетъ новорожденный Иванъ Антоновичъ. А кто долженъ былъ управлять страною отъ его имени? Въ тотъ моментъ, когда Анна Ивановна окончательно слегла, чтобы не встать болѣе, ему было всего 9 мѣсяцевъ. Императрица, повидимому, никогда раньше не думала объ этомъ, да и теперь этотъ вопросъ не тревожилъ ее. Она пуще всего боялась смерти и тщательно избѣгала всего, что хоть сколько нибудь могло напомнить ей о смерти. Но люди, окружающіе ее, были весьма озабочены этимъ вопросомъ, особенно когда состояніе ея здоровья стало замѣтно ухудшаться. Биронъ послалъ курьера за Рейнгольдомъ Левенвольде, и оба они долго и тревожно совѣщались, а затѣмъ рѣшили созвать совѣтъ въ кабинетъ. Остерманъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, сказался больнымъ. Левенвольде поспѣшилъ къ нему, но „оракулъ“ по обыкновенію говорилъ много и долго и въ сущности не сказалъ ровно ничего, развѣ только, что если— молъ царствовать долженъ Иванъ Антоновичъ, то всего естественнѣе, чтобы правительницей за него была его мать съ правительственнымъ совѣтомъ, въ составъ котораго можетъ войти и Биронъ. Съ такимъ отвѣтомъ возвратился Левенвольде въ кабинетъ, гдѣ уже собрались Черкасскій и замѣстившій Волынскаго Алексѣй Бестужевъ—Рюминъ, вознагражденный этимъ высокимъ постомъ министра за одинъ доносъ. Тѣмъ временемъ Биронъ успѣлъ поговорить съ Императрицей, но Анна Ивановна, которой онъ осторожно предложилъ назначить своей преемницей, ввиду малолѣтія Ивана Антоновича, Анну Леопольдовну, выразилась весьма нелестно своей племянницѣ и сказала, что не желаетъ видѣть

ее регентшей, такъ какъ тогда тотчасъ же прибудетъ въ Россію ея отецъ и поставитъ здѣсь все вверхъ дномъ. Объ Антонѣ Ульрихѣ, конечно, не могло быть и рѣчи: его Государыня считала за круглаго дурака. Тѣмъ не менѣе регентъ былъ необходимъ. На кого же было возложить эту отвѣтственную роль? Снова пришлось прибѣгнуть къ мудрости Остермана, и на этомъ разъ къ нему отправились Черкасскій и Бестужевъ Рюминъ, которые, по пути обсудивъ между собой нерѣшительность Бирона въ данномъ случаѣ, пришли къ заключенію, что, повидимому, фаворитъ желаетъ, чтобы выборъ палъ на него. А почему бы и не такъ"?— согласились они, но Остерманъ былъ, повидимому, иного мнѣнія. Назначеніе регента должно было быть объявлено законнымъ документомъ, подданные же, по его мнѣнію, не могли въ это вступаться, тѣмъ болѣе подданные иностранцы. Возвратясь съ этимъ отвѣтомъ во дворецъ, Бестужевъ и Черкасскій застали Бирона, Левенвольде и Мюниха въ прежней оживленной бесѣдѣ. Бестужевъ, спѣша опередить своего спутника, тотчасъ же заявилъ о придуманномъ ими рѣшеніи вопроса, но какъ будто имя Бирона ожгло ему губы, и онъ поспѣшилъ добавить: „конечно, во всякой другой странѣ показалось бы страннымъ, что отецъ и мать императора устранены отъ регентства и даже отъ участія въ немъ, во время малолѣтства ихъ сына".

„Конечно!—согласился Биронъ и ждалъ, что скажутъ дальше. Но никто не рѣшался прибавить ни слова болѣе. Тогда, видя, что съ этими трусами нельзя дѣйствовать безъ понуканія, фаворитъ досадливо воскликнулъ: „Но надо же рѣшить этотъ вопросъ"!

Послѣ этого оклика Черкасскій рѣшился высказать, что считаетъ регентство Бирона во всѣхъ отношеніяхъ весьма желательнымъ. Мюниху осталось только подтвердить его мнѣніе. Такимъ образомъ дѣло это было рѣшено тремя нѣмцами и двумя русскими восточнаго происхожденія, которые осмѣливались располагать будущимъ страны, какъ своей собственностью, причемъ даже и разговоръ-то этотъ весь велся на нѣмецкомъ языкѣ, единственномъ, которымъ свободно владѣлъ фаворитъ.

На слѣдующій день рѣшено было собраться и изготовить Манифестъ въ этомъ духѣ, затѣмъ дать подписать императрицѣ, Для составленія Манифеста рѣшено было привлечь еще Ушакова,

Трубецкого и Куракина, а также извѣстить Остермана о выборѣ кабинета. Но за ночь Бирон передумалъ и измѣнилъ планъ; слѣдовало предварительно подготовить императрицу къ этой мысли, кромѣ того, онъ чувствовалъ со стороны Миниха скрытую враждебность, а Остерманъ упорно продолжалъ молчать. Такимъ образомъ въ Манифестѣ говорилось только о переходѣ престола къ малолѣтнему Ивану Антоновичу, а о регентствѣ за время его малолѣтства пока еще ничего не говорилось. Анна Ивановна тотчасъ-же, въ присутствіи всѣхъ, подписала Манифестъ и отпустила всѣхъ, удержавъ при себѣ только одного Бирона. И вдругъ въ тотъ моментъ, когда всѣ члены кабинета уже выходили изъ опочивальни Императрицы, Мюнихъ, взявшись уже за ручку двери, обернулся къ Государынѣ и громко, почти повелительно произнесъ; „Ваше Величество, мы всѣ стоимъ за то, чтобы регентомъ былъ Бирон, и просимъ Васъ соблаговолить утвердить его“.

Лейбъ-Медикъ Императрицы, Португалецъ Рибейра, только что увѣрилъ Государыню, что ей гораздо лучше и что она еще можетъ поправиться. Это было сказано въ присутствіи Мюниха, а потому онъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы стушевать въ глазахъ Бирона странность своего поведенія, не задѣвъ щекотливаго вопроса о близкой смерти Императрицы, угодить одновременно и ей, и ему. Анна Ивановна промолчала на это, но когда Мюнихъ и всѣ остальные удалились, она обратилась къ Бирону и спросила: „Что онъ сказалъ?“—„Я не слыхалъ“!— отвѣтилъ фаворитъ. Императрица не стала больше разспрашивать, но Бирон понялъ, что надо дѣйствовать.

Въ тотъ же вечеръ подосланный имъ его довѣренный Баронъ Менгденъ явился къ Бестужеву и сказалъ какъ бы отъ себя: „Мы всѣ пропали, если Бирон, не будетъ регентомъ, а между тѣмъ ему самому не ловко просить объ этомъ Императрицу“. Бестужевъ ночью изготовилъ въ этомъ духѣ указъ, который на другой день былъ представленъ Императрицѣ для подписи, но Анна Ивановна, пробѣжавъ его глазами, молча положила себѣ подъ подушку.

Только когда всѣ удалились, она, оставшись съ глазу на глазъ съ Бироном, какъ наканунѣ спросила: „Ты этого хочешь? Онъ молчалъ, и она тоже не сказала ни слова болѣе. Между

тѣмъ здоровье ея стало замѣтно ухудшаться. Тогда, по требованію Бирона, Бестужевъ составилъ еще декларацію, или петицію, въ которой Сенатъ и Генералитетъ молили Императрицу обезпечить странѣ спокойствіе, поручивъ регентство Бирону. Затѣмъ представители того и другого учрежденія приглашались не большими группами въ совѣтъ, гдѣ имъ предложили подписать петицію. Мюнихъ первый подалъ примѣръ остальнымъ, Биронъ же дѣлалъ видъ, будто все это дѣлается безъ его вѣдома.

Но и эту петицію Императрица молча сунула себѣ подъ подушку: она, очевидно, не сознавала близости своей кончины. Тогда Менгденъ вздумалъ заставить Антона Ульриха и его супругу поддержать своимъ содѣйствіемъ то, что онъ называлъ „всеобщимъ желаніемъ“. Но тѣ отговорились, что никогда не вмѣшивались въ Государственныя дѣла, а потому ихъ вмѣшательство теперь могло показаться страннымъ Императрицѣ. По городу между тѣмъ пошли самые странные и невѣроятные слухи.

Наступило 16-е октября. Всѣ врачи единогласно заявили, что положеніе Анны безнадежно. Она послала за Остерманомъ и долго совѣщалась съ нимъ безъ постороннихъ свидѣтелей, а послѣ призвала Бирона и показала ему обѣ подписи, которыхъ онъ такъ желалъ. При этомъ, по словамъ однихъ свидѣтелей, она не скрыла отъ него, что этимъ она подписала его смертный приговоръ, по словамъ же другихъ—она сказала ему „Не бойся“!.

Отдавая такимъ образомъ наслѣдіе Петра Великаго въ руки этихъ чужеземцевъ, подобно тому, какъ она отдала имъ свою власть въ Государствѣ, Анна Ивановна всетаки доказала, что она была русской по крови и съумѣла умереть лучше, чѣмъ жила. На другой день послѣ вышеупомянутой бесѣды съ Остерманомъ и Бирономъ она приказала призвать своего духовника и велѣла читать себѣ отходную въ присутствіи всѣхъ собравшихся во дворцѣ высшихъ сановниковъ, затѣмъ, какъ бы желая расположить въ пользу Бирона опаснаго недоброжелателя въ лицѣ Миниха, уже угасающимъ взглядомъ обвела всѣхъ присутствующихъ и обратилась прямо къ нему: „Прощай, Фельдмаршалъ“!— сказала она, дружелюбно улыбнувшись,— „Прощайте всѣ“!—и скончалась.

Часть III

ДВА РЕГЕНСТВА.

ГЛАВА XII.

Паденіе Бирона.

Возвышеніе бывшаго фаворита.—Мирное начало его регентства.—Мнѣніе его современниковъ.—Первыя мѣропріятія регента.—Милости.—Попытки пріобрѣсти популярность.—Враждебныя манифестаціи.—Борьба съ Брауншвейгскимъ домомъ.—Сильный конфликтъ.—Кажущееся торжество регента.—Сближеніе съ Елизаветой.—Катастрофа.—Мюнихъ и Анна Леопольдовна.—Проектъ покушенія.—Ужинъ у регента.—Неожиданность.—Арестъ Бирона.—Слѣдствіе.—Смертный приговоръ и замѣна его пожизненною ссылкой.—Въ Пелымѣ.—Въ Ярославлѣ.—Гедвига Бирон.—Участь Герцогства Курляндскаго.—Возвращеніе Бирона въ Митаву.—Его отреченіе.—Его смерть.—Его потомство.

I.

Семнадцать длинныхъ лѣтъ безпощаднаго деспотизма въ прошедшемъ и девяти мѣсячный младенецъ въ настоящемъ, могущій умереть каждую минуту и передать престолъ Россійскій Регенту,—таково было положеніе дѣлъ въ данную минуту. Но Бирон имѣлъ неосторожность оскорблять всячески отца и мать юнаго Императора, которыхъ онъ за все послѣднее время болѣзни Императрицы даже не допускалъ къ ней, сдѣлавъ исключеніе всего только одинъ разъ и то ради соблюденія приличія. Народъ всѣми силами ненавидѣлъ Бирона, особенно дворянство, и даже тѣ, которые способствовали его возвышенію, дѣйствовали въ данномъ случаѣ только въ своихъ интересахъ, лишь выжидая момента спихнуть его, чтобы вернуться къ своимъ завѣтнымъ замысламъ о республиканскомъ правительствѣ. Всѣ умы были глубоко возму-

щены провозглашеніемъ Бирона Регентомъ, особенно гвардія, среди которой публично высказывались угрозы раздѣлаться по своему съ узурпаторомъ, лишь только совершится погребеніе Царицы; многіе открыто заявляли, что лучше было-бы передать власть той, въ жилахъ которой течетъ кровь Петра. Простые солдаты всѣ поголовно стояли за Елизавету.

Общая ненависть къ Бирону была до того велика, что захоти Антонъ-Ульрихъ, супругъ Анны Леопольдовны и отецъ маленькаго Императора, воспользоваться явно высказанною ему офицерами Гвардіи готовностью поддержать его права, онъ могъ бы немедленно произвести переворотъ въ свою пользу и завладѣть властью, но, слѣдуя совѣту Имперскаго посла, онъ по излишней осторожности отклонилъ ихъ услуги, и Биронъ самымъ мирнымъ образомъ принялъ въ свои руки бразды правленія.

Когда Императрица испустила послѣдній вздохъ, Биронъ, казалось, былъ погруженъ въ неутѣшное горе, склонясь надъ теплымъ еще трупомъ своей благодѣтельницы, но спустя немного онъ какъ будто пришелъ въ себя и приказалъ предъявить присутствующимъ манифестъ, назначавшій его регентомъ. Документъ этотъ по приказанію Императрицы былъ убранъ въ ея ящикъ съ драгоцѣнностями, ключъ отъ котораго хранился у одной изъ ея довѣренныхъ. Вице-Канцлеру, т. е. Остерману, было предложено прочесть его вслухъ, но онъ былъ до того растроганъ, что слезы прерывали его голосъ, и чтеніе долженъ былъ докончить Трубецкой. Всѣ присутствующіе тѣснились ближе къ чтецу, только Антонъ и его супруга равнодушно и безучастно стояли въ сторонѣ, видимо, не интересуясь происходившимъ. Это не укрылось отъ Бирона.

— Вы не хотите выслушать послѣднюю волю Императрицы?— почти грозно обратился онъ къ нимъ. Этотъ окрикъ возмутилъ Антона Ульриха; онъ вздрогнулъ и, видимо, хотѣлъ протестовать, но одумался и покорно присоединился къ остальнымъ.

На другой день маленькій Иванъ Антоновичъ былъ торжественно перевезенъ въ Зимній Дворецъ, въ сопровожденіи цѣлаго Эскадрона Конной Гвардіи, открывавшей шествіе; далѣе слѣдовалъ Регентъ пѣшкомъ, а за нимъ несли въ парадныхъ носилкахъ Кормилицу съ маленькимъ Императоромъ на рукахъ. За царскими носилками ѣхала въ каретѣ мать государя, въ сопро-

вожденіи ея будущей фаворитки Жульеты Менгденъ. Вскорѣ всѣ сановники и генералитетъ явились въ Зимній Дворецъ, чтобы принести поздравленія Регенту, при чемъ большинство цѣловало ему руку и полу полукафтана. Биронъ былъ до того растроганъ, что плакалъ и не могъ произнести ни слова.

Весь этотъ переворотъ въ судьбахъ Россіи произошелъ такъ незамѣтно, какъ будто это было самымъ естественнымъ порядкомъ вещей, чтобы верховная власть въ Россіи перешла въ руки нѣмецкаго авантюриста, за спиною котораго стоялъ грудной младенецъ, облеченный титуломъ Императора. Но въ сущности это почти такъ и было: начиная съ Екатерины I и верховная власть, и царскій дворецъ въ Россіи стали доступны каждому, кто только хотѣлъ и умѣлъ завладѣть ими или, вѣрнѣе, захватить въ свои руки. Сенатъ ассигновалъ Регенту на его личные расходы 500,000 руб. въ годъ и поднесъ ему титулъ Высочества, при чемъ Биронъ заявилъ, что онъ приметъ его при условіи, что тотъ же титулъ получитъ и отецъ Государя, принцъ Антонъ-Ульрихъ. Родителямъ Государя также назначено было содержаніе, однако, болѣе скромное, чѣмъ Регенту, именно—всего 200,000 въ годъ. На эктиніяхъ въ церквахъ приказано было поминать, послѣ Государя, мать его, принцессу Анну Леопольдовну, затѣмъ Елизавету Петровну и Регента, для отца-же Государя почему-то было сдѣлано исключеніе. Напрасно Елизавета Петровна возмущалась причисленіемъ Бирона къ царствующему дому,—всюду по церквамъ поминали, какъ было предписано, не мудрствуя лукаво, не стѣсняясь даже тѣмъ, что Регентъ былъ иновѣренъ и выказывалъ до сего времени явное пренебреженіе къ православію. Малолѣтній Императоръ именовался въ оффиціальныхъ бумагахъ и документамъ Иваномъ III, какъ третій царь этого имени, потому что Иваны до Ивана Грознаго носили титулъ только Великаго Князя Московскаго. Но впослѣдствіи Ивана Антоновича почему-то называли ошибочно Иваномъ VI.

II.

Такимъ образомъ, по разсчетамъ тѣхъ, отъ глазъ которыхъ было сокрыто будущее, Биронъ по меньшей мѣрѣ на 17 лѣтъ становился болѣе полновластнымъ вершителемъ судебъ Россіи, чѣмъ даже былъ въ свое время всесильный Меншиковъ, а между

тѣмъ этотъ всероссійскій фаворитъ не обладалъ даже и десятою долей тѣхъ способностей и тѣхъ качествъ, какія были у бывшаго пирожника, къ тому же онъ не имѣлъ за собою никакихъ заслугъ передъ государствомъ. Единственнымъ правомъ Бирона на верховную власть въ государствѣ являлся стыдъ и позоръ Анны, цинично выставленный на показъ всѣмъ и осквернявшій даже самую колыбель, въ которой покоилась будущность государства. Многіе считали его ловкимъ и умнымъ, но до этого времени онъ проявлялъ себя лишь въ придворныхъ интригахъ, въ большинствѣ случаевъ самаго низкаго личнаго характера. Его считали жестокимъ, но весьма вѣроятно, что и эту жестокость его сильно преувеличивали, приписывая ему слишкомъ большое участіе въ кровавыхъ драмахъ царствованія Анны. Передъ нимъ преклонялись, потому что онъ воплощалъ въ себѣ два чрезвычайно важныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ свойства: властность и грубую силу, которыя со смерти Петра I являлись въ Россіи единственнымъ основаніемъ власти. Такъ какъ Анна Ивановна согласилась (повидимому, противъ воли) облечь этого авантюриста мантіей, выкроенной изъ покрововъ ея алькова, а гвардія не протестовала въ данному случаѣ, то все это странное дѣло совершилось безъ затрудненій. И не все ли равно этой гвардіи, которою командовали сплошь нѣмецкіе офицеры, что какой-то нѣмецъ, по имени Бирон, захватилъ въ свои руки ту власть, которую вотъ уже болѣе десяти лѣтъ оспаривали другъ у друга другіе пять-шесть нѣмцевъ?! Правда, Бирон не былъ любимъ. Но развѣ былъ на готовѣ другой, любимый властелинъ и повелитель? Елизавета, скажете. Но въ продолженіи тѣхъ же десяти лѣтъ она чуть-ли не каждую недѣлю мѣняла своихъ возлюбленныхъ и въ послѣднее время брала ихъ такъ низко, что даже нельзя было ихъ назвать фаворитами; кромѣ того, она даже не заявляла о своихъ правахъ, всецѣло отдаваясь наслажденіямъ забывая о всемъ и позволяя забывать о себѣ.

Между тѣмъ новый Регентъ началъ съ милостей: отмѣнилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, снялъ съ нѣсколькихъ лицъ назначенное наказаніе, вернулъ ко двору князя Александра Черкасскаго и, желая стяжать себѣ популярность, издалъ Манифестъ о строгомъ соблюденіи законовъ и полномъ безпристрастіи во всѣхъ административныхъ дѣлахъ, особенно въ дѣлахъ судебныхъ,

уменьшилъ подушную подать на 17 коп. съ души. Мало того, такъ какъ въ текущемъ году зима была чрезвычайно суровая, то онъ приказалъ раздавать безплатно мѣха на шубы бѣднѣйшимъ мелкимъ служащимъ.

Бирона обвиняли въ томъ, что онъ поддерживалъ ту безразсудную роскошь, которая положительно раззоряла придворныхъ и вообще высшіе классы въ царствованіи Анны. Ставъ Регентомъ, онъ, напротивъ, издалъ указъ, которымъ воспрещалось всѣмъ лицамъ высшаго сословія носить ткани дороже 4 руб. за аршинъ.

Все это было, конечно, хорошо, но впереди ожидали его рѣшенія болѣе важныя и болѣе серьезные вопросы какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ Государства, и трудно сказать, какъ бы онъ управился съ ними. Онъ мечталъ переформировать Гвардію, изъять изъ числа рядовыхъ солдатъ все дворянство и перевести ихъ офицерами въ линейные полки, замѣстивъ ихъ въ гвардейскихъ полкахъ простолюдинами. Это, конечно, положило бы навсегда конецъ возможности государственныхъ переворотовъ при содѣйствіи Гвардіи. Но въ ожиданіи этой реформы въ Петербургъ были вытребованы 6 линейныхъ батальоновъ и нѣсколько эскадроновъ драгунъ, которыхъ Бирономъ хотѣлъ, въ случаѣ надобности, имѣть подъ рукою, чтобы противопоставить ихъ Гвардейцамъ, которыхъ увѣряли, что эти войска вызваны съ цѣлью облегчить имъ, гвардейцамъ, караульную службу и др. служебныя обязанности. Хотя, повидимому, ничего не грозило Регенту, но онъ почему-то чувствовалъ необходимость обезопасить себя, на сколько возможно; какъ и слѣдовало ожидать, этотъ страхъ за себя не замедлилъ привести его къ репрессіямъ, которыя, въ свою очередь, вызвали дремавшее въ глубинѣ умовъ и сердецъ недовольство. Не прошло и недѣли со смерти Анны, какъ подполковникъ Гвардіи Пустошкинъ отправился къ Михаилу Гавриловичу Головкину, сыну покойнаго Канцлера Головкина, давно уже бывшаго въ ссорѣ съ Бирономъ, и предложилъ ему встать во главѣ группы недовольныхъ, чтобы предложить Аннѣ Леопольдовнѣ рѣшиться принять на себя регентство. Головкинъ страдалъ подагрой и отослалъ Пустошкина къ Алексѣю Черкасскому, а Черкасскій, понявъ сразу, что эта группа недовольныхъ дезорганизована и не въ состояніи осуществить переворота, счелъ

за лучшее выдать всѣхъ заговорщиковъ Бирону, разсчитывая этимъ пріобрѣсти милости Регента.

Пустошкинъ отвѣдалъ плетей и кнута; кое кто былъ сосланъ или вѣрнѣе просто удаленъ въ Архангельскъ или въ Оренбургъ, но на этомъ и кончилось, и дѣло было замято по желанію самого Бирона, который весьма ловко обходилъ все, что могло служить доказательствомъ, что Елизавета Петровна была причастна этому дѣлу. Регентъ теперь особенно усердно ухаживалъ за нею, надѣясь склонить ее на бракъ съ его сыномъ и такимъ образомъ породниться съ домомъ Петра и противопоставить права Елизаветы правамъ матери Государя.

Между тѣмъ слѣдствіе по поводу вышеупомянутаго заговора обнаружило, что и Принцъ Антонъ-Ульрихъ не былъ чуждъ этому дѣлу, и это вызвало вражду не на жизнь, а на смерть между принцемъ и регентомъ. Слѣдствіе установило, что принцъ утверждалъ, будто документъ, на который ссылался Бирон, не былъ подписанъ Императрицей, что 10 Октября, число, которымъ помѣченъ этотъ документъ, всѣ неотступно находившіеся въ этотъ день при императрицѣ единогласно утверждаютъ, что государыня въ этотъ день ничего не подписывала. Бирон тотчасъ-же отправился къ Принцу Антону-Ульриху и затѣмъ къ его женѣ и потребовалъ отъ нихъ разъясненій. Принцъ смутился, сталъ все отрицать и оправдываться. Анна же Леопольдовна клялась и божилась, что ни о чемъ подобномъ не знала и не слыхала и, чтобы умаслить разгнѣваннаго Регента, предложила ему проводить его домой въ своемъ экипажѣ и провела у него въ бесѣдѣ съ нимъ цѣлыхъ два часа. Но Бирону этого было мало. Онъ на другой день собралъ Сенатъ и Генералитетъ и потребовалъ, чтобы принцъ Антонъ-Ульрихъ явился на это собраніе и держалъ передъ нимъ отвѣтъ. Это такъ разстроило принца, что онъ не выдержалъ и расплакался. Тогда бывшій фаворитъ осмѣлѣлъ еще болѣе и довелъ Принца до того, что тотъ, наконецъ, забывъ всякій страхъ и всякую осторожность, схватился за свою шпагу.

„Я готовъ вамъ самимъ отвѣтить тѣмъ же“! — воскликнулъ Бирон въ бѣшенствѣ.

Такой вызовъ со стороны этого авантюриста являлся для супруга Анны Леопольдовны на столько оскорбительнымъ, что къ нему сразу вернулась смѣлость и рѣшимость и, поднявъ голову и

глядя взбѣшенному Регенту прямо въ глаза, онъ заявилъ громко и смѣло:

„Да, я говорилъ это, и съ искренней радостью встрѣтилъ бы всякій заговоръ, направленный къ тому, чтобы вырвать власть изъ рукъ узурпатора“... онъ хотѣлъ продолжать, но Ушаковъ прервалъ его словами: „Еще одно лишнее слово, принцъ,—и вы заставите насъ поступить съ вами, какъ со всякимъ другимъ бунтовщикомъ. Если бы вамъ сейчасъ было болѣе 26 лѣтъ, то мы бы теперь-же сдѣлали это“...

Принцъ поблѣднѣлъ, а Биронъ, которому нужно было вызвать эту сцену лишь для того, чтобы заставить присутствующихъ подтвердить и скрѣпить его права, заговорилъ совершенно инымъ, нѣсколько взволнованнымъ, но совершенно миролюбивымъ тономъ:

„Согласно волѣ Покойной Императрицы, я воленъ во всякое время отказаться отъ власти, переданной ею въ мои руки; и если собравшіяся здѣсь лица считаютъ Принца Антона-Ульриха болѣе достойнымъ нести это бремя, то я сію же минуту готовъ отказаться отъ данной мнѣ власти въ его пользу“. Затѣмъ онъ обратился къ Остерману и сказалъ: „Скажите принцу, подложный-ли тотъ документъ, которымъ Императрица поручила мнѣ власть Регента. Вамъ это извѣстно“!

Остерманъ удостовѣрилъ, что документъ этотъ былъ подлинный (впослѣдствіи было доказано, что онъ былъ только помѣченъ инымъ числомъ, чѣмъ подлинникъ, такъ какъ Биронъ поспѣшилъ отпечатать его прежде, чѣмъ онъ былъ подписанъ Императрицей, и это дало поводъ къ вышеупомянутому недоразумѣнію) и, со свойственной ему способностью примѣняться ко всякимъ положеніямъ, тутъ же предложилъ всѣмъ присутствующимъ скрѣпить этотъ документъ своими подписями. Только этого и нужно было Бирону.

Однако, послѣдній и этимъ не удовлетворился и въ тотъ же день отправилъ Мюниха къ принцу съ предложеніемъ отказаться отъ званія Генерала и Подполковника Гвардіи. Принцъ согласился, но Биронъ сдѣлалъ видъ, что онъ ни во что не считаетъ эту покорность съ его стороны.

„Я не давалъ вамъ никакихъ чиновъ, и дѣло вовсе не въ

этомъ, а въ спокойствіи страны, поэтому я предлагаю вамъ не покидать своего дома въ теченіе нѣкотораго времени" *).

Принцъ понялъ, что онъ арестованъ, и всѣ были убѣждены, что дѣло этимъ не кончится, что отца и мать государя не сегодня—завтра вышлютъ за предѣлы государства или сошлютъ изъ какую-нибудь отъ отдаленныхъ губерній. На ряду съ этимъ, Бирономъ вдругъ особенно усердно сталъ заискивать у Елизаветы, повидимому, имѣя на то особыя основанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій фаворитъ также внезапно и неожиданно возобновилъ прерванные, по настояніи покойной Императрицы, переговоры съ герцогомъ Голштинскимъ, ходатайствовавшемъ о займѣ въ 100,000 руб. и просившемъ при этомъ руки Гедвиги Бирона, единственной дочери фаворита, безобразной и горбатой, какъ мать,—для сына своего, будущаго супруга Императрицы Екатерины II. Въ нѣсколько дней бракъ этотъ былъ рѣшенъ, Бирономъ дорожилъ имъ, какъ однимъ изъ способовъ породниться, хотя бы и косвенно, съ домомъ Романовыхъ. Пока все это происходило, никто не помышлялъ даже о возможности той катастрофы, которая уже надвигалась. 8-го Ноября, вернувшись съ бала у Князя Черкасскаго, Гедвига Бирона легла въ постель, предвкушая свое будущее величіе, когда крики и шумъ, доносившіеся изъ спальной ея родителей, вдругъ нарушили ея мечты. Не давъ себѣ труда одѣться, она бросилась туда и увидѣла, какъ отецъ ея, полураздѣтый, вырывался изъ рукъ нѣсколькихъ рослыхъ гренадеръ, которые схватили его и били прикладами, а затѣмъ безъ чувствъ, въ безчувственномъ состояніи, вынесли изъ дома.

III.

Того же 8-го Ноября по утру Мюнихъ явился къ Аннѣ Леопольдовнѣ и былъ, повидимому, чрезвычайно тронутъ ея отчаяннымъ положеніемъ, ея тревогами и опасеніями. Хотя хитрый фельдмаршалъ волею судебъ былъ одинъ изъ соучастниковъ той интриги, которой ненавистный ему соперникъ былъ обязанъ своимъ величіемъ, тѣмъ не менѣе его затаенною мечтой было свергнуть Бирона и, если возможно, самому занять его мѣсто,

*) *Соловьевъ.*—Исторія Россіи, XXI, 21-я и слѣдующія за ней страницы.

тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что Бирону его настоящія чувства къ нему хорошо извѣстны и что ему отъ этого Регента ждать хорошаго для себя нельзя.

„Если-бы Вашему Высочеству было угодно,—сказалъ онъ Аннѣ Леопольдовнѣ,—то я въ одинъ часъ могъ бы избавить васъ отъ этого человѣка!..

„Какимъ образомъ?—полу-испуганно—полу-радостно освѣдомилась она.

Мюнихъ въ нѣсколькихъ словахъ изложилъ ей свой планъ: съ горстью вѣрныхъ ему Преображенцевъ, фельдмаршалъ брался захватить Бирона во время сна и, арестовавъ его сегодня же ночью, предать на ея волю.

Самая мысль о такомъ смѣломъ поступкѣ пугала Анну Леопольдовну, но теперь ей все равно терять было нечего; всѣ говорили, что не сегодня—завтра ей и мужу грозитъ изгнаніе, а быть можетъ и нѣчто худшее. Она просила только, чтобы мужъ ея не зналъ ничего о задуманномъ Мюнихомъ дѣлѣ, оставляя за собою возможность отречься отъ всякаго соучастія въ этомъ дѣлѣ въ случаѣ неуспѣха.

Чтобы еще болѣе отвлечь подозрѣнія Бирона отъ себя и мужа, Анна Леопольдовна настояла, чтобы принцъ Антонъ Ульрихъ испросилъ въ этотъ день себѣ свиданіе съ регентомъ, сама же, дрожа всѣмъ тѣломъ, ухаживала за нимъ еще болѣе обыкновеннаго, и Биронъ, тронутый этимъ, былъ также болѣе милостивъ и даже предложилъ принцу отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ манежъ. Однако, какія-то тревожныя предчувствія смущали въ этотъ день регента; онъ замѣтилъ своему адъютанту, что улицы какъ-то странно безлюдны, что въ воздухѣ какъ будто что-то носится; адъютантъ сообщилъ, что въ городѣ ходитъ слухъ о государственномъ переворотѣ въ пользу принца Антона Ульриха, на это Биронъ только усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Въ этотъ самый день Мюнихъ со всей своей семьей обѣдалъ у Бирона; онъ былъ чрезвычайно веселъ и много разсказывалъ о своихъ походахъ. Вдругъ регентъ спросилъ его: „А вамъ случалось дѣлать ночныя нападенія“? Несмотря на весь свой апломбъ, Мюнихъ вздрогнулъ, но, тотчасъ же оправившись, отвѣчалъ: „Никакого особеннаго подобнаго случая я теперь не припомню, но я всегда старался пользоваться обстоятельствами, могущими

облегчить мнѣ задуманное предпріятіе". Послѣ ужина Мюнихъ вернулся домой и легъ спать, приказавъ разбудить себя въ 2 часа ночи, а вставъ съ постели, захватилъ съ собой одного изъ своихъ адъютантовъ и поѣхалъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ, встрѣтивъ заранѣе предупрежденную и не ложившуюся въ эту ночь Жульетту Менгденъ, просилъ ее пойти предупредить Анну Леопольдовну, чтобы та была на готовѣ.

„Что такое случилось"?—спросилъ Антонъ Ульрихъ, видя, что жена встаетъ и одѣвается.

„Ничего! оставайтесь въ постели"!—коротко и повелительно отвѣчала та, продолжая поспѣшно одѣваться.

Мюнихъ хотѣлъ, чтобы Анна Леопольдовна сопровождала его, но та рѣшительно отказалась, согласившись лишь собрать у себя офицеровъ и гвардейцевъ дворцоваго корпуса и объявить имъ о предстоящемъ переворотѣ. На прощаніе она обняла фельдмаршала въ присутствіи всѣхъ собравшихся тутъ преображенцевъ, въ томъ числѣ тѣхъ, которые должны были участвовать въ задуманномъ дѣлѣ, прося послѣднихъ помочь ей и фельдмаршалу въ этотъ рѣшительный моментъ.

Караулъ Лѣтняго Дворца, въ которомъ жилъ Бирон, состоялъ изъ 300 человѣкъ, которымъ было приказано стрѣлять, если ко дворцу приблизится одновременно болѣе двухъ человѣкъ. Остановивъ своихъ людей въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дворца, Мюнихъ послалъ къ начальникамъ карауловъ своего адъютанта, и когда тотъ вернулся къ нему въ сопровожденіи двухъ караульныхъ офицеровъ, которые ручались фельдмаршалу, что и они и люди ихъ всецѣло будутъ повиноваться ему. Мюнихъ двинулся туда. По его распоряженію адъютантъ его съ 12-ю гренадерами вошли въ спальню регента, часовые, стоявшіе у дверей спальни, не преградили имъ дороги, а что было дальше, то уже извѣстно читателю.

Когда солдаты вынесли безчувственнаго Бирона изъ дворца, жена его въ одной рубашкѣ побѣжала за ними. Тогда адъютантъ приказалъ одному изъ солдатъ отвести ее обратно въ дворецъ; рослый гренадеръ поднялъ было на руки это тщедушное, тощее и безобразное существо, но, посмотрѣвъ на нее, плюнулъ и, выругавшись крѣпкимъ словомъ, кинулъ ее на кучу снѣга и побѣжалъ догонять остальныхъ. Старуха замерзла-бы тамъ, если-бы

одинъ капитанъ не замѣтилъ ее на снѣгу и, укутавъ ее, не отвезъ самъ въ Лѣтній Дворецъ.

На обратномъ пути Мюнихъ со своимъ маленькимъ отрядомъ проникъ въ домъ Густава Бирона и, несмотря на отчаянное сопротивленіе послѣдняго, арестовалъ его, приказавъ связать его по рукамъ и по ногамъ, а затѣмъ арестовалъ и Бестужева, который, хотя и былъ преданъ Бирону, все же былъ увѣренъ, что его арестовали по приказанію этого послѣдняго.

Принцъ Антонъ Ульрихъ между тѣмъ снова заснулъ, а Анна Леопольдовна, едва живая отъ страха, ждала, чѣмъ окончатся событія этой ночи. По совѣту молодого Мюниха, находившагося въ это время въ Зимнемъ Дворцѣ, послали предупредить Остермана, но тотъ только охалъ и стоналъ; когда же къ нему явились люди, видавшіе Бирона въ рукахъ преображенцевъ, хитрый нѣмецъ разомъ выздоровѣлъ и поспѣшилъ въ Зимній Дворецъ.

Такимъ образомъ совершился этотъ государственный переворотъ въ судьбахъ Россіи, и Мюнихъ остался побѣдителемъ въ этой борьбѣ нѣмцевъ противъ нѣмцевъ, въ которой національный русскій эллементъ не принималъ никакого участія. „Мюнихъ и Биронъ оспаривали другъ у друга русское государство, словно то была кружка пива“.

На разсвѣтѣ бывшаго регента посадили связаннаго въ дормезъ (родъ возка) и увезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Между тѣмъ Анна Леопольдовна была провозглашена регентшей при всеобщемъ, едва ли искреннемъ ликованіи; искреннимъ оно было, можетъ быть, только со стороны войскъ; солдатамъ и унтеръ-офицерамъ по приказамъ Бирона строжайше воспрещалось заходить въ кабаки и винныя лавки, новая же правительница поспѣшила тотчасъ же снять это запрещеніе, и въ этотъ день всѣ кабаки были полны. Бывшій регентъ провелъ 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, куда вслѣдъ за нимъ прибыла и его семья. Во время слѣдствія и на допросахъ Биронъ сознался въ своемъ участіи въ подготовленіи документа, въ силу котораго онъ былъ назначенъ регентомъ; кромѣ того, въ его бумагахъ было найдены явныя доказательства, что еще при жизни покойной Императрицы онъ самовольно вмѣшивался въ государственныя дѣла первѣйшей важности, преслѣдуя при этомъ свои личныя выгоды, какъ, напр., онъ безъ вѣдома министровъ заключилъ договоръ съ Саксонскимъ

дворомъ, которымъ обязался предоставить королю 12,000 войска противъ Австріи. Среди другихъ обвинителей бывшаго регента особенно отличился во время суда и слѣдствія Бисмаркъ, съ особымъ усердіемъ осыпавшій обвиненіями своего бывшаго благодѣтеля и покровителя, униженно снискивая себѣ благорасположеніе Анны Леопольдовны слезными письмами и мольбами. Нельзя сказать, чтобы этотъ предокъ „желѣзнаго канцлера“ отличался рыцарскими чувствами или благородствомъ души.

Признанный виновнымъ во многихъ дѣйствительныхъ и вымышленныхъ преступленіяхъ, Биронъ былъ приговоренъ къ четвертованію, но манифестомъ отъ 14-го апрѣля этотъ приговоръ былъ замѣненъ пожизненною ссылкой въ Пелымъ, отдаленную сибирскую деревушку, гдѣ для него на-скоро былъ построенъ домъ, состоящій изъ 4-хъ комнатъ и обнесенный высокимъ деревяннымъ тыномъ. Домъ этотъ былъ построенъ по плану самого Мюниха, который тогда и не подозрѣвалъ, что вскорѣ самъ онъ долженъ будетъ поселиться въ этомъ домѣ и провести въ немъ 20 лѣтъ своей жизни. Густавъ и Карлъ Бироны были также сосланы въ Сибирь, равно какъ и Бисмаркъ, Бестужевъ же былъ посаженъ въ тюрьму въ Копорьѣ.

Первое время несчастье, обрушившееся на бывшаго регента и его семью, такъ сильно подѣйствовало на него, что здоровье его внушало серьезныя опасенія его близкимъ; онъ то впадалъ въ полную апатію и уныніе, то приходилъ въ дикое бѣшенство, но въ началѣ 1742 года, когда до него дошла вѣсть о восшествіи на престолъ Елизаветы, онъ снова пріободрился и началъ надѣяться на лучшее.

Дѣйствительно, вскорѣ ему было объявлено, что онъ свободенъ и что ему возвращено его помѣстье Вартембергъ въ Курляндіи. Несмотря на то, что онъ былъ еще слабъ послѣ вынесенной имъ тяжелой болѣзни, онъ тотчасъ же пустился въ путь, спѣша вернуться въ Курляндію, но на пути получилъ предписаніе остаться въ Ярославлѣ, куда разрѣшено было пріѣхать и его братьямъ и Бисмарку. Здѣсь ему разрѣшено было устроиться съ полнымъ удобствомъ, держать лошадей и охотиться на 20 верстъ въ окружности. Тѣмъ не менѣе Гедвига Биронъ такъ скучала въ Ярославлѣ, что бѣжала оттуда и, павъ къ ногамъ новой Императрицы въ то время, когда та находилась на богомольи въ

Троицкой Лаврѣ подъ Москвой, умоляла ее разрѣшить ей принять православіе. Хитрая дѣвушка знала, что этимъ она можетъ снискать себѣ милость Елизаветы,—и, дѣйствительно, та взяла ее ко двору, сдѣлавъ надзирательницей за своими фрейлинами, съ которыхъ, какъ гласитъ преданіе, Ядвига Бирономъ брала взятки за позволеніе отлучаться для ночныхъ похожденій. На 34-мъ году своей жизни она, наконецъ, вышла замужъ за поручика Гвардіи барона Александра Черкасова и затѣмъ умерла въ 1787 г.

Вплоть до 1758 г. Курляндія оставалась безъ герцога, а затѣмъ, по настоянію Елизаветы, былъ избранъ Карлъ Саксонскій, сынъ Августа III, къ великому неудовольствію Курляндцевъ, которые совсѣмъ не желали имѣть герцогомъ католика.

Въ 1762 г. Петръ III, ставъ Императоромъ, вернулъ Бирона въ Петербургъ, возвратилъ ему кое что изъ его прежняго богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять, что Курляндію онъ предназначаетъ своему дядѣ, герцогу Голштинскому. Бывшій герцогъ Курляндскій готовъ уже былъ отказаться отъ своего герцогства въ пользу новаго кандидата, какъ вдругъ произошелъ новый переворотъ, и власть перешла въ руки Императрицы Екатерины, тотчасъ же поспѣшившей рѣшить вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ въ интересахъ Россіи, для которыхъ наилучшимъ кандидатомъ на Курляндское герцогство являлся Бирономъ, ставшій герцогомъ благодаря русскимъ штыкамъ и только ими и державшійся. Екатерина немедленно отправила его въ Митаву съ приличнымъ конвоемъ, и резидентъ пригрозилъ Митавцамъ военною расправой, если Бирономъ не будетъ принятъ ими съ должной покорностью. 10-го февраля Курляндскій сеймъ призналъ права Бирона законными, а въ 1767 г. бывшій регентъ отрекся отъ герцогства въ пользу сына своего Петра и три года спустя умеръ. Этотъ второй герцогъ династіи Биронов былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ герцогомъ Курляндскимъ. Въ 1795 году онъ также отрекся отъ своихъ правъ на Курляндію, но уже въ пользу русскаго правительства, которое обѣщало ему за это пожизненную пенсію въ 25,000 червонцевъ. Первымъ русскимъ генералъ-губернаторомъ въ Курляндіи былъ, знаменитый впослѣдствіи, Паленъ, способствовавшій, какъ извѣстно, воцаренію Александра I.

Петръ Бирономъ былъ женатъ трижды, но потомковъ мужескаго рода не оставилъ. другой же братъ его Карлъ-Эрнестъ, родив-

шійся въ 1728 г., имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ, впрочемъ, никто ничѣмъ не прославился.

ГЛАВА XIII.

Анна Леопольдовна.

Нравственный обликъ новой регентши.—Политическая неспособность.—Интимная жизнь. — Жюльетта Менгденъ. — Злые толки по поводу этой дружбы.—Графъ Линаръ.—Возобновленіе стараго романа.—Вмѣшательство Антона Ульриха.—Новые фавориты.—Реорганизація высшей власти послѣ паденія Бирона.—Мюнихъ.—Претензіи на диктатуру.—Противодѣйствіе Остермана.—Злополучная болѣзнь фельдмаршала.—Отставка.—Паденіе.—Характеръ и значеніе новаго переворота.—Личное правленіе Анны Леопольдовны. — Результаты внутренней политики. — Подкупность высшихъ государственныхъ чиновъ. — Внѣшная политика.—Между Пруссіей и Австріей.—Симпатіи Анны Леопольдовны къ Австріи.—Всеобщая продажность. — Война объявлена. — Первые успѣхи русскаго оружія.—Тревожныя предзнаменованія.—Союзъ съ Англіей и разочарованіе.—Опасность новаго конфликта съ Турціей и Персіей.—Серьезная опасность.

I.

Въ истинномъ смыслѣ происшедшаго переворота никто и не сомнѣвался: власть въ государствѣ перешла изъ рукъ одного нѣмецкаго авантюриста въ руки другого, болѣе смѣлаго и рѣшительнаго, изъ рукъ Бирона въ руки Мюниха. Анна Леопольдовна, какъ всѣмъ хорошо было извѣстно, была совершенно неспособна пользоваться на самомъ дѣлѣ тою властью, которая теперь номинально перешла къ ней. Изъ числа всѣхъ ея современниковъ, близко знавшихъ ее, только сынъ фельдмаршала признавалъ за ней положительныя сердечныя и умственныя достоинства и большое усердіе въ дѣлахъ, всѣ же остальные описываютъ ее какъ женщину ограниченную, проводившую время въ полномъ бездѣйствіи, лежа на кушеткѣ съ романомъ въ рукахъ. Такое чтеніе рано развило ея воображеніе; наряду съ этимъ, въ ней проявлялось крайнее суевѣріе и набожность, такъ что новая правительница увѣшала иконами всѣ углы своихъ комнатъ и строго слѣдила, чтобы повсюду теплились лампады, а впослѣдствіи, въ изгнаніи, она почти все свое время посвящала чтенію псалти-

рей и другихъ священныхъ книгъ и строго слѣдила за религіознымъ образованіемъ своихъ дѣтей. Не любя появляться въ публикѣ, она сократила до минимума всѣ придворные пріемы и уничтожила большую половину придворныхъ чиновъ и должностей, распустивъ всѣхъ лицъ, занимавшихъ эти должности. Въ нѣсколько недѣль дворецъ опустѣлъ и словно вымеръ. Регентшу почти никто не видѣлъ, она не любила одѣваться и даже обѣдала у себя, вдвоемъ съ Жульеттой Менгденъ. Эта близость Анны Леопольдовны съ Жульеттой Менгденъ дала поводъ къ самымъ злымъ толкамъ; утверждали даже, что этой любимицѣ удалось воспретить принцу Антону Ульриху самый доступъ въ опочивальню правительницы, но Мардефельдъ энергично опровергаетъ подобное предположеніе, ссылаясь на медицинскій осмотръ Менгденъ, произведенный еще по приказанію Анны. Въ 1735 г. когда ей еще только подыскивали супруга (ей было всего 17 лѣтъ) молодая принцесса страстно влюбилась въ саксонскаго посланника, графа Линара; романической склонности къ молодому дипломату покровительствовала дѣвица Адеркасъ, гувернантка принцессы, которую Императрица, узнавъ о томъ, немедленно выслала заграницу, въ Пруссію, откуда та была родомъ, а короля саксонскаго просила немедленно отозвать изъ Петербурга его слишкомъ смѣлаго министра.

Такимъ образомъ окончился, какъ казалось, навсегда, этотъ первый дѣвичій романъ Анны Леопольдовны, но, едва только она почувствовала себя свободной и получила въ свои руки почти неограниченную власть, какъ тотчасъ же поспѣшила призвать Линара въ Петербургъ. Теперь этому итальянскаго происхожденія нѣмцу было уже около 40 лѣтъ; онъ былъ вдовъ и отличался прекрасно сохранившейся красивой наружностью и превосходнымъ сложеніемъ.

Уже въ апрѣлѣ 1741 года выяснилась та роль, которую теперь графъ Линаръ долженъ былъ играть въ Россіи или вѣрнѣе въ Петербургѣ, а затѣмъ скоро стали предвидѣть какъ въ народѣ, такъ и среди приближенныхъ возобновленіе того „menage a trois“, примѣръ котораго подала Анна Ивановна съ Бирономъ и его супругой. Дѣйствительно, въ половинѣ лѣта графъ Линаръ просилъ руки Жульетты Менгденъ и этимъ вызвалъ еще большую благосклонность къ себѣ Анны Леопольдовны, которая пожало-

вала его орденомъ Андрея Первозваннаго и, къ великому негодованію принца Антона Ульриха, пожелала встать съ постели на 10-й день послѣ родовъ, чтобы лично вручить жениху своей фаворитки знаки этого ордена. Въ сентябрѣ графъ Линаръ уѣхалъ въ Германію—привести тамъ въ порядокъ свои дѣла, такъ какъ намѣревался болѣе не возвращаться туда. Отношенія его къ Аннѣ Леопольдовнѣ были таковы, что онъ говорилъ ей прямо: „вы сдѣлали глупость! зачѣмъ меня не спросили!“ и т. п. Уѣзжая, онъ совѣтовалъ удалить отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла всѣхъ, не исключая принца Антона Ульриха, и разсчитывалъ, что къ его возвращенію это уже будетъ сдѣлано. Русская знать и придворные также низкопоклонничали теперь передъ нимъ, какъ нѣкогда передъ Биромомъ, а новый фаворитъ, слѣдуя примѣру павшаго, принималъ тотъ же надменный, высокомѣрный тонъ и манеру, какимъ отличался его предшественникъ.

Говорили, что онъ увозилъ съ собой множество драгоцѣнныхъ камней и большія суммы денегъ, назначеніе которыхъ оставалось въ тайнѣ, но кое кто изъ болѣе проницательныхъ людей догадывался, что Анна Леопольдовна задумала провозгласить себя Императрицей и припасала эти суммы для своей коронаціи. Какъ въ пути, такъ и во время пребыванія своего въ Дрезденѣ графъ Линаръ получалъ отъ регентши множество писемъ, изъ коихъ многія сохранились по настоящее время; изъ нихъ ясно видна та роль, какую будущая графиня Линаръ должна была играть въ интимной жизни этихъ трехъ лицъ. Корреспонденція эта переписывалась набѣло личнымъ секретаремъ Анны Леопольдовны, которая потомъ только дѣлала своей рукой тамъ и сямъ маленькія поправки условными знаками, которые мы здѣсь замѣняемъ курсивомъ.

„Поздравляю Васъ съ пріѣздомъ въ Лейпцигъ, но я буду довольна лишь тогда, когда буду знать, что вы находитесь уже на обратномъ пути сюда... Что касается Жульетты, то какъ можете вы сомнѣваться въ ея (*моей*) къ вамъ любви, и нѣжности, послѣ всѣхъ тѣхъ доказательствъ, какія она (*я*) вамъ дала. Если вы любите ее (*меня*), то не огорчайте ее никогда больше подобными упреками, если дорожите ея здоровьемъ (*моимъ здоровьемъ*). 19 и 20 сего мѣсяца у насъ будутъ маскарады, но я не

думаю, что буду въ состояніи принимать (*безъ Васъ, мой сердечный другъ*) большое участіе въ общемъ веселіи, такъ какъ я теперь уже предвижу, что моя бѣдная Жульетта, сердце которой теперь сохнетъ по васъ, не будетъ веселиться на этихъ праздничествахъ. Сообщите мнѣ о времени вашего возвращенія и будьте увѣрены въ моемъ къ вамъ искреннемъ расположеніи (*цѣлую васъ и пребываю всѣмъ сердцемъ ваша*)

Анна *).

Что же говорилъ на это Антонъ Ульрихъ? По словамъ современниковъ, онъ выказывалъ нѣкоторое неудовольствіе, но утѣшался пріобрѣтенной имъ теперь полною независимостью и участіемъ во власти, которая, однако, предоставлялась ему въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. Это вызывало довольно частыя столкновенія между супругами, но въ концѣ концовъ супругъ всегда оставался побѣжденнымъ и на нѣкоторое время становился, что называется, „шелковымъ“.

Какъ извѣстно, Анна Леопольдовна никогда не любила своего супруга и только съ отъѣздомъ „Нарциса“ (т. е. Линара), ему разрѣшено было снова проводить ночь въ опочивальнѣ регентши **). Къ чести Антона Ульриха надо, однако, отнести, что всякія уклоненія его супруги отъ долга супружеской вѣрности вызывали въ немъ взрывы негодованія, ведущія къ семейнымъ сценамъ. Такъ, напр., назначеніе въ сенаторы нѣкоего Брылкина, единственной заслугой котораго было его любезное содѣйствіе въ интригѣ съ Линаромъ и нѣкоторый личный успѣхъ у регентши, весьма непонятный при той безобразной и уродливой наружности, какою отличался этотъ человѣкъ, глубоко возмутило принца, который по этому случаю поднялъ цѣлую бурю ***).

Чтобы сколько нибудь противустоять женѣ, Антонъ-Ульрихъ опирался на Остермана,—до тѣхъ поръ, пока Линаръ не вырвалъ изъ рукъ послѣдняго ту долю власти, которая досталась ему послѣ паденія Бирона. Ну, а каковъ главный герой переворота, спаситель и благодѣтель регентши, Мюнихъ? Какова была теперь

---

*) *Соловьевъ.* Исторія Россіи, XXI, 361. (13 октября 1741 г.).

*) Секретный Архивъ въ Берлинѣ.—Письмо Мардефельда отъ 17 Окт. 1741 г.

***) *Ла Шетарди,* Архивъ иностранныхъ дѣлъ (22 сент. 1741 г.

его роль?—Первенствующею она была весьма не долго, и вскорѣ, помимо даже участія въ томъ новаго фаворита, фельдмаршалъ сталъ сознавать всю шаткость своего положенія, основаннаго на дворцовой революціи.

II.

Правда, манифестъ, изданный на другой день послѣ ареста Бирона, въ которомъ говорилось о переходѣ регентства къ Аннѣ Леопольдовнѣ, объявлялъ также, что фельдмаршалъ графъ Мюнихъ назначается первымъ министромъ и долженъ считаться послѣ отца маленькаго императора вторымъ лицомъ въ государствѣ. Кромѣ того, ему была дарована сумма въ 100.000 рублей за заслуги, а, немного погодя, еще 70.000 руб. на окончаніе постройки его дома на Васильевскомъ Островѣ, нынѣшняго Морского Кадетскаго Корпуса.

Наряду съ фельдмаршаломъ, не слѣдовало забывать и другихъ; это понималъ и самъ фельдмаршалъ и, по его указанію, Анна Леопольдовна назначила канцлеромъ на мѣсто покойнаго Гаврилы Головкина князя Черкасскаго, человѣка совершенно безличнаго, а чтобы это назначеніе не показалось обиднымъ Остерману, которому постъ канцлера приходился по справедливости, его сдѣлали Генералъ-Адмираломъ, благо онъ случайно занялся немного флотомъ, которымъ рѣшительно никто не занимался; на постъ же вице-канцлера назначили другую такую же бездарность, какъ самъ Черкасскій, Михаила Головкина. Такимъ образомъ Мюнихъ въ сущности могъ дѣлать все, что вздумаетъ, но онъ не былъ достаточно проницателенъ, полагая, что вновь испеченный Генералъ-Адмиралъ предоставитъ ему хозяйничать какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Внѣшняя политика была областью „оракула“, которой до сихъ поръ никто не осмѣливался оспаривать у него. Это дало только поводъ къ новому конфликту между фельдмаршаломъ и бывшимъ вице-канцлеромъ, который пріобрѣлъ себѣ теперь драгоцѣннаго союзника въ лицѣ принца Антона Ульриха. Неудовольствіе послѣдняго Мюнихъ возбудилъ тѣмъ, что въ указѣ, которымъ принцъ назначался Генералиссимусомъ, составленномъ Мюнихомъ, говорилось, что это высокое званіе въ сущности подобаетъ самому фельдмаршалу, но что этотъ послѣдній великодушно отказывается отъ

него въ пользу Его Высочества. Кромѣ того отъ вниманія Антона Ульриха не укрылось, что и въ военной коллегіи Мюнихъ расчитывалъ предоставить номинальнымъ начальникамъ только одинъ призракъ власти, желая дѣйствительную власть, какъ и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, захватить въ свои руки.

Между тѣмъ у Мюниха была лишь только хрупкая опора женской благодарности, да и эту единственную крѣпость Остерманъ рѣшился теперь усердно осаждать. Не проходило дня безъ того, чтобы онъ не побывалъ во дворцѣ и не побесѣдовалъ наединѣ съ Анной Леопольдовной, которой онъ каждый разъ внушалъ, что дѣла, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, страдаютъ въ рукахъ Миниха, что въ интересахъ ея самой и страны необходимо измѣнить этотъ порядокъ вещей; что при всѣхъ своихъ блестящихъ военныхъ качествахъ и иныхъ заслугахъ Минихъ вовсе не администраторъ и т. п. Во всемъ этомъ, конечно, было много правды, и Анна Леопольдовна не могла не сознавать этого.

На бѣду свою, идя по стопамъ Меншикова, но не обладая его умомъ и геніальными способностями, Мюнихъ имѣлъ несчастіе захворать, какъ Меншиковъ, и этимъ теперь воспользовались точно также, какъ тогда. Мюнихъ заболѣлъ въ декабрѣ, а въ январѣ указъ, изданный безъ его одобрѣнія, распредѣлялъ веденіе дѣлъ между нѣсколькими министрами, такъ что на долю фельдмаршала оставалось только военное министерство, внѣшнія же дѣла поручались всецѣло Остерману. Сначала фельдмаршалъ покорился этому новому порядку, но вскорѣ увидѣлъ, что даже и та малая доля власти, которая было присуждена ему, уходила отъ него изъ подъ рукъ.

Всякій разъ, когда онъ являлся съ жалобами или сѣтованіями къ регентшѣ, та подъ какимъ нибудь предлогомъ отказывалась видѣть его, направляя къ Генералиссимусу, которому Мюнихъ принужденъ былъ дѣлать докладъ въ духѣ доклада подчиненнаго начальствующему, что до крайности обижало и возмущало фельдмаршала. Въ мартѣ онъ рѣшился на послѣдній шагъ и подалъ въ отставку. Въ первую минуту это положительно ошеломило Анну Леопольдовну; мысль быть покинутой этимъ человѣкомъ, который спасъ ее отъ Бирона, приводила ее въ ужасъ; она думала, что не сможетъ обойтись безъ него. Но Остерманъ поспѣшилъ успокоить ее — „Вѣдь Бирона въ Пелымѣ, а Пелымъ да-

леко.“ И отставка была принята или, иначе говоря, прошеніе фельдмаршала было уважено по его болѣзни, немощамъ и преклонному возрасту. Принцъ Антонъ-Ульрихъ торжествовалъ и хотѣлъ, чтобы этотъ указъ объ отставкѣ Мюниха читался съ барабаннымъ боемъ, но фельдмаршалъ сильно разгнѣвался, и всѣ во Дворцѣ переполошились. Ночь на 8 ноября была у всѣхъ свѣжа въ памяти, и въ то время, какъ къ нему отправились, по приказанію регентши, три сенатора съ униженными извиненіями, цѣлая армія шпіоновъ и сыщиковъ была поставлена на ноги, чтобы слѣдить за нимъ. Мало того, регентша и генералиссимусъ ежедневно мѣняли свою опочивальню, и всѣ ночи ихъ проходили въ тревожномъ ожиданіи чего то грознаго и карающаго. Они и дворъ успокоились лишь тогда, когда домъ Мюниха былъ достроенъ, и фельдмаршалъ переселился въ него, такъ какъ теперь его отдѣляла отъ дворца Нева. Не будь Жульетты Менгденъ, его, вѣроятно убрали бы еще подальше, но соотечественница была на его сторонѣ и не давала его слишкомъ въ обиду.

Такимъ образомъ совершился менѣе, чѣмъ за одинъ годъ третій крупный переворотъ въ правительственныхъ сферахъ Петербурга; на этотъ разъ это соперничество между нѣмцами въ Россіи имѣло связь съ враждою двухъ нѣмецкихъ странъ (Пруссіи и Австріи) на западѣ.

Преданный интересамъ Пруссіи, не скупившейся на звонкія увѣщанія, Мюнихъ поспѣшилъ воспользоваться тѣмъ короткимъ моментомъ, когда вся власть сосредоточивалась въ его рукахъ, чтобы окончательно скрѣпить договоръ съ Пруссіей, намѣченный уже Бирономъ. Мало того, Мюнихъ считалъ, что честь Россіи требуетъ, чтобы общій врагъ ея и Пруссіи былъ побѣжденъ общими силами и не только помимо всякаго старанія со стороны Мардефельда, но даже вопреки его желанію хотѣлъ отправить на помощь королю Фридриху II двѣнадцать тысячъ человѣкъ русскаго войска. Что изъ этого могло выйти, ни Бирон, ни Мюнихъ не умѣли предусмотрѣть, только одинъ Остерманъ въ своихъ бесѣдахъ съ Анной Леопольдовной высказывалъ возможность такой случайности, которая дѣйствительно осуществилась теперь у всѣхъ на глазахъ.

Россія имѣла двухъ союзниковъ, которымъ она обязалась оказывать поддержку силою оружія, и вотъ эти то союзники теперь

объявили войну другъ другу. Россіи приходилось теперь выбирать между ними двумя; паденіе Мюниха и торжество Остермана само собой рѣшило этотъ вопросъ въ пользу Австріи, но Мардефельдъ, посолъ Фридриха II, тѣмъ не менѣе не унывалъ, и будущее показало, что онъ былъ правъ.

III.

Свергнувши Бирона, Мюнихъ былъ въ свою очередь свергнутъ Остерманомъ, но ни тотъ, ни другой не родились диктаторами. Они не способны были захватить съ достаточною силою въ свои руки всю власть въ государствѣ, какъ нѣкогда это сдѣлалъ Меншиковъ, несмотря даже на то, что теперь эту власть слабо держали дрожащія руки женщины, которая и сама не сумѣла пользоваться этими правами.

Едва Остерманъ успѣлъ устранить своего соперника, какъ уже противъ него самого нарождались тяжелыя обвиненія: одинъ статскій совѣтникъ Тимирязевъ, обратилъ вниманіе кого слѣдуетъ на то, что въ манифестѣ о переходѣ регенства къ Аннѣ Леопольдовнѣ, составленномъ Остерманомъ, не упомянуто о дочеряхъ послѣдней, какъ возможныхъ наслѣдницахъ русскаго престола въ случаѣ смерти юнаго императора; это было истолковано, какъ явный признакъ преступныхъ намѣреній. Чтобы поправить дѣло, Анна Леопольдовна тутъ же приказала самому Тимирязеву тайно изготовить два манифеста: одинъ объявлялъ, что, за отсутствіемъ братьевъ, престолъ, въ случаѣ смерти царствующаго императора, долженъ перейти къ его сестрамъ,—другой же манифестъ передавалъ престолъ матери императора, въ случаѣ его преждевременной смерти. Злополучный Тимирязевъ чуть съума не сошелъ отъ такого порученія, тѣмъ не менѣе составить оба манифеста ему пришлось; выбора же между этими двумя манифестами регентшѣ не пришлось сдѣлать, такъ какъ новыя событія положили конецъ ея регентству.

Въ сущности Анна Леопольдовна и ея соправители не имѣли никакой программы для внутренней политики, но дѣлали видъ, будто стараются поддерживать внутреннюю политику Петра Великаго. Они какъ будто заботились о поднятіи національной промышленности, назначая коммисію для изслѣдованія ея нуждъ и причинъ, задерживающихъ ея развитіе. Они, по примѣру Пре-

образователя, собирались отправлять молодыхъ людей за границу, но, къ несчастію, подходящихъ кандидатовъ не находилось; въ продолженіе этого царствованія нашлось такихъ только трое, да и изъ тѣхъ двое были нѣмцы.

Что касается внѣшней политики, то вся она главнымъ образомъ находилась въ зависимости отъ щедрости той или другой державы по отношенію къ власть имущимъ въ Россіи, подразумѣвая подъ этимъ не Анну Леопольдовну и ея супруга, а ея министровъ и приближенныхъ, въ томъ числѣ и Жульетту Менгденъ, которая никогда не отказывалась отъ цѣнныхъ подарковъ за свое содѣйствіе. Паденіе Миниха, этого ревностнаго союзника Пруссіи, было для Вѣны равносильно побѣдѣ, въ то же время Франція поспѣшила предложить свои услуги Фридриху, но послѣдній не сразу согласился на это предложеніе, такъ какъ изъ Петербурга Мардефельдъ слалъ ему самыя успокоительныя извѣстія. „Правда, теперь иностранная политика находится вновь въ рукахъ Остермана, но Анна Леопольдовна, которая въ этихъ вопросахъ оставила за собою рѣшительное слово, благосклонно прислушивается и къ мнѣнію Михаила Головкина, котораго можно купить за 50.000 рублей, и къ мнѣнію Жульетты Менгденъ, которая готова служить кому угодно, за половину этой суммы“, увѣрялъ своего короля Мардефельдъ. „Даже и самъ Генералъ-Адмиралъ, (т. е. Остерманъ) — писалъ онъ далѣе, — не на столько Австріецъ въ душѣ, чтобы нельзя было разсчитывать перетянуть и его на свою сторону, если только пустить въ ходъ соотвѣтствующія средства, конечно, не деньги, а напр., портретъ Короля, осыпанный крупными алмазами и кое какое вниманье для его родныхъ въ Вестфаліи“.

Между тѣмъ къ концу года внѣшняя политика Анны Леопольдовны пришла въ такое состояніе, что ни сама она, ни кто другой не могъ уже разобраться въ ней, и если Фридрихъ II не могъ разсчитывать, что регентша предоставитъ въ его распоряженіе обѣщанные Мюнихомъ 12.000 русскихъ штыковъ, за которыми король въ сущности вовсе не гнался, но, съ другой стороны, онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что и Марія Тереза не получитъ ихъ, такъ они были нужны самой Россіи.

Конфликтъ со Швеціей былъ у Россіи положительно на носу, но Бестужевъ по своей близорукости долго ничего не видѣлъ.

Тамъ, дѣйствительно, не спѣшили явнымъ нападеніемъ, выжидая наиболѣе благопріятнаго момента и новаго ожидавшагося въ Россіи переворота, посредствомъ военной демонстраціи, руководимой Ласси въ пользу Елизаветы; говорили о ближайшемъ пріѣздѣ Морица Саксонскаго въ Стокгольмъ,—объ его оффиціальномъ обрученіи съ царевной и т. п. Общее волненіе умовъ усиливалось отъ всѣхъ этихъ слуховъ и, наконецъ, въ іюнѣ 1741 г. Бестужевъ долженъ былъ сознаться, что разрывъ между Россіей и Швеціей неизбѣженъ, и 28 іюля была объявлена Швеціей Россіи война. Хотя Россія была захвачена совершенно врасплохъ, тѣмъ не менѣе побѣдоносно стала отстаивать себя съ первыхъ же шаговъ. Ласси и Кейтъ разбили наголову подъ Вильманстрандомъ генерала Врангеля и захватили его въ плѣнъ, но тотчасъ же поспѣшили вернуться въ Петербургъ, заявивъ, что они не въ состояніи выдержать со своими людьми зимняго похода, котораго, повидимому, желалъ генералъ Левенгауптъ, Главнокомандующій Шведской арміи. Дѣйствительно, полное отсутствіе провіантскихъ запасовъ дѣлало болѣе продолжительныя военныя предпріятія совершенно невозможными для русскихъ войскъ. Диспозиціи Петра Великаго относительно устройства провіантскихъ магазиновъ для войскъ оставались мертвою буквою. Анна Леопольдовна обратилась было въ Берлинъ, но, потерпѣвъ здѣсь неудачу, ей уже нельзя было обратиться къ другой своей союзницѣ, Австріи, такъ какъ бѣдная Марія Тереза сама едва могла управиться со своимъ грознымъ и неустрашимымъ врагомъ. Теперь оставалась только еще Англія, расположеніе которой къ Россіи, послѣ того какъ Фридрихъ II ворвался со своимъ войскомъ въ предѣлы Силезіи, стало еще болѣе явнымъ; 3-го Апрѣля 1741 г. Финчъ, англійскій уполномоченный, подписалъ дружественный и оборонительный союзъ на 20 лѣтъ, съ обязательствомъ содѣйствовать другъ другу 12-ю военными судами съ одной стороны и 12,000 штыковъ съ другой. Такимъ образомъ у Россіи была надежда на содѣйствіе Англійской эскадры, которую новая ея союзница должна была выслать немедленно къ берегамъ Швеціи, но, увы, по неосмотрительности со стороны нашихъ дипломатовъ, въ договорѣ значилось, что всѣ обязательства ея пріобрѣтутъ силу лишь по окончаніи ея войны съ Испаніей; война же съ Испаніей еще продолжалась, а потому всѣ при-

нятыя Англіей обязательства въ данный моментъ ни къ чему ее не обязывали *). Тогда не зная, куда кинуться, Анна Леопольдовна обратилась къ Даніи, хотя ея уполномоченный еще весною сообщилъ ей, что Данія тайно науськиваетъ Швецію на войну съ Россіей, частію изъ личной своей ненависти къ Россіи, частію же подъ давленіемъ Франціи. Какъ и слѣдовало ожидать, Данія уклонилась отъ содѣйствія Россіи, а между тѣмъ Шведскій флотъ уже занялъ Балтійское море, а французскія войска стояли на границѣ Ольденбурга. Такимъ образомъ кольцо враждебныхъ Россіи элементовъ стягивалось все тѣснѣе и тѣснѣе вокругъ нея, и даже при Константинопольскомъ дворѣ Швеція и Франція совмѣстно старались вызвать новыя враждебности со стороны Порты къ Россіи, на томъ основаніи, что Россія по сіе время еще не исполнила свои обязательства уничтожить укрѣпленія Азова. Правда, въ это время сама Порта трепетала передъ грознымъ Шахомъ Надыромъ, который, провѣдавъ о затруднительномъ внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи, вдругъ вздумалъ проявить свою враждебность по отношенію къ ней. Это обстоятельство нагнало такой страхъ на Анну Леопольдовну и ея министровъ, что Румянцевъ, замѣнившій теперь Неплюева, получилъ предписаніе немедля подписать договоръ, которымъ Россія обязалась взамѣнъ признанія за императорами ея Императорскаго титула немедленно уничтожить Азовъ. И это былъ еще своего рода успѣхъ, единственный успѣхъ въ царствованіе Ивана III.

Уже самъ по себѣ грозящій бѣдою конфликтъ со Швеціей таилъ въ себѣ, хотя правительство регентши, повидимому, того не замѣчало, еще другую внутреннюю опасность, грозившую въ ближайшемъ будущемъ совершеннымъ паденіемъ самому правительству и невидимо подготовлявшую окончательную гибель существующему порядку вещей.

---

*) *Мартенсъ.* „Сводъ союзныхъ договоровъ“, IX, 62 и слѣдующія.

ГЛАВА XIV.

Елизавета.

Легенда и исторія.—Подозрѣваемое участіе Франціи и національнаго элемента въ декабрьскомъ переворотѣ.—Дѣйствительность.—Молодость Елизаветы.—Ея воспитаніе.—Первая любовь.—Венера и Минерва.—Первое честолюбіе.—Одиночество.—Тайныя связи.—Предполагаемый бракъ.—Алексѣй Разумовскій.—Движеніе въ гвардіи въ пользу Елизаветы.—Его причины.—Салтыкова.—Преобладаніе иностранныхъ элементовъ въ заговорѣ.—Роль Лестока.—Любовныя тайны.—Отношенія Елизаветы къ Франціи и Швеціи.—Уклончивый отвѣтъ Ла Шетарди.—Нолькенъ.—Предложеніе вмѣшательства со стороны Швеціи.—Нолькенъ требуетъ отъ Елизаветы возвращенія всѣхъ завоеваній Петра Великаго.—Раздумье царевны.—Швеція внезапно объявляетъ войну Россіи.—Отсутствіе согласія—ни плана, ни указаній.—Елизавета видитъ себя всѣми покинутой.—Бурное свиданіе въ Зимнемъ дворцѣ.—Елизавета предаетъ Лестока.—Приказы полкамъ гвардіи.—Рѣшительныя дѣйствія.—Новыя просьбы, обращенныя къ Ла Шетарди.—Отказъ.—Революція.—Ночь 4-го декабря.—Собраніе у Елизаветы.—Въ казармахъ Преображенцевъ.—На пути въ Зимній дворецъ.—Покушеніе.—Похищеніе бывшаго Императора.—Новая Императрица.—Заключеніе.

I.

Всѣ факты и событія, предшествовавшіе и сопровождавшіе воцареніе Елизаветы Петровны, на столько извѣстны, что едва ли можно прибавить къ нимъ что либо новое; но если нельзя указать новыхъ фактовъ или подробностей, то можно и должно показать всѣ эти факты и подробности въ другомъ, болѣе вѣрномъ и правдивомъ свѣтѣ. По отношенію къ этой „дщери Петровой“ исторія слишкомъ сильно пошла по слѣдамъ легенды, но легенда и исторія—двѣ вещи разныя, и если первой суждено скрашивать и поэтизировать, то долгъ второй разоблачать истину отъ прикрасъ и выставлять событія въ ихъ истинномъ значеніи, а потому исторіи непростительно идти за легендой и вторить ей, когда она должна, скорѣе, ей противорѣчить.

Никто не можетъ отрицать, что Елизаветѣ нужно было создать какой нибудь отводъ глазъ, прикрыться незапятнаннымъ до тѣхъ поръ престижемъ Франціи и патріотическими чувствами русскихъ людей, приверженцевъ памяти Петра, чтобы придать нѣкоторый видъ благообразія и пристойности самому низкому, предательскому заговору, выросшему между казармой и ея очочивальней. Нѣкоторые изъ ея современниковъ находились подъ обаяніемъ поэтической легенды, окутавшей ореоломъ народной избранницы, дщери Петра, другіе съ готовностью подхватывали и распространяли эту легенду, которая и пріобрѣла живучесть, даже сама исторія обезсмертила ее. Для русскаго сердца, конечно, пріятно ласкать себя мыслью, что прекрасная, страстная, молодая царевна, возведенная на царство, восторжествовала надъ всѣми препятствіями, нашедши себѣ поддержку въ молодомъ французскомъ посланникѣ и 80 лѣтнемъ старцѣ Кардиналѣ, всесильномъ французскомъ министрѣ. Развѣ это не трогательно? Но не кажется ли все это нѣсколько романично, особенно, если вспомнить, что до этого времени вся жизнь царевны была даже болѣе, чѣмъ романична, если можно такъ выразиться?

Елизавета родилась 19-го декабря 1709 г., въ тотъ день, когда царь Петръ одержалъ свою блистательную побѣду подъ Полтавой. Теперь она входила въ тотъ возрастъ, когда честолюбіе женщины, если оно не могло въ силу какихъ нибудь обстоятельствъ достигнуть своей цѣли,—обыкновенно засыпаетъ на всегда. Она уже давно усыпила его, но это чувство все же могло еще вновь пробудиться въ ней потому, что она по прежнему была еще хороша и соблазнительна. Живая, дѣятельная или по крайней мѣрѣ кипучая въ началѣ царствованія Петра II, она должна была въ царствованіе Анны Ивановны подавить всю эту разнузданную кипучесть и постепенно стала впадать въ извѣстнаго рода апатію и безразличіе; въ этомъ не маловажную роль играло злоупотребленіе половыми наслажденіями, которымъ она, послѣ размолвки со своимъ царственнымъ племянникомъ, стала предаваться безъ удержу и безъ разбора. Образованія у нея не было никакого. Мать ея настаивала только, „на основаніи особо-важныхъ причинъ“, какъ она увѣряла, чтобы Елизавета изучила французскій языкъ и умѣла безупречно танцовать минуэтъ. Какія были эти „особо-важныя причины“, намъ уже извѣстно;

минуэтъ долженъ былъ произвести фуроръ въ Версалѣ, гдѣ, казалось Екатеринѣ, не могли ничего болѣе требовать отъ молодой принцессы, красивой, веселой и живой.

Предоставленная самой себѣ, Елизавета ни одной минуты не подумала о необходимости пополнить чѣмъ нибудь свое образованіе; она никогда ничего не читала, ничѣмъ рѣшительно не интересовалась и проводила все свое время или на охотѣ, или на лодкѣ, или же въ верховой ѣздѣ, удѣляя при этомъ еще весьма значительную часть времени уходу за своей красотой, несомнѣнной, хотя и нѣсколько вульгарной. Ея неправильныя черты скрашивались великолѣпными глазами; нѣсколько ее портилъ короткій, широкій, нѣсколько приплюснутый носъ, котораго она сама не могла терпѣть и положительно не выносила его на своихъ портретахъ; по этой же самой причинѣ, она никогда не позволяла писать себя въ профиль. Сложена она была превосходно; ноги и руки ея были удивительно красивы; цвѣтъ лица и кожи ослѣпительный, помимо всякихъ бѣлилъ и румянъ, а волосы, которыхъ она никогда не пудрила, имѣли великолѣпный золотисто рыжій цвѣтъ, окружавшій ея лицо, какъ солнечными лучами; ко всему этому отъ нея вѣяло такимъ обаяніемъ нѣги, такимъ сладострастіемъ, что это дѣлало ее положительно неотразимой не только въ ранніе годы ея молодости, но и позже. Очень молодой дѣвушкой, въ костюмѣ итальянской лодочницы, открытомъ черномъ корсетикѣ и коротенькой красной юбочкѣ, съ маленькой шляпочкой и крылышками за плечами (въ то время молодыя дѣвушки лѣтъ до 18-ти носили крылышки за спиной), она была очаровательна! Позднѣе, въ мужскомъ костюмѣ, который она очень любила, вѣроятно, потому, что онъ особенно рѣзко обрисовывалъ красивыя формы ея ногъ и роскошное ея тѣлосложеніе, передъ нею трудно было устоять; мужчины буквально теряли голову; при этомъ она еще очаровывала ихъ своей неподражаемой живостью, бойкостью и веселостью. „Toujours un pied en l'air“, говорилъ о ней Саксонскій посолъ Лефортъ,—вѣтренная, безпечная, остроумная и насмѣшливая, она, казалось, была рождена для Франціи и любила только внѣшній мишурный блескъ“..

Испытавъ переднимъ числомъ прелести брачной ночи со своимъ злополучнымъ женихомъ, Карломъ-Августомъ Голштинскимъ,

она окончательно развратила юнаго императора Петра II, котораго вскорѣ стала обманывать съ красавцемъ Бутурлинымъ, порою побалывая и съ Долгорукимъ. Ее называли „Венерой“ въ отличіе отъ серьезной и строгой сестры Государя, царевны Наталіи Алексѣевны, прозванной „Минервой“. Покинутая и явно пренебрегаемая своимъ племянникомъ, который имѣлъ на то достаточно основаній, „Венера“ перешла къ самому низкому разврату, „продѣлывая явно такія вещи, которыхъ стыдились и краснѣли самые беззастѣнчивые люди“, пишетъ о ней Лиріа. Въ Александровской слободѣ, уже прославленной Иваномъ Грознымъ, Елизавета собирала вокругъ себя самые поддонки общества и вмѣстѣ съ ними предавалась самому безстыдному разврату. Позднѣе, когда Анна Ивановна принудила ее послѣдовать за нею въ Петербургъ, Елизавета и здѣсь продолжала вести тотъ же образъ жизни въ одномъ изъ уединенныхъ домовъ на окраинѣ города, носившемъ во всѣхъ отношеніяхъ характеръ извѣстнаго рода домовъ. Здѣсь она жила далеко не роскошно и не шумно, скорѣе даже бѣдно, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ и путаясь въ долгахъ, подъ строгимъ надзоромъ тѣхъ, для кого она могла быть опасна. Было даже время, когда подумывали запрятать ее въ монастырь. Въ это время Елизавета одѣвалась очень просто, всего чаще въ бѣлую тафту съ черной каймой по подолу, изъ экономіи, „чтобы не входить въ долги“, говорила она, но, съ другой стороны, этотъ скромный нарядъ долженъ былъ производить впечатлѣніе безсмѣннаго траура и служить, такъ сказать, флагомъ. Кромѣ того, ея родня, эта отвратительная литовская семья Скавронскихъ, трое ея дядей, двѣ тётки, облеченные теперь аристократическими именами и титулами, но глубоко презираемые Анной, относившейся къ нимъ съ величайшимъ пренебреженіемъ,—также не мало доставляли Елизаветѣ хлопотъ и расходовъ; такъ, напримѣръ, на ея счетъ воспитывались двѣ дочери Карла Скавронскаго, старшаго брата Екатерины I-ой, которыхъ она потомъ всячески старалась выдать замужъ, но со Скавронскими никто изъ аристократовъ не хотѣлъ родниться, да и самое Елизавету аристократы и родовитая русская знать презирали отчасти изъ-за ея незаконнорожденности, отчасти за ту среду, изъ которой она теперь брала своихъ возлюбленныхъ. Вслѣдствіе этого ей волей не волей приходилось спускаться

все ниже и ниже, да и природные ея инстинкты влекли ее къ тому же. И это было то, что называлось ея популярностью!

Въ Александровской слободѣ она, какъ равная, водила дружбу съ молодыми крестьянками, каталась съ ними въ саняхъ и съ горъ, водила хороводы, устраивала у себя настоящія оргіи и попойки, а дѣвушекъ подчивала изюмомъ, пряниками и орѣхами; въ Петербургѣ же она раскрыла двери своего дома и своей опочивальни гвардейскимъ солдатамъ, крестила ихъ ребятъ, дарила ихъ гривнами и крутила имъ головы своими многообѣщающими улыбками и многозначительными подмигиваніями. „Въ тебѣ кровь Петра“! говорили тѣ, а она доказывала имъ, что въ ея жилахъ еще больше крови той портомойки, которая была усладой ихъ предшественниковъ, подъ стѣнами Маріенбурга.

Она появлялась въ народѣ или при дворѣ очень рѣдко, только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, и тогда держала себя степенно и печально, съ видомъ безмолвнаго протеста, который уже одинъ явно доказывалъ, что она вовсе еще не отказалась отъ надеждъ на лучшее будущее. Это можно было заключить изъ нѣкоторыхъ ея поступковъ, вѣроятно, внушенныхъ ей кѣмъ нибудь изъ ея приближенныхъ, такъ какъ сама она рѣшительно страдала полнымъ отсутствіемъ всякой инициативы; такъ, напримѣръ, она посѣтила несчастнаго Лопатинскаго, котораго Анна Леопольдовна освободила изъ тюрьмы въ то время, какъ его уже считали умершимъ.

— Узнаешь-ты меня? спросила она старца.

— Да, ты искра Петрова!—воскликнулъ тотъ.

Она оставила ему 300 руб., и объ этомъ говорили по церквамъ и въ монастыряхъ; это была своего рода реклама, одинъ изъ способовъ напоминанія о себѣ, одно изъ средствъ пріобрѣтенія популярности.

Тѣмъ не менѣе она казалась всѣми покинутой, забытой. Она была еще по прежнему хороша, но начинала жирѣть, и англійскій посолъ Финчъ, припоминая недовѣріе Цезаря къ слишкомъ тощимъ людямъ, выражался про Елизавету, что она „слишкомъ толста, чтобы затѣвать заговоры“. Носился слухъ, что она уже была повѣнчана съ Алексѣемъ Разумовскимъ, крестьянскимъ сыномъ, малороссомъ по происхожденію, котораго она замѣтила на клиросѣ, среди пѣвчихъ Анны Ивановны, и подарила своею

милостью. Но, повидимому, и этотъ человѣкъ не умѣлъ вывести ее изъ той покорной сонливости, въ которую она незамѣтно впала подъ давленіемъ Анны Ивановны, не спускавшей съ нее глазъ во все время своего царствованія; эта лѣнивая апатія дѣлала ее нерѣшительной и робкой даже въ самыхъ пустяшныхъ вещахъ, а красивый хохолъ, хотя и буянилъ подъ часъ подъ пьяную руку, но буянство его не шло дальше поломки мебели, битья посуды и кое-какой довольно смѣлой ругани по адресу своей „милостивицы“, какъ онъ называлъ Елизавету. Изъ остальныхъ ея приближенныхъ оба Шуваловы, Александръ и Иванъ, были люди весьма нерѣшительные, а Михаилъ Воронцовъ, женатый на одной изъ Скавронскихъ, представлялъ собою воплощеніе скрытности и осторожности.

Въ минуту своего полновластія регентъ Бирон какъ будто старался сблизиться съ Елизаветой, и это обстоятельство сильно взволновало умы какъ ея сторонниковъ, такъ и противниковъ. Немного позднѣе думали, что она соединитъ свою судьбу съ судьбою впавшаго въ немилость Мюниха, и соглядатаямъ Антона Ульриха было поручено слѣдить за бывшимъ фельдмаршаломъ и первымъ Министромъ и арестовать его, какъ только онъ отправится къ Елизаветѣ; тѣмъ не менѣе онъ видѣлся съ ней и былъ у нея переодѣтымъ, но свиданіе ихъ ни къ чему не привело. Царевна не забыла, что Мюнихъ совѣтовалъ Бирону запереть ее въ монастырь, и съ этого момента всѣ рѣшили, что ее нечего опасаться, что она совершенно отказалась отъ мысли занять когда нибудь высшее положеніе въ государствѣ. Между тѣмъ событія, которымъ суждено было опровергнуть всѣ эти предпріятія и соображенія, тоже подготовлялись, но не въ кабинетѣ Ла-Шетарди и не среди народа или русской національной партіи, а тамъ, гдѣ этого всѣ менѣе ожидали.

II.

За отсутствіемъ среди приближенныхъ Елизаветы человѣка, который могъ бы пробудить въ ней сознаніе той роли, какую она могла-бы играть въ государствѣ, и при этомъ научить ее, какъ ей слѣдовало-бы заявить о своихъ правахъ на эту роль, среди людей, имѣвшихъ къ ней лишь косвенное отношеніе, было не мало такихъ, которые помышляли объ этомъ и досадо-

вали на ея бездѣйствіе. Казармы Гвардейцевъ были однимъ изъ такихъ центровъ, гдѣ умы людей всего больше ожидали рѣшительнаго слова съ ея стороны; тѣ, кто замышляли этотъ новый переворотъ, не только прекрасно подготовили къ нему эту всегда благодарную въ подобныхъ случаяхъ почву, но даже опасались теперь за самый успѣхъ дѣла вслѣдствіе слишкомъ сильнаго броженія умовъ, которое подъ вліяніемъ нетерпѣнія могло испортить все преждевременнымъ взрывомъ, а Елизавета все медлила или, вѣрнѣе, не пробуждалась къ сознанію предназначенной ей роли. Какъ мы уже видѣли, гвардейцы всегда изъявляли готовность содѣйствовать какимъ угодно переворотамъ, такъ какъ это увеличивало ихъ значеніе въ глазахъ другихъ и въ собственныхъ ихъ глазахъ и давало имъ право требовать наградъ, льготъ и всякихъ преимуществъ,—но каждый разъ въ нихъ шевелилось чувство, что они много охотнѣе содѣйствовали-бы перевороту, который-бы клонился не къ торжеству Бирона, Миниха или Антона-Ульриха. И въ этомъ національное чувство не играло въ сущности никакой роли, такъ какъ даже среди простыхъ солдатъ было болѣе, чѣмъ на половину чужеземцевъ. Но эти нѣмцы, вѣчно враждующіе между собой, не имѣли въ ихъ глазахъ ни престижа, ни привлекательности, ни силы власти; Биронъ былъ пойманъ въ западню, какъ дуракъ, Мюнихъ былъ прогнанъ, какъ лакей, Антона-Ульриха рѣшительно никто не въ грошъ не ставилъ,—и такіе-то люди командовали и распоряжались ими! Анна Леопольдовна была женщина добрая и кроткая, и они охотно помирились бы съ ней, но ее никто никогда не видѣлъ, почти не зналъ, кромѣ того, съ часа на часъ ждали, что ее мѣсто фактически заступитъ Линаръ, такой же Биронъ или Минихъ, а, быть можетъ, еще хуже, еще презрѣннѣе... Елизавета-же нравилась имъ, не потому, что она была „Искра души Петровой“, а потому, что была привѣтлива и доступна, весела и раснущенна; легенда о красавцѣ гренадерѣ Шубинѣ много больше способствовала этимъ симпатіямъ гвардейцевъ къ ней, чѣмъ память о побѣдителѣ подъ Полтавой.

Всѣ гвардейцы шли къ Елизаветѣ какъ въ харчевню, попировать, повеселиться, побалагурить, а болѣе предпріимчивые изъ нихъ помышляли даже о большемъ; во всѣхъ молодыхъ и красивыхъ солдатахъ она возбуждала самыя жгучія страсти, и это

отношеніе къ ней перешло даже въ линейные полки. Всѣ они ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы кто нибудь призвалъ ихъ совершить переворотъ въ пользу ихъ „матушки“, какъ всѣ они фамильярно называли Елизавету. Кромѣ того, въ ея пользу своеобразно старалась еще Салтыкова, рожденная Голицына, ближайшая ея пріятельница, домъ которой приходился рядомъ съ казармами Преображенцевъ, гдѣ она и дневала, и ночевала, по свидѣтельству современниковъ.

Такимъ образомъ созрѣлъ этотъ своеобразный заговоръ, если только вообще можно назвать заговоромъ это совпаденіе желаній нѣсколькихъ десятковъ лицъ безъ опредѣленнаго соглашенія, безъ выработаннаго заранѣе плана, безъ опредѣленныхъ даже средствъ и способовъ дѣйствій. Чтобы сколько нибудь согласовать все это и извлечь изъ существующаго броженія какіе нибудь реальные результаты, взялись за дѣло двое иностранцевъ, Лестокъ, лейбъ-медикъ Царевны, въ сущности просто фельдшеръ, и нѣкій Шварцъ, а въ моментъ исполненія переворота немаловажную роль сыграло еще третье лицо, нѣкій еврей Грюнштейнъ, родомъ изъ Дрездена, бывшій маклеръ, а въ настоящее время солдатъ гвардеецъ. Шварцъ-же былъ нѣмецъ, капитанъ пѣхоты, поступившій на русскую службу въ качествѣ инженера, при корабельныхъ верфяхъ. Предки Лестока покинули Францію во время уничтоженія Нантскаго указа и переселились въ Германію въ Целль, гдѣ дѣдъ Лестока былъ цирюльникомъ, а затѣмъ фельдшеромъ при дворѣ послѣдняго герцога Брауншвейгъ-Целле. Сынъ этого Лестока въ 1713 году прибылъ въ Россію искать счастья, съумѣлъ понравиться Петру Великому, но не съумѣлъ заручиться милостями мамзель Крамеръ, которая обвинила его въ томъ, будто онъ распространялъ скверные слухи объ отношеніи Царя къ его денщику Бутурлину, за что онъ и былъ сосланъ въ Казань. Екатерина I-я поспѣшила вернуть его въ Петербургъ и, хотя знала его за человѣка развратнаго и самой плохой нравственности, все же приставила его къ особѣ дочери своей Елизаветы Петровны, которой тогда было всего 16 лѣтъ. Его отношенія къ послѣдней выяснились лишь послѣ декабрьскихъ событій 1741 года. Вотъ маленькая подробность изъ отчета Мардефельда своему королю; приводимъ ее, не измѣняя самаго текста, дословно, выпустивъ лишь нѣсколько фразъ изъ уваженія къ читателямъ:

„Та личность, о которой идётъ рѣчь (Елизавета), сочетаетъ въ себѣ, наряду съ рѣдкой физической красотой, чарующую грацію движеній и манеръ, и безконечный запасъ остроумія и веселья, ласки и кокетства, съ большимъ природнымъ умомъ и удивительнымъ благочестіемъ, всѣ внѣшніе обряды котораго она исполняетъ съ величайшей строгостью и непогрѣшимостью. Но, родившись на свѣтъ подъ фатальнымъ созвѣздіемъ, т. е. въ моментъ любовнаго сліянія Венеры съ Марсомъ, она неуклонно по нѣсколько разъ въ день приноситъ жертвы на алтарь матери Любви и въ этомъ усердіи своемъ намного превзошла супругу Императора Клавдія. Первымъ сожрецомъ ея изъ привиллегированнаго ~~его~~ класса былъ нѣкій служитель Нептуна, рослый дѣтина, простой матросъ изъ крестьянъ, за нимъ ему подобныхъ сожрецовъ было много, такъ что имя имъ легіонъ, но тутъ за послѣднее время эта важная должность нѣкоторое время оставалась незанятою почти два года, т. е. временныхъ исполнителей этой должности изъ простыхъ монаховъ и низшаго духовенства изъ странниковъ и тому подобнаго люда было много, но они такъ часто смѣнялись, что не могли даже быть утверждены въ должности. Наконецъ, мѣсто это съ честью занялъ питомецъ Аполлона съ громовымъ голосомъ, украинецъ по происхожденію... въ немъ эта священная должность нашла блистательнаго служителя, и культъ богини сталъ процвѣтать, какъ раньше. Но, не щадя своихъ силъ и не взирая на переутомленіе, этотъ усердный жрецъ до того изнурялъ себя дѣломъ служенія своему Божеству, что съ нимъ стали приключаться обмороки; это вынудило однажды, когда такой обморокъ оказался ужъ слишкомъ продолжительнымъ, его милостивую покровительницу и сожрицу отправиться въ полномъ дезабильѣ, къ Гипократу, посвященному въ тайны цитерическихъ приключеній и случайностей, чтобы пригласить его подать поскорѣе помощь больному. Но, заставъ Гипократа между двухъ простынь или быть можетъ между двухъ перинъ, она присѣла на край кровати и стала его уговаривать встать. Онъ же, наоборотъ, ...предлагалъ ей позабавиться нѣсколько иначе, ради разнообразія. Но, горя нетерпѣніемъ подать скорѣе помощь другу сердца, строгая жрица Венеры гнѣвно возразила Гипократу: „Ты хорошо знаешь, что нынче печка истоплена для тебя“... „Такъ что же“!—дерзко воз-

разилъ тотъ,—не лучше-ли было бы топить ее для меня, чѣмъ для всякаго хама и халуя, которому вздумается попариться"!.. Тѣмъ дѣло и кончилось. Какъ ни какъ, Гипократу пришлось разстаться со своими пуховиками и сдѣлать то, что отъ него требовали. „Все это, пишетъ Мардефельдъ—я узналъ отъ лица, присутствовавшаго при всей этой комедіи" *).

Изъ всего вышесказаннаго видно, что ни національное чувство, ни русскій патріотизмъ во всемъ этомъ были совершенно непричемъ, точно также какъ и мнимое участіе и вмѣшательство молодого маркиза *Ла-Шетарди*.

III.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ организовался этотъ заговоръ, если только это слово можно примѣнить къ тому, что тогда происходило. Отношенія Ла-Шетарди къ Елизаветѣ ограничивались простымъ обмѣномъ вѣжливостей, вплоть до ноября 1740 г., когда, послѣ паденія Бирона, царевна подослала къ нему Лестока, который далъ ему понять, что партія царевны и племянника ея Герцога Голштинскаго настолько сильна, что можетъ льстить себя надеждой взять верхъ надъ существующимъ порядкомъ. Но Ла-Шетарди не придалъ этому особеннаго значенія и вообще считалъ нужнымъ не довѣрять царевнѣ и ея приближеннымъ, но когда, мѣсяцъ спустя, къ нему явился Нолькенъ, уполномоченный Швеціи, и сказалъ, что, получивъ отъ своего правительства полномочія поддержать въ Россіи, по своему усмотрѣнію, Герпога Курляндскаго, Анну Леопольдовну или Елизавету, съ цѣлью чего ему отпущено 100,000 червонцевъ, онъ рѣшилъ израсходовать эти деньги въ пользу послѣдней, которая уже насчитываетъ множество приверженцевъ среди Гвардейцевъ и нѣкоторыхъ мелкихъ служащихъ различныхъ учрежденій,—Ла-Шетарди повѣрилъ, что тутъ есть нѣчто больше, чѣмъ простое мечтанье Лестока и Царевны, что это уже нѣчто похоже на заговоръ, изъ котораго, пожалуй, можетъ что нибудь выйти. Однако, по присущей ему осторожности, на предложеніе Нолькена присоединиться къ нему и поддержать царевну, Ла-Шетарди далъ

*) *Мардефельдъ Королю*, 28 декабря 1742 г. *Sécretissime*. Секретные архивы Берлина.

уклончивый отвѣтъ, затѣмъ написалъ своему правительству и сталъ ожидать указаній, продолжая все еще относиться ко всей этой затѣѣ съ недовѣріемъ.

Между тѣмъ, при содѣйствіи Нолькена, этотъ заговоръ начиналъ какъ будто пріобрѣтать извѣстную консистенцію; говорилось даже о вмѣшательствѣ Шведской арміи, которая должна была поддержать общее возстаніе Гвардейцевъ въ пользу дочери Петра Великаго. Это уже были не шутки, тутъ пахло чѣмъ то серьезнымъ, такъ что даже въ Версалѣ стали находить поведеніе Ла-Шетарди, все время уклонявшагося отъ участія въ этомъ заговорѣ, черезъ-чуръ осторожнымъ и предложили ему выразить царевнѣ, что, въ случаѣ надобности, король будетъ радъ оказать ей услугу и что онъ готовъ содѣйствовать успѣху задуманнаго его дѣла. Но вдругъ въ тотъ самый моментъ, когда оставалось только нанести рѣшительный ударъ, Нолькенъ неожиданно раскрылъ свои карты и потребовалъ взамѣнъ предложенной имъ услуги письменное согласіе Елизаветы на отказъ отъ всѣхъ завоеваній Петра въ пользу Швеціи. Но та упорно отказалась отъ всякихъ письменныхъ обязательствъ или обѣщаній, которыхъ она вообще не терпѣла, говоря, что ея слова должно быть достаточно; на этотъ же разъ она не хотѣла даже давать и никакихъ словесныхъ обѣщаній, и видя, что съ Нолькеномъ ей не сговориться, обратилась къ французскому дипломату, прося его содѣйствія, Но такъ какъ, согласно полученнымъ имъ предписаніямъ, тотъ долженъ былъ дѣйствовать за одно съ Шведскимъ уполномоченнымъ, то Ла-Шетарди не могъ обѣщать ей ничего опредѣленнаго, а въ концѣ Мая Ла-Шетарди было предписано вмѣшаться и настоять, чтобы Елизавета уступила требованіямъ Нолькена. На это она отвѣчала отказомъ наотрѣзъ и нашла нужнымъ временно прервать всякія сношенія съ французскимъ посломъ. Дѣло въ томъ, что Елизавета сдѣлала въ это время страшный промахъ, попытавшись переманить въ свой лагерь страшнаго Ушакова, который весьма не любезно, даже рѣзко отклонилъ ея заискиванія,—и вотъ теперь она чувствовала, что тотъ предубѣжденъ противъ нея и подозрѣваетъ ее въ чемъ то, даже имѣетъ уже кое какія улики и доказательства. Одновременно съ этимъ она узнала, что Антонъ-Ульрихъ выказалъ особое расположеніе одному изъ ея главныхъ приверженцевъ, капитану Семеновскаго полка,—

которому онъ даже подарилъ 300 червонцевъ,—значитъ, Анна Леопольдовна и ея мужъ также знали о ея замыслѣ и всѣми средствами старались помѣшать его осуществленію. Перепуганная и совершенно оробѣвшая Елизавета уже видѣла себя постриженной въ одномъ изъ дальнихъ монастырей и какъ то разомъ присмирѣла, притихла и замкнулась отъ всѣхъ, такъ что, чтобы узнать что нибудь о ней, Нолькену пришлось обращаться къ Лестоку съ просьбой пустить кровь, и подъ этимъ предлогомъ вывѣдать отъ него что нибудь о намѣреніяхъ царевны.

Въ концѣ Іюня Нолькенъ былъ отозванъ обратно въ Швецію, которая теперь, совершенно помимо всякаго отношенія къ Елизаветѣ, готовилась къ войнѣ съ Россіей, но всетаки старалась увѣрить Царевну, что наступательное движеніе ея войскъ будто бы находится въ зависимости отъ ея рѣшенія.

Такимъ образомъ нерѣшительность и промедленіе со стороны Елизаветы только позволяли Швеціи привести себя въ лучшую боевую готовность и выторговать у Франціи еще больше субсидій. Откланиваясь царевнѣ передъ выѣздомъ изъ Россіи, Нолькенъ все же настаивалъ на письменномъ согласіи относительно уступки Швеціи отнятыхъ у нея Петромъ I провинцій, но и теперь не могъ ничего добиться.

Въ Іюлѣ Ла-Шетарди собирался послѣдовать примѣру Нолькена и также покинуть Петербургъ вслѣдствіе недоразумѣнія, которое у него вышло съ Анной Леопольдовной; онъ счелъ себя обиженнымъ, пересталъ появляться при дворѣ и просилъ, чтобы его отозвали изъ Россіи. Елизавета, не желавшая больше видѣть его съ того момента, какъ она убѣдилась, что не можетъ разсчитывать на его помощь и содѣйствіе, нѣсколько разъ по его просьбѣ назначала ему свиданія то тутъ, то тамъ и каждый разъ заставляла прождать себя понапрасно. Убѣдившись, что царевна издѣвается надъ нимъ, Ла-Шетарди сталъ готовиться къ отъѣзду, когда совершенно неожиданно получилъ записку отъ Остермана, въ которой бывшій вице-канцлеръ сообщалъ ему, что Швеція приступила къ военнымъ дѣйствіямъ. Это обстоятельство разомъ измѣнило намѣренія Ла-Шетарди. Кромѣ этого сенсаціоннаго извѣстія, Остерманъ увѣдомилъ его, что возникшее между нимъ и Анной Леопольдовной недоразумѣніе улажено въ смыслѣ его желанія, словомъ, что онъ теперь снова вошелъ въ милость ре-

гентши, чему онъ, конечно, былъ обязанъ наступательному движенію Шведовъ.

Придти къ какому либо серьезному соглашенію съ Елизаветой Ла-Шетарди также не удавалось, какъ не удавалось и Нолькену; царевна продолжала кокетничать и заигрывать съ солдатами, не переставая поддерживать ихъ преданность „Искрѣ Петровой“ путемъ постоянныхъ денежныхъ подачекъ, безъ которыхъ пылъ ихъ преданности быстро охлаждался. Свое же собственное бездѣйствіе и медлительность Елизавета оправдывала тѣмъ, что Шведы, приступивъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не заявили, что они воюютъ за нее, ея права на престолъ, и что они не поставили, какъ то обѣщалъ Нолькенъ, во главѣ своихъ войскъ племянника ея, принца Голштинскаго. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ она жаловалась Ла-Шетарди, съ которымъ устраивала свиданія въ лѣсу, что сильно нуждается въ деньгахъ и что безъ нихъ она лишена возможности осуществить задуманный переворотъ, что ей необходимо имѣть сейчасъ же 15,000 червонцевъ. Ла-Шетарди поморщился и затѣмъ согласился одолжить ей заимообразно 2,000 червонцевъ, которыя онъ обѣщалъ занять для нея у пріятеля, счастливо игравшаго въ послѣднее время въ карты. И это то было истолковано въ смыслѣ „предоставленія царевнѣ пользоваться для своихъ цѣлей кредитомъ изъ Французскаго Государственнаго Казначейства“.

Во Франціи теперь сильно сомнѣвались въ силѣ и значеніи партіи приверженцевъ Елизаветы, а также въ ея способности вызвать государственный переворотъ.

Въ Октябрѣ, несмотря на одолженныя ей Ла-Шетарди 2,000 червонцевъ, Елизавета считала, что имѣетъ весьма малую поддержку со стороны своихъ иностранныхъ союзниковъ, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія шведовъ оказались неуспѣшными; хотя они опубликовали манифестъ, въ которомъ заявляли, что вступаются за попранныя права Елизаветы, но это нисколько не помѣшало Ласси разбить ихъ на голову, и со стороны Франціи не было видно никакой серьезной поддержки, хотя и самую войну Швеція начала по настоянію Франціи.

Если, съ одной стороны, Елизавета жаловалась на французскій дворъ, не оказывавшій ей, по ея мнѣнію, достаточной поддержки, то, съ другой стороны, во Франціи обвиняли ее во всемъ, отчего задуманный переворотъ становился даже маловѣроятнымъ.

Но вотъ однажды при случайной встрѣчѣ съ Елизаветой Ла-Шетарди, которому она казалась въ этотъ моментъ болѣе нерѣшительной, чѣмъ когда либо, вздумалъ напугать ее, сообщивъ о предполагаемомъ будто заточеніи ея въ монастырь. Этой букой пугали ее и Лестокъ, и Шварцъ такъ, какъ пугаютъ дѣтей людоѣдомъ.

Сильно взволнованная Елизавета заявила, что если ее доведутъ до крайности, то она съумѣетъ доказать, что въ ея жилахъ „течетъ кровь Петра Великаго“, и теперь уже сама заговорила о заговорѣ, какъ о чемъ то реальномъ и близкомъ къ осуществленію. Составили тутъ же даже списокъ лицъ, подлежащихъ удаленію отъ власти; рѣшено было даже, по совѣту Ла-Шетарди, что царевна надѣнетъ кольчугу или кирасу подъ платье, чтобы обезпечить себя на всякій случай... и вдругъ Елизавета и Ла-Шетарди вспомнили, что вѣдь въ сущности еще ничего не подготовлено, что у нихъ нѣтъ даже опредѣленнаго плана дѣйствій, и разстались, не рѣшивъ ничего.

Это было 22-го ноября. Съ этого дня Елизавета и Ла-Шетарди не видались болѣе до тѣхъ поръ, пока ожидаемый переворотъ не сталъ уже совершившимся фактомъ. Спустя нѣсколько часовъ послѣ этого разговора остальные орудія и органы заговора, которыхъ Ла-Шетарди или вовсе не зналъ, или которыми пренебрегалъ, въ силу неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, вдругъ лихорадочно принялись за дѣло, и этотъ такъ долго подготовлявшійся и вовсе не подготовленный государственный переворотъ совершился вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, и помимо всякаго участія въ немъ Франціи или Швеціи, даже, можно сказать, безъ ихъ вѣдома, такъ какъ совершившійся фактъ оказался для нихъ полной неожиданностью.

IV.

23-го ноября былъ пріемный день при дворѣ или, какъ тогда говорили, „куртагъ“. Елизавета на этотъ разъ присутствовала на немъ; отношенія ея съ регентшей продолжали оставаться вѣжливыми, любезными, даже дружественными. Дѣля свои чувства между любовью къ Линару, возвращенія котораго она теперь ожидала съ нетерпѣніемъ, нѣжной привязанностью къ Жульеттѣ, которой теперь готовили приданое, и заботами о своихъ дѣтяхъ,

какъ настоящая добрая и примѣрная нѣмецкая мать, Анна Леопольдовна безучастно или пренебрежительно выслушивала всѣ предостереженія и свѣдѣнія относительно замысловъ и дѣйствій царевны, и только этимъ могла объясниться та удивительная безнаказанность, съ какою Елизавета могла вести свою безконечную интригу и подготовлять въ теченіе столькаго времени свой заговоръ. Даже на настойчивый совѣтъ своего возлюбленнаго Линара, совѣтовавшаго ей передъ своимъ отъѣздомъ засадить Елизавету въ монастырь, добросердечная Анна Леопольдовна отвѣчала: „Къ чему, мой другъ?! Вѣдь маленькій чертенокъ все ровно останется“! Этимъ именемъ она называла Герцога Голштинскаго. Однажды, когда Остерманъ, по настоянію англійскаго посла Флинча, заговорилъ съ ней о подозрительномъ поведеніи Лестока, регентша прервала его рѣчь, указавъ на ленточки, которыя она только что своими руками пришивала къ нарядному платьицу маленькаго императора. Кромѣ того, она втайнѣ готовила сама тотъ переворотъ, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ положить конецъ честолюбивымъ замысламъ „маленькаго чертенка“ и его тетушки; 9 декабря, въ день своего ангела, Анна Леопольдовна намѣрена была заставить провозгласить себя императрицей и поручила уже Бестужеву составить третій манифестъ въ этомъ духѣ, сверхъ тѣхъ двухъ, которые уже были заготовлены Тимирязевымъ.

Тѣмъ не менѣе она рѣшила воспользоваться куртагомъ, чтобы объясниться съ Елизаветой. Она только что получила въ этотъ день письмо отъ Мюниха, гдѣ тотъ увѣщавалъ ее обратить серьезное вниманіе на Елизавету и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно подробно сообщалъ о тайныхъ переговорахъ Ла Шетарди и Лестока. Поэтому, прервавъ карточную партію, въ которой участвовала царевна, Анна Леопольдовна увела ее въ отдаленную комнату и здѣсь съ глаза на глазъ повторила все, что ей сообщалось въ письмѣ. Елизавета была положительно поражена: ей было извѣстно все до мелочей, происходившее во дворцѣ, такъ какъ ею были подкуплены ближайшая прислужница регентши и камердинеръ Антона-Ульриха; эти двое шпіоновъ обыкновенно ознакомлялись даже со всей корреспонденціей регентши и ея супруга, которые, ничего не подозрѣвая, не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, но, очевидно, переписка съ Линаромъ мино-

вала рукъ ихъ, и потому Елизавета не была предупреждена и не умѣла подготовить оправданія. Она просто стала клясться и божиться въ полной своей невинности, предлагая воспретить Ла-Шетарди посѣщать ее, а Лестока арестовать и поступить съ нимъ, какъ знаютъ, если онъ дѣйствительно окажется виновнымъ. Не задумываясь, предавала она Лестока, надѣясь этимъ выпутаться сама; мало того, она дошла до того, что валялась въ ногахъ у регентши, плакала и растрогала ту до того, что и Анна Леопольдовна расплакалась вмѣстѣ съ нею, послѣ чего обѣ онѣ нѣсколько успокоились и разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ *).

На другой день раннимъ утромъ Лестокъ явился къ Ла Шетарди страшно взволнованный. „Если не дѣйствовать немедленно, то все пропало“!—„А есть-ли извѣстія изъ Шведской Арміи“? спросилъ посланникъ.—„Нѣтъ“! „Ну, такъ надо ждать“!—Но ждать дольше нельзя... иначе все погибло“! И Лестокъ уѣхалъ отъ него въ полномъ отчаяніи. Ему было извѣстно, что рѣшено было его арестовать, что Остерманъ потребовалъ, чтобы прежде всего удалили изъ Петербурга преображенцевъ, среди которыхъ онъ съ минуты на минуту ждалъ возмущенія. Предлогомъ могло служить движеніе шведовъ на столицу. Забѣжавъ къ Иберкампфу на Милліонной, ресторанъ, гдѣ подавали устрицы, продавали французскіе парики и вѣнскіе экипажи, кареты и дормезы, и гдѣ Лестокъ обыкновенно встрѣчался съ другими нѣмцами, своими пріятелями, онъ узналъ, что приказаніе выступать въ походъ уже отдано всѣмъ полкамъ гвардіи, а это было равносильно полному крушенію заговора и его собственной гибели. Онъ бросился къ Елизаветѣ. Въ свободныя минуты онъ набросалъ карандашомъ два аллегорическихъ рисунка: на одномъ изъ нихъ Елизавета была изображена въ коронѣ и порфирѣ со всѣми атрибутами царской власти,—на другомъ—въ монашескомъ одѣяніи и кругомъ всевозможныя орудія пытки; подъ этими двумя рисунками онъ теперь подписалъ слово „Выбирайте!“ и взволнованный вручилъ ихъ Елизаветѣ. Та все еще не рѣшалась, но вотъ къ ней вошло нѣсколько гвардейцевъ-солдатъ и высказались также, что слѣдуетъ теперь же немедля рѣшиться попытать счастье

*) „Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ“, стр. 85 Вендемейеръ III, 151.

или отказаться отъ него навсегда. Особенно горячо настаивалъ на этомъ сержантъ Грюнштейнъ, говоря отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, а Лестокъ для пущей убѣдительности еще добавилъ: „я чувствую, что непремѣнно во всемъ признаюсь и все разскажу подъ кнутомъ.“

Рѣшено было дѣйствовать въ эту же ночь. Грюнштейнъ считалъ необходимымъ новую раздачу денегъ людямъ, но Елизавета обшарила всѣ свои шкатулки и не нашла болѣе 300 руб.; этого было слишкомъ мало. У Ла Шетарди также ничего не могли получить, такъ что царевнѣ пришлось заложить свои драгоцѣнности.

V.

Въ одиннадцать часовъ ночи Грюнштейнъ съ товарищами снова явились къ царевнѣ съ увѣреніями, что всѣ гвардейцы сгораютъ отъ нетерпѣнія въ ожиданіи, что она поведетъ ихъ за собой. Осторожный Лестокъ послалъ двухъ своихъ соглядатаевъ къ Остерману и Мюниху, чтобы убѣдиться, что имъ ничего не извѣстно, тѣ вернулись, не обнаруживъ ничего подозрительнаго; самъ Лестокъ поѣхалъ къ Зимнему Дворцу, но въ окнахъ нигдѣ не было огня; вернувшись, онъ засталъ Елизавету въ молитвѣ передъ иконою Богоматери. Говорятъ, что она въ этотъ моментъ дала обѣщаніе уничтожить смертную казнь, если ея предпріятіе окончится благополучно. Но, не смотря на молитвы и ободренія Лестока, въ самый послѣдній моментъ Елизавета была въ ужасной нерѣшимости; Лестокъ самъ надѣлъ на нее Екатерининскую ленту со звѣздой, всунулъ ей въ руку серебряный крестъ и, накинувъ на плечи шубу, просто вытолкнулъ ее за дверь. У дверей ожидали запряженныя сани; она сѣла въ нихъ съ Лестокомъ; Воронцовъ и Шуваловы вскочили на подножку, и сани помчались по пустыннымъ улицамъ спавшей уже столицы, прямо къ преображенскимъ казармамъ.

У съѣзжей избы сани остановились; не предупрежденный ни о чемъ часовой забилъ было тревогу, но Лестокъ ударомъ кинжала, который онъ имѣлъ въ рукѣ, прорвалъ его барабанъ, — и дробь замерла.

Тогда 13 человѣкъ гренадеръ, посвященныхъ въ тайну плана, поспѣшили разбудить и предупредить товарищей. Въ казармахъ

жили только одни солдаты; офицеры же квартировали въ городѣ на вольныхъ квартирахъ, кромѣ одного дежурнаго. Въ нѣсколько секундъ нѣсколько сотъ человѣкъ солдатъ въ полномъ порядкѣ высыпали на улицу; большинство ихъ и теперь еще не знало, въ чемъ дѣло. Елизавета вышла изъ саней:

— Узнаете вы меня? Знаете, чья я дочь?

— Знаемъ, Матушка!

— Меня хотятъ запереть въ монастырь! Согласны вы идти за мной?

— Согласны, согласны! Всѣ за тебя постоимъ!

Она подняла кверху руки, въ которой держала крестъ, и произнесла: „Я клянусь умереть за васъ,—клянитесь и вы, что сдѣлаете то же за меня. Но не проливайте напрасно ничьей крови!

— Клянемся!—раздались голоса, и люди стали тѣсниться къ кресту и цѣловали крестъ; офицера же въ это время арестовали, такъ какъ онъ, проснувшись отъ шума, выбѣжалъ со шпагой наголо и сталъ призывать людей къ порядку.

„Теперь идемъ“—сказала Елизавета и сѣла снова въ сани съ Лестокомъ. До 300 человѣкъ гвардейцевъ тронулись за нею по Невскому. На Адмиралтейской площади она вздумала выйти изъ саней и идти вмѣстѣ съ солдатами, но такъ какъ ея маленькія ножки вязли въ снѣгу, то могла подвигаться очень мѣдленно. Гренадеры стали роптать на замедленіе,—тогда двое гвардейцевъ подхватили царевну на руки и вмѣстѣ съ нею бѣгомъ направились ко дворцу. Лестокъ отрядилъ изъ нихъ 25 человѣкъ, чтобы арестовать одновременно Остермана, Мюниха, Левенвольде и Головкина; другіе 8 человѣкъ накинулись неожиданно на четырехъ часовыхъ, не занявшихъ главный входъ, и, быстро справившись съ ними, впустили товарищей во дворецъ. Здѣсь они направились прямо въ кордегардію. Находившійся тутъ офицеръ вызвалъ караулъ, но его повалили на полъ и обезоружили, послѣ чего всѣ направились наверхъ, въ опочивальню регентши. Такъ какъ Линаръ находился въ отсутствіи, то супруги почивали вмѣстѣ другъ подлѣ друга, хотя и были послѣднее время въ ссорѣ, такъ что даже не говорили другъ съ другомъ.

Какъ говорятъ, когда супруги ложились, Левенвольде предупреждалъ Анну Леопольдовну о грозящей ей опасности, но она

назвала это глупостью и въ тотъ моментъ, когда въ спальню вошли, чтобы ее арестовать,—спала крѣпкимъ беззаботнымъ сномъ. Одинъ изъ гренадеръ грубо разбудилъ ее, но маленькаго Ивана Елизавета не позволила тревожить; однако, шумъ, крикъ и вопли, раздававшіеся вокругъ него, вскорѣ разбудили ребенка. Кормилицѣ его было приказано отнести его въ караульную комнату, гдѣ Елизавета, взявъ ребенка на руки, какъ будто разжалобилась надъ нимъ.

„Бѣдняжка, ты ни въ чемъ не виновенъ! Виноваты только твои родители!...

И она увезла малютку въ своихъ саняхъ. Когда она проѣзжала по Невскому, улица уже была полна народа, привѣтствовавшаго ее громкими радостными „Ура“! И при звукѣ этихъ радостныхъ возгласовъ, ребенокъ тоже радовался и улыбался той, которая только что отняла у него престолъ и корону.

Это былъ пятый или шестой государственный переворотъ со смерти Петра Великаго, такъ какъ и восшествіе на престолъ Петра II также не было вполнѣ законнымъ. Но изъ всѣхъ этихъ переворотовъ послѣдній, безъ сомнѣнія, былъ самый преступный по принципу и, повидимому, ничего хорошаго не обѣщалъ для будущности страны. Въ самомъ дѣлѣ, что можно было ожидать отъ императрицы, превратившей свое ложе, доступное любому пьяному гренадеру, въ ступень, по которой она взошла на тронъ;—что можно было ожидать отъ этой дочери Петра Великаго, которая согласовала свои дѣйствія съ наступательнымъ движеніемъ вражеской (шведской) арміи, которая оффиціально вступила въ предѣлы Россіи, чтобы поддержать ея честолюбивые замыслы?

Но вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимая судьба стерегла неприкосновенность наслѣдія Петра Великаго и, какъ честолюбіе Елизаветы, такъ и безволіе Анны Леопольдовны не могли переступить той грани, за которою грозила опасность цѣлости Русскаго Государства въ томъ видѣ, какъ его оставилъ царь Петръ. Какъ ни страстно стремилась ко власти Елизавета, все же она отвергла, не задумываясь, предложеніе, грозившее неприкосновенности Петровскаго наслѣдія. Какъ ни плохи были русскія войска въ то время и какъ ни плохо было ихъ снаряженіе и продовольствіе, все же войско это отразило врага и не дало ему посягнуть на

наслѣдіе великаго царя. Такимъ образомъ, вопреки самымъ худшимъ условіямъ, попираемая и наводняемая иностранными авантюристами и авантюристками, оспаривавшими съ ожесточеніемъ другъ у друга власть, Россія не гибла, не распадалась, какъ этого слѣдовало ожидать; нѣтъ, она таила въ себѣ ту скрытую, внутреннюю силу, ту живучесть здороваго организма, которая давала ей возможность восторжествовать надъ всѣми бѣдами и перенести обрушивавшіяся на нее испытанія.

Ведя свои переговоры съ Нолькеномъ, Елизавета безусловно не руководствовалась чувствомъ патріотизма, какъ и сама она впослѣдствіи созналась, и отнюдь не интересы Россіи заставили ее отказать въ своемъ согласіи на требованія шведскаго посла; нѣтъ, она сама говорила, что только боязнь всеобщаго осужденія подобнаго поступка и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ помѣшали ей отказаться отъ завоеваній Петра въ пользу Швеціи. Значитъ, она чувствовала, знала, что русскій народъ не простилъ бы ей этого. Ласси былъ не болѣе, какъ наемникъ, но и онъ зналъ и чувствовалъ, что командуетъ людьми, которые не задумавшись растерзали бы его на клочки, если бы онъ вздумалъ не исполнить своего долга и не сдѣлалъ всего, что было въ его силахъ, чтобы вытѣснить врага. Такимъ то образомъ, не проявляя себя ни въ чемъ непосредственно, народное чувство или, вѣрнѣе, сознаніе, незамѣтное, заглушенное и почти безсознательное, но сильное и могучее, сказывалось во всемъ и удерживало всѣхъ этихъ людей отъ слишкомъ рѣзкаго и прямого уклоненія отъ предначертаній своего великаго Преобразователя, отъ прямого нарушенія интересовъ страны, которые въ концѣ концовъ все-же торжествовали надъ всѣмъ.

КОНЕЦЪ.

5 ИЮЛ 1947